

**Два всадника
на одном коне**

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Михаил Фёдоров

Два всадника на одном коне

Михаил Фёдоров

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА (2016)

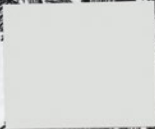
Лауреат второй премии

Сирота Василий из разорённого ордынцами села чудом попадает ко двору рязанского князя. Обучаясь вместе с княжеским сыном, Василий превосходит его в книжной премудрости и боевых искусствах. Накануне Куликовской битвы князь посылает талантливого воспитанника в неприятельский стан с тайным заданием. Справится ли Василий с поручением князя?

ISBN 978-5-08-005704-5

9 785080 057045

**Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова**

**Российский
Фонд Культуры
Совет по детской
книге России**

Михаил Фёдоров

Два всадника на одном коне

Историческая повесть

**Москва
2017**

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф33

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018)»*

Научный консультат кандидат исторических наук
В. ГЕНИНГ

Оформление серии А. РЫБАКОВА
Иллюстрации А. ШЕВЧЕНКО

Фёдоров М. Ю.

Ф33 Два всадника на одном коне : историческая повесть / Михаил Фёдоров ; [ил. А. Шевченко]. — М. : Дет. лит., 2017. — 280 с. : ил. — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).
ISBN 978-5-08-005704-5

Действие повести происходит в конце XIV века, в один из самых драматических периодов становления Русского государства — собирания сил русских князей для борьбы с Золотой Ордой и объединения их княжеств вокруг Москвы.

Золотоордынцы, крымчаки, литовцы, фрязи... На фоне этого исторического многолюдства, явных врагов и временных, ненадёжных союзников Руси разворачивается судьба главного героя — десятилетнего сироты Василия. Он чудом попадает ко двору рязанского князя и накануне Куликовской битвы получает от него важное задание, выполнение которого может существенно повлиять на исход предстоящего сражения. Удастся ли Василию справиться с княжеским поручением?

Для среднего и старшего школьного возраста.

**УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-44**

ISBN 978-5-08-005704-5

© Фёдоров М. Ю., 2017
© Рыбаков А., оформление серии, 2011
© Шевченко А. А., иллюстрации, 2017
© Макет. АО «Издательство
«Детская литература», 2017

О КОНКУРСЕ

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня — дети, завтра — народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году были объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Содержание

О Конкурсе 5

ДВА ВСАДНИКА НА ОДНОМ КОНЕ

Историческая повесть

Часть первая. НЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ 11

Часть вторая. В РЯЗАНИ 55

Часть третья. КНЯЖЬЕ ПОРУЧЕНИЕ 107

Часть четвёртая. В ПУТИ 134

Часть пятая. В КУРСКЕ 188

Часть шестая. ПОЛЕ КУЛИКОВО 230

Два всадника на одном коне

Историческая повесть

НЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ

Глава первая

Я — ВАСИЛИЙ, СЫН КУЗНЕЦА

Здравствуйте! Меня зовут Вася. Ну или Василий, если полностью. Правда, это имя мне дали в церкви, а дома называют по-другому — Вьюн. Отец рассказывал, что когда я был ещё совсем маленьким, то ни минуты на месте не сидел. Чуть только недосмотрят, сразу ползу куда-то, чаще всего — за порог. Бабка Секлётія, ворожея, что заходила к нам по-соседски, так и говорила: «У-у, шустрый какой, чисто вьюн речной! Из избы всё норовит — чаю, по отцовской тропке ему не хаживать». С тех пор и повелось — Вьюн да Вьюн. А уж когда пошёл, тогда совсем матери покоя не стало! Ей ведь надо и за мной присматривать, и в избе прибираться, и кашу сощами варить.

Хорошо ещё, отец у меня не крестьянин, а кузнец. Не надо ему в поле пропадать от темна

до темна. Всё время при кузне, что возле дома пристроена. Куёт на заказ лемеха, стремена да ободья колёсные. Ну и оружие, конечно. В наше время без оружия никак. Время сейчас тревожное. Да что там — сейчас! Оно у нас всегда неспокойное. Только и слышно: то там князья что-то не поделили, друг дружке земли разоряют, то здесь ордынцы в набег пошли. А страдают больше всех мужики простые. Да ещё земля наша Рязанская на самом краю Руси. Ордынцы ведь к нам в первый черёд наведываются.

Отец мой, Иван, по прозвищу Векша, — кузнец отменный, он не только всю нашу округу коваными изделиями обеспечивал, но к нему даже издалека приходили — из Коломны, Каширы и Рязани. Были даже из Тулы и Москвы, хотя там и своих хороших кузнецов хватает. А Векша — это прозвище ему от отца досталось, деда моего. Дед был хорошим охотником, вот и прозвали его Векша — «белка» значит. Он их знатно бил из лука. Если какую увидел, не уйти ей, пойдёт на шапку.

Так вот, отцовские мечи всегда были лучше других. Ведь для того, чтобы хорошее изделие выковать, много хитростей знать надо. Отец сначала железо год в торфяном болоте выдерживал, потом пучок железных прутьев раскачивал в кузнечной печи добела — и ну охаживать тяжёлым молотом! Я такой молот даже поднять не мог. После остудит и ещё раз, и ещё! А под конец закачивал в кадке с постным маслом. Получались очень крепкие мечи серо-синего цвета,

с красивым рисунком, если отполировать. Но и стоили они недёшево, ведь один хороший меч надо было ковать несколько дней. И железо дорогое. Его ведь тоже не так просто добыть.

Было какое-то место на болоте, где отец руду железную копал. Никто не знал, когда и куда он два-три раза в год отправлялся на недельку за рудой. Боялись за ним ходить, говорили — на болоте одни упыри да болотники живут. Кузнеца они опасаются, ведь его ремесло — от Бога, а простому человеку могут какую-нибудь пакость сделать. Некоторые отчаянные головы пытались сами в болоте копать, но так никакой руды и не нашли. Или нашли, но такую, из которой хорошего железа не сделаешь. А отец только посмеивался: мол, не по Сеньке шапка. А мне, мальцу, говорил:

— Руда — это только полдела, тут ещё и правильный уголь нужен. Вот, например, уголь из ольхи или осины не подойдёт. Жар он не тот даёт да и железо грязнит. А вот берёза или дуб — то что надо. Только из дуба я уголь не жгу. Дуб для построек нужен: не гниёт и от времени только крепче становится. А берёзовый уголь — в самый раз. И жар даёт сильный да ровный, и в железе пепла не оставляет. Да и берёз в наших краях много, а силу они набирают куда быстрее дубов.

А я так думаю, что кроме правильных руды и угля нужны ещё и правильные руки и голова. Вот тогда из кузни и выйдут правильный меч или серп.

Пока я маленький был, отец меня не сильно работой загружал. Нет, я, конечно, помогал чем мог. Ну там поднести что-нибудь, на что сил хватит, — квасу ковш подать или ещё что. Да и приглядывался, осваивался потихоньку. Молотом мне было махать несподручно — тяжёл больно, а вот сколько и как в плавильную печь загрузить руды да угля, чтобы хорошее железо вышло, или как правильно розжиг дляковки делать, дабы расход топлива был поменьше, — это я уже знал. Даже помогал отцу мерным совком отсыпать и уголь берёзовый, и руду болотную.

Но всё это занимало немного времени. А летом в деревне приволье! По грибы да ягоды мы с друзьями, конечно, не ходили — это девчачье дело. А вот за рыбой на речку бегали часто. И ладно бы, если б только сами ловили, так нет! Пару раз выпотрошили рыбацьи сети. В первый раз сошло с рук, а во второй...

Антоха-рыбак, кажется, после того, как у него улов пропал, заподозрил что-то и стал высматривать, кто это повадился к нему сети опорожнять. Ну и высмотрел. Выбегает — страшный, зубы оскалены, глаза горят, а у самого нож в руке, которым он рыбу кромсает. Хороший нож, острый, немного изогнутый, и режущая кромка внутри изгиба — таким удобно чешую чистить. Его отец ковал по заказу Антохи. Мы понимали, разумеется, что нож у него — только для острастки, но всё равно жутковато было.

Нет, мы от него, конечно, убежали, он ведь хроменький, быстро бегать не может. Но когда я вечером вернулся домой, отец встретил меня на пороге, поигрывая розгой...

В общем, на следующий день я на улицу не выходил — отлёживался в избе. А отец, подавая мне квасу, всё повторял:

— Нельзя, сынок, обижать тех, кто пропитание себе по́том да мозолями зарабатывает, нельзя, последнее это дело!

Этот урок я усвоил крепко. Даже не так больно от розги было, как перед отцом стыдно.

Еще хотели мы как-то забраться в подворье к бабке Секлетии за яблоками — она ведь не по́том и мозолями себе на жизнь зарабатывает, а заговорами. А про это я отцу ничего не обещал! Но побоялись: Секлетия ведь ворожея, почти колдунья. Об этом никто вслух не говорил, особенно от нас, несмышлёнышей, скрывали. Но шептались. Да, шептались. Священник наш, отец Алексей, на Секлетию искоса посматривал — видно, знал про её деяния. Или догадывался. Он ведь наш, местный. Сказывают, Секлетия как-то давно мать Алексея от какой-то жуткой хвори вылечила. В общем, не полезли мы к ней. Вдруг прознает, кто яблоню ободрал? Ещё болячку какую наслёт или превратит в жабу!

Говорили, что она по ночам улетает в окно по своим ведьмачьим делам верхом на голике¹, но я

---

¹ Г о л ь к — веник из голых прутьев, без листьев.

сам не видел, а в сплетни эти не очень-то верил. Скажите, ну как можно летать на голике? Видел я этот голик — крыльев у него нет, и вряд ли вырастут. Спору нет — сам голик, конечно, полетит, если его, хорошенько размахнувшись, швырнуть куда-нибудь. Может, голик сам, без Секлети, летал? Мало ли, ветром подхватило и понесло? Ну уж не знаю. В конце концов я перестал об этом думать. Тут думай не думай, ничего не изменится. Да и враки это, скорее всего.

Однако слава за Секлетией тянулась такая, что лучше её не злить. Поэтому мы, от греха подальше, решили к ней в подворье не лазать, а занялись рыбалкой, стрельбой из лука да помогали родителям по хозяйству.

Глава вторая

ГОРЕ

Вот так мы и жили. И всё было хорошо, пока с матерью беда не случилась. Пошла она как-то зимой на речку бельё полоскать. А полынья там большая: всё село ходит, края накатанные, с ледяной коркой. Обычно там пешней¹ засечки делают, чтобы не скользить, или деревянные мостки кладут. А тут мостков не оказалось: уволок кто-

---

¹ П е ш н я — инструмент для пробивания проруби во льду. Представляет собой железный наконечник с прямой или (чаще) полукруглой рубящей кромкой, насаженный на длинную деревянную рукоятку.

то. То ли из шалости, то ли просто по глупости. Поскользнулась мать и ухнула в прорубь с головой. Течение там несильное было, под лёд сразу не уволокло, но и вылезти из проруби самой не удалось. Кричала она, кричала, да разве кто услышит! Хорошо, мужики из леса с дровами ехали! Подбежали, вытащили, в сухой тулуп закутали. Так и привезли домой. Отец, как узнал, кузню бросил, меня за бабкой Секлетией послал, сам рядом хлопчет. А мать лежит, жар уже у неё, глаза затуманились, губы обметало.

Лечили её до весны. Бабка Секлетия отвары из заветных трав варила, в бане её парила, давала мёд с чабрецом, багульником и мать-и-мачехой. Ничего не помогало. Матери становилось хуже и хуже. И как-то утром, когда уже солнышко стало жарче припекать, а с крыш закапало, бабка Секлетия перекрестилась, закрыла ей глаза и сказала:

— Всё, догорела!

Я тогда заплакал, хоть и был уже взрослым — десять годков, как-никак.

Когда я жил уже при княжьем дворе в Рязани (об этом расскажу немного позже), то наблюдал, как в церкви догорают свечи. Они становятся совсем маленькими, и пламя тоже делается маленьким и коротким, всё меньше и меньше, а потом гаснет, только облачко белого пара улетает вверх. Так и мамина душа улетела в небо белым облачком.

Дьяк Варсонофий, которому я помогал служить в рязанской церкви, показал мне, как мож-

но зажечь погасшую свечу. Нужно держать наготове горящую лучину и просто поднести её к белому облачку. Оно вспыхнет, огонь перекинется на фитиль, и свеча снова загорится. Только надо, чтобы это был не малюсенький огарочек, а большая свеча. Потому что огарок всё равно потом быстро погаснет.

Я думаю иногда: свечи почти как люди, так же горят и гаснут. Одни горят ровно, ярко, другие чадят. Задуть свечу, когда она догорела только до половины, — это как убить человека в расцвете лет. Если найдётся кто-то, кто подожжёт улетающее белое облачко, то свеча будет гореть ещё долго. Если найдётся кто-то, кто воскресит убитого, последний тоже будет жить долго. Только нет таких людей, кто мог бы воскрешать. Варсонофий говорит, что Иисус воскрешал, когда жил среди людей, но это ведь давно было и не у нас. Да и не человек он, а Бог.

Похоронили маму в середине марта. Помню, как соседские мужики жгли на мёрзлой земле костры, чтобы выкопать могилу. Когда гроб опускали, у отца слёзы в глазах стояли. А уж про себя я и не говорю.

С этого дня как-то пусто стало в избе. Отец ходил грустный, старался подольше в кузне пропадать — уходил рано утром, в избу возвращался только поздно вечером. Стал поговаривать, что надо бы перебираться в другое место — не может он здесь находиться. Но уйти мы никуда не успели.

Летом в наше село пришла большая беда. Сначала, правда, никто и не посчитал это бедой. Появились какие-то иноземцы. Было это посольство к ордынскому хану от фрязей¹, что в Крыму² живут. Рядом с селом проходит наезженный тракт с полудня³ на Орду, по нему многие и ездят, и ходят. Вот и тогда десятка два всадников остановилось в нашем селе переночевать. Разместились в избах зажиточных хозяев, а один, толмач, толстый такой, все рыскал по селу, фыркал презрительно: то ему не так, это не этак. Увидит лужу и начинает зудеть:

— Фу, у нас в Генуе городские власти такого не допускать. Хозяин, возле который дом такое есть, — штраф платить.

Мужики наши молча слушали его да дивились. А толмач дошёл до церкви и совсем уж скривился:

---

¹ Ф р я з и — так на Руси называли итальянцев, а частенько и всех европейцев.

² В Крыму в это время сталкивались интересы Золотой Орды, Византийской империи и некоторых итальянских городских республик. Генуэзцы ещё в XII в. получили от Византии право прохода через пролив Босфор в Чёрное море. В XIII в. они основали колонии в Крыму, на Таманском полуострове и в устье Дона. За право торговли генуэзцы платили пошлину ордынцам. Наряду с генуэзскими колониями в Крыму существовали территории, принадлежавшие греческим православным князьям. И те и другие были разгромлены турками в 1475 г., через 22 года после захвата Константинополя.

³ С п о л ў д н я — с юга. В те времена на Руси стороны света назывались иначе: юг — полдень, север — полночь, запад — закат, восток — восход.

— Фу, еретики, язычники!

На беду его, оказался рядом отец Алексей. Глянул он на иноземца сердито, потом перекрестился, прошептал: «Прости, Господи!» — и так хватил его ручищей по затылку, что полетел фрязин в пыль кубарем. Даром что толстый да тяжёлый! Поднялся — и задал стрекача. Отец Алексей здоровенный, словно битюг, ладони как сковородки. Кулак сожмёт — аж смотреть страшно! Такого лучше не сердить. Толмач тоже это понял и решил бежать за подмогой. А я следом за ним увязался, чтобы предупредить отца Алексея об опасности, если фрязи решат вступиться за своего.

Но всё обошлось. Я видел издали, как он подбежал к своим — и ну что-то лопотать! Но их старший не долго слушал. Грозно так брови сдвинул, цыкнул что-то сердито, и толмач тут же замолчал. Видно, здóрово он их допёк своей суетливостью. Правда, толмач всё равно спокойно сидеть не смог и, завидев вдали мельницу, побрёл смотреть. И что его там заинтересовало? Неужто в его Генуе ветряных мельниц нет? Хотя, может, и правда нет. Их и у нас-то мало пока. Отец говорит, что на Рязанщине точно больше нет. Может, в Москве или Туле есть? В Нижнем Новгороде или Новгороде Великом — вряд ли. Там рек и речушек много, скорее водяную мельницу поставят. А ветряк — это как раз для наших мест, где лес в степь переходит.

Вечером беспокойный фрязин забрёл в отцову кузню. Не знаю уж, чем отец так расположил

его к себе, но, когда я подошёл, он с восхищением разглядывал только что выкованный меч. Пробовал его на ноготь, бил наотмашь и тычком, даже нюхал и лизал. Сразу видно: человек в этом деле толк знает. Только и слышно было от него:

— Бене, экселент, превосходно!

А потом как узнал, что отец ставил тот мельничный ветряк, совсем разволновался. Начал что-то быстро говорить, то по-нашему, то по-своему. И по плечу отца похлопывал. О чём речь шла, я уже не слышал, потому что отец отослал меня из кузни. Но я в окошко подглядывал: отец сначала улыбался, потом перестал, засмурнел и стал головой мотать. Иноземец заговорил громче, стал даже повизгивать и подпрыгивать на месте. Смешно: как будто колобок на ножках скачет.

Отец слушал-слушал, потом взял его за шиворот и молча выставил за ворота. Повезло фрязину: если б отец поступил с ним как и Алексей, то не дошёл бы тот до ночлежной избы сам — пришлось бы товарищей звать, чтобы отнесли. Отец-то ещё посильнее батюшки будет, хоть и ростом поменьше. Да и то: помахай молотом с его — силёнок здорово прибавится.

Левая рука, правда, у него в локте плохо гнулась и трёх пальцев не было, только на мастерстве да на силе это никак не сказывалось. Откуда у отца такое увечье, я до поры до времени не знал. Да уж ладно — потом об этом расскажу.

Спросил я тогда отца, о чём они с фрязином говорили. Он скрывать не стал:

— Понравилось ему, какие я мечи умею ковать. Хотел, чтобы ушел я с ними в Крым, а оттуда в Геную, что во фряжской земле. Говорит, что таким мастерам там большой почёт и уважение. А когда я отказался, угрожать начал. Вот я его и выставил со двора.

— Ты ведь говорил, что и сам решил отсюда уходить.

— Отсюда, да не с Русской земли. Переберёмся в Рязань, Тулу или Москву. Главное, чтобы свои рядом были. Не пропадём, сынок.

— А он мстить не будет?

— Нет, сын. Пустой он человек, зряшный. Пойдём-ка лучше в избу: солнце уже садится.

Отец уложил меня на печь, сам устроился на широкой лавке, постелив тулуп. Я слышал, как он ворочается и вздыхает. Потом спросил:

— Сын, ты спишь?

— Нет.

— Ты этого фрязина запомни. Человек он, конечно, сам по себе никчёмный. Только чует моё сердце: пришёл он в нашу землю не просто так.

Отец немного помолчал. Я тоже молчал, не решаясь вставить слово.

— Сын, ты не заснул?

— Нет.

— Очень уж мне не понравился его перстенёк.

— Чем не понравился, батя?

— Да всем! Станный он у него какой-то. Такие важные толмачи при посольстве не могут носить перстни из простого железа.

— Из железа?

— Да, сын. Из простого железа. Уж я-то могу распознать это с полувзгляда.

— Может, там самоцвет какой?

— Нет там самоцвета. Просто железный перстень. А вместо камня печатка — два всадника на одном коне. Сдаётся мне, для опознания это.

— Для какого опознания?

— А чтобы соплеменники узнали его всюду, где бы он ни появился. И чтобы он по такому же знаку других узнал. А коли уж есть необходимость в таком перстне, значит, везде они могут быть, но о себе громко говорить не хотят — хоронятся. Так что ты запомни печатку — два всадника на одном коне, авось пригодится. И не просто два всадника, а два воина — в шлемах, кольчугах и с копьём. Ну ладно, спи.

Он перевернулся на другой бок и через минуту захрапел. А я ещё долго лежал и не мог заснуть. Что же это за странная печатка такая? Может, это два странника на одном коне? Тогда копьё зачем? Или в странствиях без копья — никак? И то верно: время сейчас суровое, без оружия не попутешествуешь. Размышляя таким образом, я уснул.

А ещё через три недели в село пришли ордынцы...

Глава третья

НАБЕГ

Ордынцы пришли после полудня, когда отец, утомлённый утренней ковкой, прилёг отдохнуть. Налетели на село вихрем на своих быстрых невысоких лошадках. Было их, как мне потом рассказали, много — сотня или две. Где-то далеко, на другом конце села, слышался визг. Знающие люди говорят, что они всегда визжат, чтобы на врага страху нагнать. Я как услышал, выскочил на улицу: мимо проскакали двое ордынцев с луками в руках. Кривые сабли в ножнах болтались на левом боку. Один, повернувшись, выстрелил куда-то вбок и тут же быстро выдернул из саада новую стрелу.

Я, спрятавшись за плетень, наблюдал за происходящим. И нет бы, дураку, укрыться в избе: стрельнут ведь, не посмотрят, что маленький. Они, говорят, стреляют во всё, что шевелится.

Откуда-то выскочил Антоха-рыбак и, даром что хромой, ловко подскочил ко второму ордынцу, ударил ножом снизу в живот и повернул лезвие в теле. Тот, кажется, даже почувствовать ничего не успел, кулём осел в седле и полетел вниз. А ножик-то — тот самый, которым Антоха нам за сети грозил, отцовский! Пригодился, выходит, для настоящего дела. Отбежать Антоха не успел. Первый ордынец, почуяв что-то звериным своим чутьём, развернулся и метко пустил стрелу. Антоха покатился на землю да так и остался

лежать на обочине дороги, только пыль вокруг намокла от крови.

Что было дальше, я не видел. Отец, выбежав на улицу, схватил меня за шиворот и, как я ни брыкался, затащил в дом, засунул в подпол и придал крышку чем-то тяжёлым, чтобы не вылез. А сам потоптался в избе — видно, доставал оружие, и потом всё стихло.

Откуда-то издалека до меня доносился шум, только не понять было, кто и что кричит. А может, это и не кричат вовсе, а что-то лязгает или скрипит. Разобрать я не мог. Внезапно наверху затопали — явно чужие! Их было двое или трое. Разбежались по избе, как будто что-то искали. Говорили не по-нашему и, кажется, не по-ордынски. Я чётко различил слово «нессуно»¹. Голос был знакомым, и узнал я его сразу. Это был голос того самого толмача, что получил по шее от батюшки Алексия, а потом уговаривал отца уехать с ним в Крым.

Они еще немного потоптались наверху, там что-то звякнуло. Наверное, хватали всё что ни попадя. Отец как раз недавно закончил ковать два меча. Потом протопали на выход, и в избе стихло. Шум доносился только с улицы, сливаясь в однообразный тяжёлый гул. Нетрудно было догадаться, что там творилось: ордынцы грабили, убивали, жгли. В подполе запахло гарью. К счастью, здесь оставалось ещё достаточно воздуха, чтобы я не задохнулся. Отец как-то объяснял мне, что горя-

---

¹ Никого (*um.*).

чий дым всегда легче воздуха и ходит поверху, как щепка, которая всегда поверх воды плавает. Это меня и спасло.

Правда, сидеть в подполе мне пришлось долго — остаток дня и всю ночь. Когда гул пожара затих, я стал кричать, звать на помощь. Пытался сам выбраться из подпола, но всё было напрасно. Что же отец положил на крышку? Сильно хотелось пить и есть. Пить даже больше, потому что от сгоревшей избы в подполе стоял сильный жар.

Ближе к утру я уже перестал надеяться, что придёт отец и вытащит меня отсюда. Становилось трудно дышать, как бывает, когда летом долго сидишь в комнате с закрытыми окнами и дверьми. Хотя подпол устроен так, чтобы всё время был приток свежего воздуха — против плесени, но, видно, из-за пожара отдушины завалило. Иногда мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание.

В подполе было темно, свет с улицы сюда не проникал. Я даже не знал, что сейчас — ночь или утро. Мне начала мерещиться всякая чертовщина. Сначала показалось, что из тьмы на меня смотрит какая-то клыкастая морда, потом она пропала, и в углу засветилась жёлтым тонкая лучина. Потом и она исчезла, и сверху, кажется, что-то посыпалось. Я подумал, что это идут меня спасать, и крикнул. Но голоса своего не услышал: во рту пересохло, и кричать я не мог, только хрипел. В углу вдруг опять что-то засветилось. Слабое голубое сияние постепенно приобрело знакомые черты. Мама! Она смотрела на меня, грустно

улыбаясь, а я настолько ослаб, что не мог не то что подойти к ней, а даже просто шевельнуть рукой или ногой. Потом свечение пропало, и мне вдруг стало казаться, что меня обнимает кто-то большой, сильный и недобрый. Обнимает и сдавлирует, не давая вздохнуть. В голове у меня помутилось, и последнее, что я тогда запомнил, это открывающуюся крышку подпола и чей-то звонкий незнакомый голос:

— Глянь-ка, малец тут!

И я провалился в черноту...

Глава четвёртая

ПЕРЕД КНЯЗЕМ

Помню, что сильно трясло. Я поднимал голову и глядел по сторонам. Меня везли на телеге по лесной дороге. Рядом скакали на рослых конях дружинники в кольчугах с мелкими кольцами. Я только отметил про себя, что, видно, князь на дружину денег не жалеет. Такая кольчуга хоть и дорогá, но в бою хорошо оберегает воина. Стрела труднее пробивает мелкие кольца, и удар мечом они лучше держат, чем крупные. Так отец говорил.

Потом дружинники ускакали вперёд, с обозом остались только возничие — по одному на две телеги. Видно, конец пути был уже близок и охраны не требовалось. Правда, куда мы направлялись, я пока не знал. В дороге была одна

ночёвка, которую я помню плохо, потому что все ещё находился в объятиях кого-то большого и недоброго, который душил и не отпускал меня.

Наутро мне стало легче. Свежий лесной воздух привёл меня в чувство и подействовал как лекарство. Меня накормили овсяным толокном и велели не слезать с телеги, пока не восстановятся силы.

Через несколько вёрст лес закончился, и потянулась степь с берёзовыми колками. День выдался хороший, тёплый. Солнышко светило, птички чирикали, да только на душе у меня было ой как нерадостно! И хотя, после того как меня вытащили из подпола, родное село я не видел, но ясно же, что ничего там не осталось, кроме пепелища. Как не раз и не два уже бывало на Руси. И самое главное, неизвестно, что с отцом!

Путь занял весь день до вечера. Когда солнце начало клониться к закату, вдалеке показались городские стены. Поля вокруг них были тщательно возделаны.

— Это какой город? — спросил я возничего.

Тот глянул на меня озадаченно, хмыкнул и ответил:

— Рязань.

Едва мы проехали городские ворота, к телеге, на которой меня везли, подошёл молодой дружинник:

— Князь требует отрока к себе!

— Что ж, ступай, — сказал мне возничий.

Дружинник вскочил на коня, усадил меня спереди, и мы поскакали к княжьему терему.

Вот ведь интересно: два всадника на одном коне, прямо как на той печатке у фрязина! Хотя, впрочем, какой из меня всадник? Я с интересом вертел головой по сторонам: в городе-то впервые! До этого никуда из своего родного села не уезжал. Правда, кое-что повидал, ведь село было большим, и через него проходило много и купцов, и монахов, и просто путешественников.

Больше всего удивили меня в Рязани терема в два, а то и в три яруса. Срубы все свежие, жёлтые, — видно, что недавно поставлены.

— Эй, — толкнул я локтём в бок дружинника, — Рязань недавно строилась, что ли?

Тот от неожиданности даже ойкнул, а потом щёлкнул меня по макушке:

— Ишь ты, какой шустрый да глазастый! Сиди уж, малец!

Потом, видно, ему самому захотелось поболтать.

— Да два года как ордынцы сожгли. Сейчас вот заново отстраиваемся.

— А-а-а! Ясно.

— Ты ведь с той деревни, которую ордынцы спалили?

Я старался не думать о том, что произошло. Думками горю не поможешь — только душу расстрожишь. Надо держаться, а этот дружинник всё разбередил. Слёзы невольно навернулись на глаза, и я не стал ему отвечать.

Дружинник, кажется, понял моё состояние и не стал больше расспрашивать ни о чём.

Через несколько минут мы подъехали к каменному кремлю, в котором находился княжий терем. Ворота охраняли пять воинов в кольчугах и с мечами. Они узнали всадника и молча пропустили. На меня никто и внимания не обратил.

Мы поднялись по каменной лестнице и вошли в просторную палату с окнами, убранными тонкими прозрачными пластинками слюды. Правда, что это слюда, я тогда ещё не знал — это мне потом объяснили. Очень красиво! В княжьих палатах всё было так не похоже на убранство нашей избы! У нас простой сосновый сруб, а здесь каменная кладка. Наши окна затянуты бычьим пузырём и закрываются деревянными ставнями, а здесь мало того что слюда, так ещё и ставни подогнаны как-то особенно... ловко, что ли? Сводчатый потолок, свежеструганные доски пола, длинный стол, покрытый скатертью, расшитой какими-то невиданными узорами да животными.

Наверное, я долго стоял с раскрытым ртом, потому что дружинник легонько стукнул меня по затылку и шепнул:

— Кланяйся князю Олегу.

Только теперь я увидел, что за столом с красивой скатертью, расшитой, как я теперь разглядел, солнышками и петухами, сидит князь в лёгкой синей атласной рубахе, а по левую и правую руку от него — бояре. Одни в опашнях¹, другие, как и

---

¹ О п а ш е н ь — разновидность кафтана с длинными широкими рукавами и пристежным меховым воротником.

князь, — в рубахах. Важные такие сидят — наверное, им так по чину положено. Мне даже смешно стало (хотя, казалось бы, сейчас совсем не до смеху!): до чего же те, что в опашнях, похожи на псов, раскинувшихся на солнцепёке! Ещё б языки высунули! И чего вырядились?! Жарища же!

Когда я поклонился, князь благосклонно покачал головой и сказал:

— Рассказывай, отрок, что знаешь.

А что мне рассказывать-то? Я же ничего толком и не видел. Рассказал, как отец меня посадил в подпол, а сам взял оружие и пошёл биться с ордынцами. Меня выслушали внимательно, а толстый старый боярин, который сидел по правую руку от князя, обратился к нему:

— Дозволь, княже, я спрошу?

Олег молча кивнул. Боярин повернулся ко мне:

— А не случилось ли в вашем селе незадолго до ордынского набега чего-то странного, такого, чего раньше не было?

— Нет, — ответил я, — ничего. Да и село наше у торной дороги стоит, в нем много чего случается. Как тут разобрать, странное оно или не странное?

— Не заезжал ли кто в село, — не унимался боярин, — кого раньше не бывало?

— Наезжали, — говорю, — как раз недели за три до ордынцев было посольство от крымских фрязей в Орду. А так — нет, больше никого.

Бояре, как услышали мои слова, загомонили, загудели:

— Вот, значит, как!

— За нашей спиной фрязи с ордынцами сговариваются. И конечно, против нас!

— Турки, значит, под Царьградом, православной твердыней, всю хозяйничают, а латиняне сюда руки тянут. Не бывает этому!

— Мы им ручонки-то повыведем!

Олег поднялся и стукнул ладонью по столу:

— Господа бояре!

Сразу стало тихо. Голос у князя вроде негромкий, но какой-то зычный, густой. Говорит так, что пробивает аж до самого нутра.

— Не знаю, я, бояре, фрязи ли, наслали на наши владения ордынцев или нет. У нас с Ордой мир. И неоткуда им было взяться. Может, какой тысячник¹ своевольничает? Хотя нет, это вряд ли. Дмитрий, расскажи всем, что видел.

Молодой боярин, сидевший недалеко от князя, встал из-за стола:

— Скажу, княже! Когда гнались мы за ордынцами, нагнали отставшую полусотню. Сдаваться они не захотели — пришлось всех порубить. Начальный над ними был не прост, совсем не прост. Нашли мы у него вот это.

Он достал из-за пазухи продолговатую дощечку с дыркой ближе к одному краю и показал боярам. Послышались голоса:

---

¹ Т ы с я ч н и к — здесь: военачальник, под командованием которого находится тысяча воинов.

— Что это?

— Что за доска?

Тут снова заговорил князь:

— Это пайцза Булака, ордынского хана. Дощечка с надписью басурманским письмом и с вырезанной стрелой. Значит это — лети как стрела, чтобы выполнить приказание хана. И сами ордынцы, и подвластные им племена должны оказывать тому, кто предъявит такую пайцзу, всяческую помощь. Если надо — конями, если надо — пищей, оружием или кровом. А дают такую пайцзу незнатным ордынцам, которые выполняют важное поручение. Только вот почему тот, кто был старшим в набеге, получил пайцзу — не знаю. Обычно в набег её не дают.

Он помолчал немного и спросил:

— Может, что-то ещё было в селе, что ты от нас утаил?

Это уже ко мне. А я ничего и не утаивал. Сами не дали всего рассказать, а теперь — утаил, утаил!.. Всё рассказывать — так и дня не хватит. Разве что про это?

— Ещё толмач у фрязей был с железным перстнем.

— Вот как? — удивился князь. — А не путаешь ли ты, отрок?

— Нет, не путаю, мне отец рассказал. Он с толмачом разговаривал, а потом за ворота его выставил. И когда нашу избу грабили, слышал я, как наверху говорили не по-нашему. И голос, кажется, был того толмача-фрязина. Вот. А ещё отец

удивлялся: отчего такой важный гость носит простой железный перстень с печаткой?

— С печаткой? — встрепенулс толстый боярин. — А что за печатка на том перстне? Видел?

— Не видел, но знаю. Отец видел.

— Что?

Этот вопрос, кажется, произнесли вместе и князь, и толстый боярин, и тот, кто гнался за ордынцами, да и все, кто был в палате. Может, и не произнесли, но так сильно захотели узнать ответ, что показалось, будто вслух спросили. Точно.

— Два всадника на одном коне.

Толстый боярин хлопнул рукой по столу:

— Они!

Князь нахмурил брови.

— А точно ли так тебе отец говорил?

— Точно. Два воина, а копьё почему-то одно.

— Да, нет никакого сомнения, князь, — сказал боярин, — это их знак. Вот, значит, куда они докатились. Мало они в закатных странах воду мутили!

Князь рукой указал ему на место. Боярин сел.

— С этим всё ясно, кроме одного: зачем им надо было разорять село?

От меня никто ответа не ждал, но я влез:

— Толстый фрязин хотел, чтобы отец с ним уехал и для них оружие делал.

Впервые за время разговора на меня, кажется, взглянули с интересом:

— Так твой отец оружейник?

— Да. Кузнец.

— Вот оно как!

Князь вышел из-за стола и подошёл ко мне:

— Да, похож! Если на две головы выше, да вдвое шире, да бороду отрастить — точно кузнец Иван Векша будешь.

Вот же как бывает в жизни! Кто бы мог подумать? Оказывается, князь Олег Рязанский знал моего отца! Хотя чему я удивляюсь? Таких мастеров, как отец, по всей Русской земле наперечёт. Да и среди них, если разобраться, отец всё равно самый лучший! А в Рязанском княжестве точно никого лучше его нету!

Но тут я удивился ещё больше.

— Смышлёный малец, — сказал толстый боярин! — От горшка полвершка, а говорит разумно. Княже, пусть у меня живёт. Я его грамоте и военному делу обучу.

Олег Рязанский поправил упавшую на высокий лоб прядь русских волос, достал из ножен меч и поднял его над головой:

— Его мне Иван Векша выковал. Давно, ещё мальчика этого и на свете не было. Вскоре после того, как он, увечный, из дружины ушел и кузнечным ремеслом занялся. И много раз меч этот мне в сече жизнь спасал. В долгу я перед Иваном. И воином, и оружейником он был хорошим. Теперь за сыном его присмотрю, пусть у меня живёт. Я его не хуже твоего обучу. И грамоте, и военному делу, и всему, чему мои сыновья учатся.

— Так все бояре рязанские с его мечами...

— У меня будет жить, — прервал его князь.

И всё. Как отрезал. Больше никто ничего не спрашивал. Сразу видно — князь! Такому даже голос повышать не надо. Просто сказал — и все выполняют.

Думал я потом: почему отец мне ничего про службу в княжеской дружине не рассказывал? Может, считал, что мал ещё? Или не хотел, чтобы я тоже дружинником стал? Да и то — они ведь редко до старости доживают. Только почему Олег сказал про отца «был»? Ничего же ещё не ясно!

Так я и остался жить у князя Олега Рязанского.

Глава пятая

Я УЧУСЬ

Поместили меня в княжьем тереме. Не вместе с княжатами, конечно, зато в отдельной келье, хоть и очень маленькой. Младший Олегов сын, Родослав, был совсем чутёк старше меня, годика на три наверное. Или на два. Бегали мы с ним вместе в церковь на службу, потом к Варсонофию, дьяку лет пятидесяти с небольшим, крепкому такому, кряжистому дядьке с большой окладистой бородой. Обучал он нас грамоте и разным книжным премудростям. Вернее, грамоте он обучал только меня, потому что княжич читать-писать уже умел. И совсем немудрёное это оказалось дело. Я всего за месяц научился. И кириллицу читал, и глаголицу. Хотя не знаю, зачем мне нужны были две

грамоты. По-моему, одной вполне достаточно. Варсонофий говорил, что первоначально была глаголица, а потом стала кириллица. Буквы у неё проще в начертании, поэтому удобнее. Правда, я так и не понял, зачем учить две азбуки. Попробовал поинтересоваться у Варсонофия. Он пару раз ответил мне что-то невразумительное, а на третий дал крепкий подзатыльник и буркнул:

— Цыц! Сказано — учить, значит, учить.

Ещё он говорил, что очень давно, ещё в язычестве, до православия, русичи писали чертами и резами. Но письмо то ныне забыто, и не осталось ни одного человека, кто мог бы его читать. Да и ни одной надписи не сохранилось: греки при крещении Руси всё уничтожили.

Когда я освоил грамоту, Варсонофий пробурчал:

— Вот, сын простого кузнеца, а грамоту пуще княжича постигает.

Оказывается, Родослав полгода учил то, что я за месяц усвоил. Вот чудеса! Теперь уж я с Родославом был наравне, ведь грамоту знал не хуже его, пожалуй, даже лучше: читал бойчее и писал грамотнее.

Князь Олег как-то зашёл посмотреть, как мы обучаемся. А мы как раз земной чертёж осваивали. Я рассказывал Варсонофию, что на нём изображено:

— Вот река Дон. Начало имеет недалеко от Тулы. Течёт на полдень, потом поворачивает на закат. В нижнем течении кочуют ордынские рати,

русичам туда хода нет. Устье Дона — в море, по-эллински оно называется Меотийское озеро. Фрязи, что в Крыму живут, называют это море Цабакке. А ордынцы — Азов. Вот Волга. Начинается в болотах между Тверью и Новгородом. По ордынски и по-булгарски — Итиль, по-мордовски Рав. Другие народы не знаю, как называют. Наверное, или по-нашему, или по-ордынски, или по-мордовски, потому что других народов на Волге нет. До Нижнего Новгорода по Волге живут русичи, ниже по течению — мордовский народ, а далее до устья — ордынские владения. Волга — река большая, сильная. Много там рыбы. Даже осётр водится — царь-рыба.

Говорю я, а сам всё на чертеже показываю. Хороший у Варсонофия земной чертёж, большой, подробный. Он как-то сказал, что на Руси второго такого чертежа нет. Да и в закатных землях их пока немного. А составлял Варсонофий его по рассказам путешественников да по старинным эллинским описаниям. Хотя и сам он повидал немало: всю Русь изъездил, и в землях басурманских много где побывал.

И ещё была у него целая куча разных хитрых устройств. Одно со стрелкой, которая всегда указывала, в какой стороне полночь находится, другое определяло высоту небесных светил (его Варсонофий называл «посохом Якова»¹), третье...

---

¹ Пóсох Якова — старинный астрономический и геодезический инструмент. Определяет угловую высоту Солнца или звезд над линией горизонта.

Впрочем, Варсонофий пообещал, что обучит меня, как ими пользоваться, только попозже, потому что непростое это дело. Ну да ладно, я отвлёкся.

Сам смотрю краем глаза: довольный дьяк стоит перед князем, аж млеет. Бороду поглаживает, головой кивает. Нравится, что я так хорошо всё выучил. Князю, кажется, тоже понравилось. Смотрю — Родослав глаза отводит. Видно, боится, что отец его спросит. Но Олег посмотрел, как я бодро отвечаю, погладил по голове и вышел. А Варсонофий мне потом из поварни¹ шанежку с творогом принёс.

Глава шестая

БОЯРИН ДМИТРИЙ

Я, когда освоился на новом месте, всё допытывался у княжьих дружинников: что они в нашем селе видели? Может, кто живой остался? Но они уходили от ответа, взгляд отводили, как будто стыдились, что не сумели тогда догнать ордынцев. А чего стыдиться-то? Их вообще догнать трудно. И уйти от них трудно. Ведь они с детства к седлу приучены — на коне скакать начинают раньше, чем ногами ходить.

В конце концов, видя, как я мучаюсь от неизвестности, решили поведать мне горькую правду. Я был уверен, что это рано или поздно произой-

---

¹ П о в á р н я — кухня.

дёт, ждал, хотя и боялся, что услышу такое, после чего уже никакой надежды не останется.

Как-то раз, когда мы выходили с Родославом от Варсонофия, ко мне подошёл тот молодой боярин, что у ордынца пайцзу отобрал, усадил на каменную скамью у церкви и говорит:

— Слушай меня, малец. Расскажу я тебе всё, что тогда было.

Я опустил голову, чтобы молодой боярин не увидел, если слёзы вдруг закапают, и приготовился слушать.

Он начал:

— Налетели тогда ордынцы внезапно, никто их и не ожидал. Да и налетать им было не с чего: у нас с ними мир. Был. Мы поздно подросли, почти никого догнать не смогли.

Рассказывает и все в глаза мне пытается заглянуть. Хоть за это спасибо. Не люблю, когда человек в разговоре глаза отводит. Так и кажется, что соврать хочет, да боится, что глаза выдадут. Боярин продолжал:

— Деревню вашу сожгли ордынцы полностью.

— Село, — поправил я его.

— Что? — переспросил он.

— Не деревня у нас, а село. Церковь же есть. Была то есть. Её тоже сожгли?

Сам не знаю, зачем я это сказал. Какая разница, деревня у нас была или село?

— Ну да, село, церковь, да, тоже сожгли. Погнались мы за ордынцами, да, видно, далеко они успели уйти, хоть и были с обозом. Они ведь

почти всё село увели в полон. Наши ребята, те, кто пепелище разбирал, говорят, мёртвых нашли всего человек тридцать, понимаешь?

Я молчал: чего уж тут непонятного?

— Возле дома, где тебя из подпола вытащили, бабу старую нашли.

— Секлетия, — говорю.

— Что? — опять не понял он.

— Бабка Секлетия. Знахарка. Она маму отварами лечила.

— А-а-а, ясно. Среди мёртвых в основном старики были. Но отца твоего не нашли, понимаешь?

Это я понимал. Ордынцы, как рассказывал мне Родослав, хороших мастеров редко убивают. Обычно берут их в полон и уводят к себе в Сарай — так их столица называется. И там заставляют работать на себя...

Видно, я на какое-то время отключился, потому что почувствовал, как боярин трясёт меня за плечо.

— Эй, ты чего? Обрадовался?

А я и не знал, радоваться мне или нет. С одной стороны, хорошо, что отец живой. С другой — из ордынского полона ещё никто никогда не возвращался. Попал туда — как умер.

— Не печалься, — говорит боярин, — может, ещё и увидите. У нас тут большие перемены намечаются.

— Какие перемены?

Он внезапно замолчал, а потом перевёл разговор на другое:

— Ты как — мечом или луком владеешь?

— Нет, — отвечаю, — меня отец кузнечному ремеслу обучал. Из лука только охотиться могу.

— В бою другие навыки нужны, чем на охоте. Ты приходи вечером, покажу, как на мечях и шестопёрах¹ биться, из лука правильно стрелять.

Предложению боярина я обрадовался. Мне не терпелось научиться по-настоящему драться. А куда приходить, я и сам уже знал. Было в кремле место, приспособленное для обучения ратников и дружинников боевым приёмам.

Этим же вечером после занятий с Варсонофием я попрощался с Родославом и отправился к молодому боярину. Звали его, как оказалось, Дмитрий, а по прозвищу — Чевка.

Боярин Дмитрий уже поджидал меня у толстых дубовых столбов, вкопанных возле кремлёвской стены. Предназначались они для метания топоров и стрельбы из лука. Там между двумя столбами поставили щит из толстых сосновых досок для обучения лучников. Щит был расчерчен какими-то крестами, кругами и помечен буквами. Это для того, чтобы лучники не просто в щит попадали, а в ту часть, куда наставник укажет. Скажет, например: «Верхний круг, твёрдо!» Вот лучник и должен попасть в этот круг, и не просто в круг, а туда, где буква «твёрдо»¹ нарисована.

---

¹ Шестопёр — старинное холодное оружие XII—XVII вв. в виде булавы, к головке которой приварено шесть металлических пластин («перьев»).

² Буква «твёрдо» — то есть «Т».

Дмитрий, поджидая меня, забавлялся метанием ножей. И, скажу я вам, до того наловчился, что втыкал их издали не просто так, а крестом. Сначала восемь ножей воткнул одной чертой один над другим, а потом наперекрёст — ещё восемь ножей в один ряд. Я подошёл как раз, когда он бросал два последних ножа.

Я стоял разинув рот, поражённый его мастерством, и не заметил, как Дмитрий подошёл и с улыбкой хлопнул меня по плечу:

— Что, малец, хочешь так же научиться?

Я в ответ закивал.

— Слушай, — сказал Дмитрий, — а как тебя звать-то? А то всё «малец» да «малец».

— Вьун, — отвечаю, — а в крещении Василий.

Мне больше нравится, когда меня домашним именем называют. Наверное, это было у меня на лице написано, потому что Дмитрий сказал:

— Что ж, Вьун так Вьун. А до Василия ещё дорастёшь.

— Как это — дорасту?

— Имя твоё в крещении не простое. Василевсами древние эллины своих князей называли, а византийские греки и сейчас называют. Так что старайся.

И улыбается. Но не насмешливо, а по-хорошему так. Я понимаю, что он шутит. Сыну кузнеца князем не быть. А вот княжьем дружинником, или даже не простым дружинником, а сотником или тысяцким — почему бы и нет?

— Боярин Дмитрий, — говорю, — научи меня так же ножи метать.

Он смеётся:

— Всему своё время, Вьюн. В бою это умение не очень нужно. Там больше на меч, шестопёр или копье надежда. Для дальнего боя — лук, а вблизи врага можно поражать сулицей. Знаешь, что это такое?

— Знаю, — говорю, — малое метательное копье. Эллины их дротиками называли. А в Риме — пилумами.

— Верно, — удивлённо глянул на меня Дмитрий, — откуда про эллинов знаешь?

— Варсонофий научил.

— Смотри-ка, — сказал Дмитрий, — он, оказывается, не только пером по пергаменту корябать умеет. Правильно тебя учит.

— Он меня грамоте выучил. А сейчас описание земное осваиваем и историю Эллады и Рима.

— Дельно, дельно! А про древних полководцев он тебе рассказывает?

— Нет.

— А вот это зря. Скажи ему, пусть тебе про Ганнибала, Эпаминонда и Цезаря поведает. А если не сможет или не захочет, скажешь, я сам тебе объясню, что это за люди и чем знамениты.

— Хорошо, боярин.

— И не называй меня боярином. Зови просто — Дмитрий. Понял?

— Понял.

— Ну, коли понял, то хватит болтать. Бери вон деревянный меч. Учение начнём с правильной стойки воина в бою...

Глава седьмая

Я ПОСТИГАЮ РАТНОЕ МАСТЕРСТВО

Дмитрий учил меня много и сурово. Почти каждый вечер я проводил с ним, изучая удары мечом: рубящие и колющие, плашмя и рукояткой и даже ножнами! Боярин показывал, как надо передвигаться в поединке и в бою. А это делается, оказывается, по-разному! В поединке ты знаешь, что никто тебя сбоку или со спины не ударит, и следишь только за своим противником. А в сражении вокруг много народу и часто не сразу разберёшь, кто рядом — свой или чужой. Ты, может быть, мечом владеешь хорошо и в поединке сможешь легко увернуться или отбить удар, а в сражении это не всегда получается. Дмитрий говорил, что в бою надо открывать ещё три пары глаз — по паре слева, справа и на затылке.

Когда я немного освоился, деревянный меч был заменён железным, только без заточки, чтобы случайно, по недостатку мастерства, не поранить других или самого себя.

Дмитрий всё время усложнял обучение. То давал мне здоровенный меч, то заставлял надевать тяжёлую кольчугу, которая с непривычки сильно

мешала мне передвигаться во время поединков. Кольчуга была длиннющей, для взрослого воина, поэтому болталась на мне свободно и больно хлопала по коленкам. Даже мозоли кровавые натёр.

Если я от особенно болезненного удара мечом кривился или падал от усталости после долгого учебного боя, он подходил, ободряюще улыбался и помогал встать. Но не всегда. Иногда он, наоборот, кричал на меня и говорил, чтобы я не притворялся и вставал сам. Даже бил ножами по ногам. Чаще всего это помогало. Я поднимался и продолжал бой, хотя на самом деле едва на ногах стоял.

Порой, когда я готов уже был свалиться без сил и едва шевелил руками и ногами, боярин Дмитрий приказывал мне усесться на траву, и начинались разговоры о воинском искусстве и древних полководцах. О том, что хороший полководец ещё до боя составит план сражения, продумает построение войска и учтёт всё: и какое оружие у него и у противника, и сколько у обоих конницы, и куда в строю поставить молодых, неопытных воинов, и в какой местности — ровной, овражистой или болотистой — будет битва. И даже как — в лицо или спину — будет светить солнце. Не такое уж это легкое дело — командовать войском. Да и сам ратный труд — это не просто собраться и мечами помахать, кто сильнее — тот и победил, нет!

Оказывается, ещё в древности великие полководцы одерживали верх над противником, кото-

рый вдвое-втрое многочисленнее. И именно из-за умения правильно вести битву. Узнал я про Маратонское сражение, где древние эллины, имея против каждого своего воина десять персидских, всё же победили. И про фиванского беотарха Эпаминонда, который первым догадался, как справиться с более многочисленным врагом, при том, что каждый воин противника лучше владеет боевыми приёмами, чем твой. Оказывается, для этого достаточно правильно расставить своих дружинников, чтобы они в нужном месте имели численный перевес. После этого вражеский строй ломается, и неприятелю остаётся только бежать или погибать. Дмитрий меня многому научил, всего и не перескажешь.

Постепенно я всё ловчее овладевал приёмами боя на мечах и уже вполне мог уворачиваться от удара, отражать боярский меч и сам нападать на соперника. Когда я начал гордиться своим умением грамотно уходить от нападения и заходить сопернику со спины, нанося неотразимый удар, Дмитрий показал мне одно упражнение. Он принёс из плотницкой целую кучу небольших деревянных плашек и объявил мне, что станет подкидывать их в воздух, а я должен на лету разрубать их пополам.

Обрадованный кажущейся лёгкостью задания, я резво взялся за дело. И опозорился. Из первых пяти подкинутых плашек я не то что не разрубил, даже не попал ни по одной! Правда, потом я приноровился и стал попадать, но вот о том, что-

бы разрубить, не могло быть и речи. Так я махал мечом не меньше получаса, но ничего не добился, только взопрел. Когда я сказал Дмитрию, что это сделать невозможно, он опять улыбнулся, дал мне одну плашку и велел подкинуть её вверх.

Надо ли говорить, что после его удара она развалилась на две почти равные части. Потом Дмитрий велел мне подкинуть две плашки подряд. И обе, не успев приземлиться, развалились надвое! Я разинул рот. Его мастерство было настолько непостижимо, что я даже приуныл: мне такого не достигнуть никогда! Дмитрий велел мне подождать и куда-то отошёл. Вернулся он с пожилым дружинником.

— Вот, дядя Миша, покажи отроку своё умение.

Дядя Миша легко выхватил меч из ножен и встал в боевую стойку. Дмитрий подкинул в воздух одну за другой сразу три плашки. Через несколько мгновений на землю упали шесть обрубков. Вот это да! А Дмитрий, не давая ему передохнуть, подкинул ещё три, потом ещё и ещё. И каждый раз дядя Миша разрубал их надвое, не пропустив ни одну. А ведь он пожилой, хотя нет, не пожилой, а старый человек. Ему явно было не меньше сорока пяти лет! Интересно, я когда-нибудь смогу добиться такого умения? Наверное, моё лицо стало совсем уж кислым, потому что Дмитрий понимающе улыбнулся и сказал, что завтра у меня день отдыха. В общем, спать я в этот вечер ложился не в лучшем расположении духа.

Позже Дмитрий мне подробно объяснил, как надо правильно рубить плашку на лету:

— Смотри, Вьюн! Чтобы разрубить, надо попасть точно поперёк или вдоль скола. Если чуть-чуть наискось, толку не будет. Это не рубка получится, а лапта. В лапту играешь?

— Нет.

— Ну ничего, научу. Так вот, если наискось по плашке попадёшь, просто отобьёшь её в сторону — и всё. А чтобы точно поперёк попасть, тут глазомер нужен. Плашка ведь в воздухе повсякому кувyrкается, а ты примечай. Дело это непростое, но научиться можно. А хороший глазомер и быстрота в бою пригодятся: с их помощью всегда от рубящего и колющего оружия увернёшься. Слышал я, что некоторые даже от стрел уворачиваются, но сам таких людей не встречал, врать не буду.

Я, правда, из Дмитриевых объяснений так до конца и не понял, как можно уследить, когда плашка к тебе нужной стороной на лету повернётся. Но он сказал, что это дело навыка. Надо почаще заниматься, и умение постепенно придёт.

На следующий день, после заутрени, Варсонофий объявил, что он занят и сегодня учения не будет. Родослав так сразу решил бежать на кухню: любил он стянуть там что-нибудь вкусненькое!

Я спросил:

— Тебя, княжиц, в отцовском тереме плохо кормят, что ли? Зачем туда лазать? Нельзя оби-

жать человека, который пропитание своё потом и мозолями зарабатывает.

Он смутился сначала, а потом говорит:

— Эх, Выюн! Откуда же у стряпух мозоли? Глянь, толстые какие! Всегда в тепле да в сытости.

— Всё равно. Люди своим трудом промышляют, никого не обманывают, не воруют и не убивают. Нехорошо, княжич.

Родослав так и взвился:

— Кто не ворует?! Стряпухи? Да ты просто не знаешь, Выюн. Да и житьё их у моего батюшки совсем не тяжёлое.

— Какое бы ни было. Да и что они там унести могут? Пшена в горсти — не больше.

Но Родослав уже убежал не дослушав. Княжичи ведь не так думают, как простолюдины. Им не приходится работать до седьмого пота, их больше для войны и для управления княжеством учат. А вот если дать бы им хоть полгодика пожить, как их подданные живут, — что заработал, то и съел, — тогда, глядишь, у них головы бы по-другому думали. Особенно первое время, пока навыки не появились.

...Вместо занятий с Варсонофием я пошёл на знакомую площадку для боевого учения. По пути заглянул в плотницкую, подобрал несколько плашек. Плотники уже знали, для чего княжьим дружинникам плашки, поэтому нарубили и напилили их штук сто или больше. Мне столько пока без надобности. Взял пару. Хоть бы с этими справиться. В келью я даже не заходил. Зачем? Меч

всегда при мне. Дмитрий сказал, что воин всегда должен меч под рукой держать — мало ли когда может пригодиться. Да и привыкаешь, когда пояс тяжёлым оттягивает. Чувствуешь себя по-другому, уверенней, ответственной, что ли? И взрослей. Я тоже привык меч с собой таскать. Когда приходилось его снимать, чувствовал себя неуютно. Как голый на шумном торжище. Меч стал словно продолжением меня самого.

Без помощника мне приходилось тяжело. Надо ведь и плашку самому подкинуть и потом успеть самому же по ней мечом ударить. Первое время я не успевал даже поднять меч, пока плашка в воздухе, но потом ничего — приноровился. Не только успевал взмахнуть, но даже попасть по ней. Не знаю уж, сколько раз я выполнил в тот вечер это упражнение. Не сотню и не две, а гораздо больше. Через два часа занятий руки у меня стали деревянными, и я с трудом поднимал меч. Но ничем похвастать не мог. Проклятые плашки, когда мне удавалось по ним попасть, отлетали от меча целёхонькими. Лишь иногда на них появлялись вмятины и сколы. Но ни разу мне не удалось оставить на них крупный заруб. Так и ушёл в тот вечер с учебной площадки несолоно хлебавши.

Когда я вернулся в терем, Родослава нигде не было видно. Наверное, уже спать отправился. Княжий тиун¹ Григорий, по прозвищу Капуста, встретил меня на пороге:

---

¹ Т и у н — управляющий княжеским хозяйством.

— Где бродил?

— В учении.

— Княжич давно уж поужинал и спит.

— Я без него занимался.

— А-а-а! Ну ладно, иди в поварню, там полба в чугушке осталась.

Что ж, полба так полба. Я не против. Каша сытная, спать веселее будет. Я оглянулся. Капуста смотрел мне вслед. И чего ему от меня надо? Не нравится он мне: вредный какой-то. Ходит вечно недовольный, к любой мелочи цепляется, всё вынюхивает. Стряпухи от него шарахаются: не ровён час, попадёшь под горячую руку — прикажет плетей всыпать ни за что или вообще с княжеской поварни прогонит. И ко мне вот сейчас, спрашивается, зачем пристал? Какое ему дело, где я был и что делал?

Следил бы лучше за хозяйством — тут только поворачивайся да смотри в оба, чтобы стряпухи не стянули чего. Хотя они, конечно, если что и стянут, то немного, и не от хорошей жизни, что бы там Родослав ни говорил. Ну да ладно. Не до него сейчас. Устал я сильно, а завтра снова учёба. Варсонофий и Дмитрий спросят вдвойне, тут уж я не сомневался.

В РЯЗАНИ

Глава первая

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

С того времени, как я попал в Рязань, прошло два года. Да, ровно два года. Как раз в конце лета ордынцы сожгли наше село, вот и сейчас лето на исходе.

С тех пор я почти забыл про тот перстень, о котором мне отец говорил, — с печаткой, где два всадника на одном коне. Сразу не спросил у Варсонофия, хотя он-то наверняка должен знать, раз князь и бояре знают. Но сначала как-то не до этого было, а потом всё закрутилось: учёба у монаха, ратное дело у боярина Дмитрия. Иной раз к закату так умаешься, что еле до кельи доползаешь.

Нет, бывало иногда, что и вспоминал, но как-то так получалось, что в это время никого знающего рядом не оказывалось. Не спрашивать же у Родослава! Он сам ко мне всё время с рас-

спросами пристаёт: как то да как это? Кто такая Илмера¹, из чего ордынцы луки делают, как титло² правильно в письме поставить?

Я-то всё знаю, а он, когда Варсонофий рассказывает, рот разинет и в окошке ворон считает или в носу ковыряется. Варсонофий его спросит, а у Родослава взгляд где-то в небесах бродит. Не сразу и поймёт, о чём его спросили. Даже не знаю, как он будет полки водить, когда князем станет. Такому доверь войско — всех погубит. Не такой должен быть князь, не такой. Варсонофий ругал его «баламошкой» и приговаривал, что он в миске утонет, валенком зарежется, у него с глаз нос унесут.

Вот старший княжич, Фёдор, совсем другой. Фёдор, как Олег, во всё вникает, всем интересуется. Он и на мечях среди первых, и воинский строй знает, и как людей к себе расположить, и как княжеству прибыток сделать. Варсонофий его очень хвалил, говорил, что достойная замена Олегу растёт. А про Родослава только вздыхал или ругался.

Как-то раз прибегает Родослав, глаза как у сына, радостный.

— Вьюн, — кричит, — айда в поле, там пельники пришли!

---

¹ И л м е р а — прародительница славян, сестра князя Словена (*слав. миф.*).

² Т и т л о — надстрочный письменный знак в виде ломаной или волнистой линии. Указывал на сокращение слова или числовое значение буквы в латинской, греческой и славянской азбуках.

А я как раз собирался на ратную площадку — плашки рубить. Но, думаю, плохого не будет, если на песельников схожу поглядеть. Не понравится — уйду. Родослав, не дожидаясь меня, уже убежал. Он на развлечения падок. Даром что четырнадцать годков. А ведь ещё годик — и его в сечу возьмут, если нужда будет. В Рязанской земле отроки в пятнадцать лет уже воинами считаются.

Отправился я следом. Смотрю — и не я один. Детворы много туда же поспешает, и кое-кто из взрослых направляется. Песельников князь запретил в город пускать. Попы ругаются, говорят — языческие игрища. Вот и сейчас один стоит на воротах и предрекает всем, посетившим бесовское представление, немыслимые кары. А на него никто и внимания не обращает: знают уже, что этот дьячок немного не в себе. А князь с попами ссориться не хочет — время такое. Вот и дают песельники представления у городских стен. Потом, если переночевать надо, их пустят, конечно. Чай, рязанцы не басурмане — людей на ночь без защиты оставлять. Попы, конечно, и этому воспротивились бы, если б смогли. Но тут уж Олег был твёрд. Год назад, когда такие же песельники появились, были разговоры, чтобы их в город совсем не пускать, но Олег сказал спокойно: «Пусть заходят». И больше никто ему не перечил. Поняли: надо и меру знать.

Народищу в поле собралось видимо-невидимо! Я уж подумал, что вся Рязань вышла! Да что там Рязань, мне кажется, если изо всех окрестных

деревень народ собрать, и то столько не наберётся. Княжеские дружинники, что на городских воротах стояли, аж подпрыгивали — так им самим хотелось на скоморохов глянуть. Ребята все молодые, меня старше лет на пять всего, не больше. Я когда мимо пробежал, кивнул им дружески. Они тоже в ответ головами затрясли. Не раз уже мы в шуточных поединках встречались на ратной площадке. Пока они побеждают. Старшие всё-таки, силы больше да и мастерства. Ведь они в настоящих стычках участвовали. Но я вижу, что победа даётся им с каждым разом всё труднее. Когда-нибудь и я выйду победителем. Обязательно выйду!

Куда подевался Родослав, я так и не разглядел. Толпища такая, что не поймёшь, кто где. Я задумчиво почесал затылок: как тут протолкнуться поближе? А песельники, слышу, уже на дудках играют. Эх, была не была, попробую влезть! Это только взрослым и растяпам кажется, что в толпе протиснуться невозможно. Я-то умею: не раз толкался на Рязанском торжище, когда отправлял меня Капуста помочь стряпухам принести съестное. Тут всё просто, только надо знать — как!

Я подошёл к толпе и осторожно вклинился плечом между рыжим мужичонкой и нарядной молодой барыней с годовалым малышом на руках. Мужичонка только вздрогнул, когда я слегка оттеснил его в сторону. Тут ведь тоже надо соображать, кого можно оттолкнуть, а от кого за это и по шее получишь. Миг — и вот уже мужичон-

ка с барыней позади, а я осторожно пробираюсь дальше.

Времени-то прошло всего ничего, а я уже протиснулся в первые ряды. Впритык стоял какой-то очень толстый дядька среднего роста. По одежде — богатый иноземный купец. Но мне всё равно, купец не купец, а смотреть не мешай! А песельники, которых было двое, между тем продолжали представление.

Эй, народ честной,
Не проходи, стой!
Для маленькой Марфушки
Не пожалей полушки,
А для полосатого Сенечки
Серебряной денежки!

Тут же рядом Марфушка — дворняга, наряженная в сарафан, с повязанным поверх ушей платочком — стояла смирёхонько на задних лапах и слабо потягивала, убеждая зрителей не пожалеть для неё полушки. А полосатый Сенечка — огромный лохматый кот бело-рыжей масти, облачённый в какие-то ремки¹, отдалённо напоминающие крестьянскую рубаху, лежал, свернувшись клубком, и, наплевав на причитания скомороха, только щурился во все стороны и даже не мяукал.

Видя, что рязанцы не очень-то спешат кидать монеты Сенечке и Марфушке, песельники решили показать кое-что поинтереснее. Один из них закричал тонким голосом:

---

¹ Р е м к и — старая, изношенная одежда.

— А ну народ, расступись!

После чего прошёлся по кругу колесом, встал посреди свободной площадки и начал гнусавить, в то время как второй подыгрывал ему на дудке:

Из-за Волги кума в решете приплыла,
Веретёнами гребла, юбкой парусила.
Заколола воробья в четыре ножа,
Положила воробья в четыре котла,
Разложила воробья на двенадцать блюд.

Ну и дальше всё в том же духе. Кто-то смеялся, некоторые кидали мелкие медные монеты. Видно, скудный ручеек денег подстегнул певца, и он продолжил с большим воодушевлением:

Княже мой, господине!
Лучше бы у тебя пити воду, нежели у боярина мёд.
Княже мой, господине!
Лучше бы из твоей руки печён воробей взял.

Народ загомонил. Бояр многие недолюбливали. Песельники знали, над кем можно глумиться, а над кем нельзя: себе дороже будет. За всё представление ни одной шутки про Олега Рязанского, даже самой невинной, я не слышал.

Калачи-то пекут
Не про нас, про бояр.
Бояре-то не съели —
Собакам стравили.
Собаки-то сдурили
Да попа укусили.
Поп с крестом,
Попадья с пестом,
Ударили в доску
Поехали в Москву.

Народ вокруг не просто смеялся, а покатывался от хохота. Вместе со всеми смеялся и я. Только толстый иноземец рядом недовольно пыхтел, бормоча что-то по-своему. Не знаю, то ли он плохо по-нашему знал, то ли шутки русские ему смешными не казались?.. Он пыхтел всё громче, потом плюнул на землю и повернулся с намерением уйти. Да повернулся так неудачно, что наступил мне на ногу. А весу в нём было не просто много, а очень много! От неожиданности и боли я завопил и стал выдёргивать ногу из-под иноземцева башмака, но не тут-то было... Я потерял равновесие и упёрся носом в его огромное брюхо. Вот же купчины! Хотя наши, хоть иноземные, а животы у всех одинаковые, толстые!

Иноземец сграбастал меня своей ручищей за шиворот и легко приподнял над землёй. Мои ноги болтались в воздухе безо всякой надежды обрести опору. А рядом надрывались песельники:

Подходи-ка, поп,
Щёлкну звонко в лоб!

— Мальшик, — сказал он, — ты зачем так? Ты хочешь украсть мой омоньер¹, мой деньги?

Его голос мне что-то напомнил. Говорил он по-нашему правильно, слова коверкал не сильно, лишь немного смягчая звуки. Ещё чего, нужны

---

¹ О м о н ь ё р — мешочек для денег и ценных вещей, крепился шнурками к поясу, что-то вроде средневекового кошелька.

мне его деньги! Княжеские воспитанники не воруют! Он оглядел меня и, поняв по одежде, что я не какой-нибудь бродяжка, поставил на место и похлопал по плечу:

— Вижу, что ты из хорошей семья и не стань-ешь вороват. Ну-ну...

У меня перед глазами мелькнула его широкая кисть с толстыми пальцами, унизированными перстнями. Он внимательно взглянул на меня, и его веки дрогнули: так бывает, когда неожиданно встречаешь какого-то нежеланного знакомого. Но иноземец быстро справился с собой, ещё раз похлопал меня по плечу, потом повернулся и стал быстро протискиваться в толпе. А я остался на месте, стараясь понять: что же меня поразило? Это была не одежда и не толщина иноземца, а что-то другое, до боли знакомое, но в то же время неизвестное и, кажется, опасное. Купчина уже скрылся в толпе, только где-то вдали колыхались верхушки павлиньих перьев, украшавших его бархатный вишнёвый берет. И тут я понял: перстень! Меня поразило и настоятельно его перстень. Простенький светло-серый перстень без самоцвета, но зато с печаткой. И даже не медный. Перстень из простого железа. А на печатке — два всадника на одном коне.

И тут я вспомнил, где я его раньше встречал. Это же тот самый толмач, что был с посольством в нашем селе, а потом вместе с ордынцами участвовал в набегах и разграблении!

НОЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

Пока я соображал, что делать, представление закончилось, народ стал бросать песельникам монеты и потянулся кто куда: в город, в слободы, по сёлам да деревням. Возникла такая толчея, что я уж и не чаял из неё выбраться. Толкнули с одной стороны, с другой. Кто-то опять наступил на ту же ногу, что и купец. Я даже захромал и чуть не упал. Потом опомнился и ринулся к городским воротам: надо же рассказать князю, что появился в городских пределах человек с перстнем, про который отец мне два года назад рассказывал. Князь и бояре, помнится, очень заинтересовались тогда!

Но не тут-то было. Выбраться из движущейся толпы оказалось невозможно. Я пару раз попробовал, но упал и чуть не оказался втоптаным сотнями ног в сухую летнюю землю. Чьи-то сильные мозолистые руки ухватили меня за подмышки и поставили на ноги, а пока я оборачивался, чтобы поблагодарить, неизвестный спаситель исчез в толпе.

Я вместе со всеми медленно побрёл к городу. После того как мы прошли городские ворота, народ стал расходиться по домам, и толпа поредела. Я подошёл к стоявшим на страже дружинникам и спросил:

— Иноземные купцы выезжали?

— А тебе-то что? — усмехнулся один из них. — Неужто пограбить хочешь?

Это был мой тёзка по крещению, Васька, по прозвищу Орех. Мы с ним не раз сходились в шуточных поединках. Хотя он всегда побеждал, но давалось это ему труднее, чем другим дружинникам. Один раз я почти совсем его одолел. Над ним даже посмеиваться стали. Из-за этого Васька жутко на меня злился. Станный какой-то: не на меня надо злиться, а на себя. И мастерству воинскому учиться получше.

— Нет, не хочу, — ответил я.

Не объяснять же ему, в самом деле, что да как. На это время уйдёт, а надо всё быстро спроворить. А то уйдут иноземцы, где их потом найдёшь?

— Тогда зачем они тебе?

А сам ехидно так ухмыляется — видно, думает, как бы меня побольнее подковырнуть. Я уже понял, что не к тому я с вопросом обратился. Надо было бы к старшему при воротах. Тут подошёл другой дружинник:

— Зачем тебе иноземцы, Вьюн?

— Потом объясню. Или лучше у князя спроси, он расскажет.

Знаю ведь, что никого они спрашивать не пойдут. А если и найдётся такой умник, то ничего Олег ему не ответит, ведь недаром говорят: «Всяк сверчок знай свой шесток!» Они тоже это поняли, поэтому спрашивать больше ничего не стали.

— Ушли они. Давненько уже.

— Как — ушли? Когда? Я же только что одного видел!

Я чуть не заплакал от злости и разочарования. Надо же, второй раз увидеть носителя таинственного перстня — и упустить его по глупой случайности!

— Да вот когда скоморохи подошли, народ повалил за стену, тогда и выехали. Даже чуть раньше.

Всё ясно. Тот толстый купец, видно, из любопытства подошёл посмотреть на скоморохов, а весь их обоз уже стоял в поле. Теперь догонишь разве?

— А князь где?

— Так он ещё вчера уехал в Новгородок, что на Осетре.

— А молодой боярин Дмитрий?

— Чевка-то? С ним. И старший княжич тоже.

Всё... Больше некого было уговаривать остановить тех купцов. Меня никто и слушать-то не станет. А если и станут, то пока поймут, пока погоню снарядят!.. Эх!..

Я медленно побрёл к княжьему терему. Почти все уже разбрелись по домам, и на улице было свободно. Я находился в таком сквернейшем настроении, что идти к себе в келью не хотелось — будешь лежать там в одиночестве, мысли всякие нехорошие в голову полезут. Поэтому в кремле я пошёл в плотницкую и по привычке набрал десятков плашек. В первый же удар я вложил всю

накопившуюся злость, всю горечь на так неудачно сложившиеся обстоятельства. Плашка от удара меча разлетелась на две почти ровные половинки. Хотя это получилось у меня впервые, особой радости я не испытал. Держа меч в правой руке, поднял одну половинку с земли и внимательно рассмотрел её. Линия сруба была ровная, прямая. Как будто рубил не на лету в воздухе боевым мечом, а на плахе плотницким топором, тщательно примерившись. Такой сруб и у боярина Дмитрия не часто получается! На душе немного полегчало.

Я подкинул вторую плашку и взмахнул мечом. Деревяшка целёхонькой отлетела в сторону. Нет, я это так не оставляю. Я подкидывал и бил мечом, подкидывал и бил. Но всё без толку. Так и не получилось у меня больше в тот вечер разрубить плашку...

А ночью меня разбудили крики и топот. Едва продрав глаза, я подошёл к окну. Внизу царила суматоха. Вдалеке виднелись отблески большого пожара, отовсюду доносились крики. Небольшой отряд дружинников взбирался на стену, в открытые ворота кремля горожане загоняли скот, под окном пробежал кто-то, сжимая целую охапку стрел. Что это? Неужели на Рязань напали? И Олега ведь в городе нет — ушёл с дружиной, здесь только сотни три ратников осталось. В считанные мгновения я оделся, схватил меч и выбежал на улицу.

Те из рязанцев, кто жил рядом с кремлём, успели спастись сами и спасти скот. Двор кремля был плотно забит мычащим и блеющим стадом.

Дружинники на стенах спокойно, без суеты, готовили луки и примерялись, как удобней стрелять из-за зубцов. Я поднялся на стену, увязавшись за молодыми дружинниками, нёсшими стрелы и сулицы.

У башни, что возле главных ворот, на стене стоял боярин Глеб, который два года назад отогнал ордынцев от нашего села, и напряжённо всматривался в ночь, где трепыхались на ветру языки пламени. Горел уже почти весь город, даже стены, сделанные из толстенных дубовых брёвен.

Где-то вдалеке слышался шум битвы. Видно, те горожане, кто не успел добраться до кремля, старались подороже продать свои жизни. Пламя в ночи разгоралось всё сильнее. Внезапно из него, как бесы из пекла, показались всадники. Это были уже знакомые мне ордынские воины. Они на полном скаку устремились к воротам, куда как раз загоняли последних коров, — похоже, хотели воспользоваться оплошностью защитников кремля.

Ордынцев было много, сотен пять. Они скакали быстро, очень быстро, выпуская на скаку стрелу за стрелой куда-то вверх, на стены. Я стоял и смотрел на всё это разинув рот. Вот он — настоящий бой, к которому я готовился два года после сожжения нашего села.

Меня больно пихнули в бок:

— Чего стоишь? Стреляй.

Я оглянулся, но дружинник уже отошёл к краю стены и, спрятавшись за зубцом, выцеливал кого-то из лука. Трен-н-нь! Он, на миг выглянув из-за

укрытия, выпустил стрелу и тут же опять спрятался, потянувшись к саадаку.

Только тут я сообразил, что сжимаю в руках лук со стрелами и сулицу. А меч у меня и так постоянно на поясе.

Лучники стреляли часто и сумели остановить первый натиск ордынцев, которые откатились на безопасное расстояние, оставив перед кремлём десятка два поверженных воинов. В это время внизу успели закрыть центральные ворота и запереть их на толстенный дубовый брус, потом на второй. Всё! Теперь, чтобы ворваться в кремль, нужны осадные машины или лестницы. А лучше и то и другое сразу. Хотя что это я несу? Это не для нас лучше, а для них. А для нас — хуже.

Мимо меня прошёл боярин Глеб — видно, обходил стены, смотрел, хорошо ли воины подготовились к сражению. Остановился невдалеке, возле того дружинника, что привёл меня в чувство:

— Как ты тут, Михайло?

— Привычно, боярин. Да ты не тужи: кремль удержим. А ордынцы скоро уйдут. Самое позднее — к завтрашнему вечеру.

— Вот как? С чего взял?

— Ну так подошли они скрытно, а значит, быстро. Наши ведь на дальних заставах не успели заметить и нам донести. Так?

— Так.

— А теперь сам тыковкой-то покумекай. Раз скоро шли, значит, без обоза. Так?

— Ну да.

— Значит, осадных машин у них нет. Верно?

— Верно.

— И лестниц тоже нет. И вряд ли они их здесь сделают. Для этого ведь навык нужен, а какие из них плотники? Да и город весь попалили. Сомневаюсь я, что найдут они доски и жерди хотя бы на два-три десятка лестниц. А по новой дерево заготавливать — на это время нужно. Я правильно говорю?

— Да, правильно, — подтвердил боярин.

— А коль так, то и делать им здесь больше нечего. Раз не сумели кремль с наскока захватить, то и стоять под стенами не будут. Пограбят всё, что осталось, и уйдут обратно в степь.

— Да, но...

— Ну, может, ещё денёк окрестные деревеньки пощиплют, — не слушая, перебил его Михайло, — а потом уйдут. Помяни моё слово. Вот только как они в город вошли? Обманом, наверное, хитростью. Они на это мастера. Только, думаю, мы этого уже не узнаем. Всех, кто знает, скорее всего, уже отпевать пора.

Меня поразило то спокойствие и даже насмешливость, с какими простой дружинник разговаривал с боярином. В темноте лица было не разглядеть, но голос уж больно знакомый! Приглядевшись, я узнал дядю Мишу — самого опытного дружинника Олега. Два года назад он мне показывал, как рубить на лету плашки. Его и боярин Дмитрий высоко ценит. Неудивительно, что он так свободно говорит со старшими по чину.

Вспомнились слова отца: «Не знаю, сынок, чем ты в жизни займёшься. Хотелось бы, чтобы по моей дорожке пошёл, но как знать... Одно помни: чем бы ты ни занимался, делом своим владей отменно. Стань лучшим, и тогда люди к тебе с уважением отнесутся, да и с князьями-боярами проще будет разговаривать. Мастера ведь всегда в почёте».

Вот я и думаю: дядя Миша в ратном деле, как мой отец в деле кузнечном, мастер. Происхождения не знатного, а знает и умеет много. Вот ему и почёт. И стерпят от него такое, чего бы другому простолюдину не простили.

Глава третья

ПОСЛЕ БОЯ

Дядя Миша оказался прав. Ещё пару раз ордынцы пытались идти на приступ, но быстро поняли, что проку не будет. По нашим подсчётам, положили мы не меньше полусотни врагов, а у нас был только один, легко раненный стрелой в руку. Я за весь ночной бой успел выстрелить из лука раз пять, но так ни в кого и не попал. Мало, значит, учился. На мечах я ещё куда ни шло, а вот из лука, выходит, не очень. Надо будет заняться. Хорошо бы себе в учителя ордынца получить: вот уж кто умеет стрелять — так это они!

Через пару дней ордынцы ускакали в степь на своих быстрых и выносливых лошадях, унося на-

грабленное и уводя пленников. Дружинники мрачно смотрели со стен, как потянулась за конницей длинная вереница пленных рязанцев. Связаны они были попарно, а на шею надеты хитрые такие штуковины из палок — видно, чтобы по сторонам головой не вертели. Самые молодые и бойкие из наших хотели броситься вдогонку и освободить их, но боярин Глеб и дядя Миша удержали неразумных. Через три дня после сожжения города последние всадники покинули окрестности Рязани.

Мы вышли из кремля и стали раскапывать пожарища, стараясь спасти тех, кого возможно. Руины ещё дымились, и я вспомнил, как два года назад сидел в подполе, не имея сил откинуть крышку, придавленную чем-то тяжёлым. Эти воспоминания заставляли меня торопиться, раскапывать пепелища быстрее взрослых мужиков. Вдруг там кто-то, как и я тогда, задыхается без воздуха в надежде на помощь?

И, честно говоря, даже удивился, сколько народу убереглось от гибели и ордынского плена. Чуть только начали раскапывать пожарища, люди полезли изо всех щелей, как мураши. Не знаю уж, сколько тысяч спаслось, но очень много! А я уж было подумал, что ордынцы всех увели! Я тоже одну девчушку откопал — малую совсем, годика три, не больше. Белобрысенькая, зарёванная, чумазая. Я её из подпола вытаскиваю, а она голёвёнкой вертит по сторонам, глазками — луп-луп! — ничего не соображает. А рядом, чуть в стороне, женщина молодая лежит, мать её навер-

ное. Голова балкой разбита. Я тогда эту малышку быстренько из ямы выдернул, чтобы она мать не увидела. Потом оклемается — легче горе переносить будет. Её тотчас какая-то старушка подхватила на руки — родственница видать. Эх!..

Когда растаскивали пожарище на месте постоянного двора, нашли того песельника, что на дудке играл. Не помогли, выходит, ему городские стены! А что случилось с Марфушкой и полосатым Сенечкой, я так и не узнал. Бегают, наверное, сейчас по Рязани, если в живых остались. А может, приютил кто. Потом оказалось, что погиб и тот дьячок, который обещал страшное наказание тем, кто пойдёт на представление. Интересно, а останься он сейчас жив, стал бы вспоминать о своём предупреждении? Вот не послушались его, Бог и покарал... Получается, что помирился он теперь с песельниками. Смерть ведь всех равняет. Нет, не там он врагов искал, не там!

Через день тех, кого можно было, откопали. Мужики сразу взялись отстраивать город заново. Лето ведь уже за половину перевалило, до холодов надо успеть избы поставить. Хорошо ещё, городские стены из дубовых брёвен — не сгорели, а лишь закоптились. Обожжённый дуб только крепче становится.

Меня боярин Глеб отослал к Варсонофию:

— Иди помогай чем скажет.

Но помощь Варсонофию не потребовалась, в кремле ведь всё в целости-сохранности осталось. Почесал он затылок, бороду, а потом махнул рукой:

— Эх, война войной, а учение да грамоту никто не отменял!

И велел мне изучить жизнеописание великого эллина Перикла¹. Выудил из огромного сундука, на котором спал, большущую книгу с листами из телячьей кожи, в богатом переплёте с застёжками, и, открыв на нужном месте, приказал к завтраму выучить и пересказать. А сам сел в сторонке за стол, свиток какой-то развернул, придавил чернильницей, чтобы обратно не свернулся, и пером черкает — правит что-то.

Уселся я на стульчик, книжку перед собой разложил. А на улице, как назло, день хороший. Мужики топорами стучат — обгоревшие дома разбирают, птички разные чирикают, ласточки туда-сюда носятся. Эх, да что там, всё равно ведь учить надо, не отпустит же!

Рассматриваю я книжку, а там всё не по-нашему, а по-гречески написано. Хорошо, Варсонофий меня и греческому, и латыни научил, и навык я имею хороший, написанное могу свободно читать, только в разговоре сноровки мало: говорить-то, кроме Варсонофия, не с кем.

Читаю я про Перикла, а у самого в голове вертится, что не сделал я чего-то важного. Вроде совсем собрался, да не вышло. И вот когда читал про то, что ваятели древние Перикла

---

¹ П е р и к л (около 494 — 429 гг. до н. э.) — афинский политик и полководец. Его считают отцом афинской демократии, а годы его правления называют золотым («перикловым») веком Афин.

всегда изображали в шлеме, потому что голова у него была как луковица — вытянутая кверху, меня словно шилом в бок кольнуло! Да я же за полдня до набега снова, как и два года назад, видел человека, у которого на пальце перстень с печаткой, а на печатке — два всадника на одном коне!

— Варсонофий, — говорю, — а спросить тебя можно?

Дьяк голову поднял, посмотрел на меня внимательно:

— Что, слово незнакомое попалося?

— Да нет, — отвечаю, — вспомнилось кое-что, о чём давно расспросить хотел.

Варсонофий разрешал разговаривать с собой по-простому, без чинопочитания. При князе, правда, всегда важность на себя напускал, да и без князя порой от него мне подзатыльники доставались. Но это он не со зла, а всегда по делу, когда я не особо радел о постижении наук. Правда, в последнее время для подзатыльников повода не было.

— А помнишь, когда два года назад наше село сожгли?

— Помню, — ответил Варсонофий.

— Я тогда ещё князю и боярам рассказал, что незадолго до набега наезжало к нам фряжское посольство.

— И это помню. Я ведь тоже тогда там был, при князе. Только ты не помнишь, с усталости да перепугу.

— Толмач там у них ещё был со странной такой печаткой на железном перстне.

— Два всадника на одном коне?

Тут я удивился. Да что там удивился — я был просто поражён. Надо же: аж два года прошло, целая уйма времени, а он помнит! Наверное, изумление было написано на моём лице, потому что Варсонофий сказал:

— Всё я хорошо помню, Василий. Сейчас кое-что покажу тебе.

Он встал со стула и полез куда-то в угол, где у него было несколько полок с книгами. Покопался несколько минут, достал старый пергаментный свиток, перетянутый шерстяной ниткой. Тщательно сдул с него пыль и, сняв нитку, развернул. Пергамент был испещрён латинскими письменами, а в самом верху стояло:

REGULA

Pauperum commilitonum Christi Templique
Solomonici¹.

А слева — рисунок в круге: два всадника на одном коне.

Как зачарованный смотрел я на этот пергамент. Сколько всего вокруг этого таинственного знака произошло! Сначала тот толмач с перстнем два года назад, потом набег на село и неизвест-

---

¹ Правила для бедных рыцарей Христа и храма Соломонова (лат.) — устав ордена тамплиеров.

ное слово «нессуно», слышанное мной из подпола. Теперь вот снова — встреча со знакомым иноземцем, на пальце которого был перстень с такой же печаткой, и вслед за тем — опять сожжение, только на этот раз не маленького села, а большого города — гордой Рязани!

— Ещё два года назад хотел поведать тебе, что сам знаю, — задумчиво сказал Варсонофий, — да мал ты тогда был совсем. А потом думаю — пусть науку постигает, военному делу обучается, а там видно будет. А коли сейчас сам об этом заговорил, стало быть, и время пришло. Двенадцать лет, как-никак, возраст отрока. Годика через три тебе в княжьей дружине служить. Если, конечно, к другой службе готов не будешь.

Хотел я было спросить, про какую такую службу он говорит, но побоялся перебить. Вспомнит ещё, что давно я подзатыльника не пробовал!

Варсонофий продолжал бубнить:

— А сейчас, так и быть, расскажу тебе...

В это время на улице загомонили, зашумели. Дьяк остановился на полуслове и подошёл к окну. Мимо его уха метнулась маленькая ласточка, сделала круг по комнате и уселась на оконной створке. Варсонофий выглянул из окна и тут же обернулся ко мне:

— Князь приехал!

Мы вышли из терема. Князь стоял окружённый толпой дружинников, а боярин Глеб докладывал о событиях двух последних дней:

— Пришли скрытно, налетели, как коршуны, поклевали и ушли. Ума не приложу, кто бы это мог быть.

— Арапша это был, — сказал Олег, — он нынче в Орде ханом стал.

— Надо же! — изумился Глеб. — И как с ними дело иметь? Ни один хан долго не сидит. С одним договоришься, придёт другой — и знать ничего не знаю, ведать не ведаю! Одно слово — великая замятня¹.

— Ничего, — вполголоса ответил Олег, — вот соберёмся с силами... — Тут он замолк, огляделся зачем-то по сторонам и продолжил, уже громко: — Ладно, чего болтать? Пойдём в кремль, боярин. Там будем говорить.

Олег поднялся на крыльцо. За его спиной сомкнулась стена дружинников. На нас с Варсонофием князь даже и не глянул. Где-то в толпе мелькнуло лицо Родослава. Он заметил меня, улыбнулся, дружески кивнул и махнул рукой. Правда, подходить не стал и за отцом в терем тоже не пошёл, а метнулся куда-то в сторону. Наверное, по своему обыкновению, на кухню — стянуть что-нибудь вкусненькое.

Мы тоже не стали лезть в первые ряды, видели, что князю сейчас не до нас — надо распорядиться насчёт спешной отстройки города.

---

¹ Великая замятня — так в русских летописях называется период в истории Золотой Орды с 1359 по 1380 г., когда на ордынском престоле сменилось 25 ханов.

Выбрались из собравшейся толпы и направились обратно в Варсонофиеву обитель при храме. Когда мы вошли, дьяк сказал:

— Пока князь меня не позвал, есть время о деле твоём поговорить. Присаживайся.

Я уселся на скамью. На столике передо мной лежала ненужная теперь книга про афинского стратега Перикла. Варсонофий тоже уселся в кресло и начал рассказ.

Глава четвёртая

РАССКАЗ ВАРСОНОФИЯ

— Слышал я всё это от своего отца. Был он родом из-под Серпухова, а родился за год до Дюденовой рати¹. Родителей своих не помнил: сгинули они, когда Дюденовы нукеры² спалили Серпухов, а жителей кого убили, кого в полон увели. Отцу был годик с небольшим, а ордынцы таких не трогали. Они убивали только тех, кто был ростом выше колеса их повозок. Но и с собой уводить не захотели — кому охота с малышом возиться? Так и бросили на пожарище. На счастье, люди, что спаслись в лесах, выбрали его — отец тогда только-только ходить начал. Приютили, накормили.

---

¹ Д ю д е н е в а р а т ь. — Имеется в виду поход ордынского царевича Тудана (Дюдены) в 1293 г., во время которого было разорено 14 русских городов.

² Н у к е р ы — в ордынской войске приближённые военачальника, составляющие его гвардию.

А потом ушли, от греха подальше, под Киев — он хотя тоже под Ордой числился, но всё от набегов в стороне. Годик там пожил, а потом подались ещё дальше, к закату от Киева, чтобы Орда не достала. Название города, где они обосновались, я запомнил. Да это и не важно. Люди, которые отца приютили, были хорошими, работающими да рачительными. Хозяйство на новом месте быстро подняли. И жилка торговая у них оказалась. Ездили с товаром к литве, мадьярам да полякам. И отца с малых лет денежку беречь приучали. Только он, видно, к этому расположения не имел. Любил смотреть, как воины упражняются. Сам ещё в пятилетнем возрасте смастерил деревянный меч и воевал на задворках с полынью да крапивой. Учили его и Закону Божьему, благо батюшка там хороший, знающий оказался.

Когда отцу восемь лет исполнилось, решили приёмные родители навестить Прагу — стольный град Чешского королевства. Там тогда торжества намечались по случаю коронации их правителя Вацлава на польское царство. Да, в тех краях порой такое случается, потому что многие правители связаны между собой родственными узами. И если законных наследников у умершего короля нет, то его преемником становится ближайший родственник, пусть даже он уже имеет другое королевство.

Вот и собрались приёмные родители моего отца в дальний путь — на празднике погулять, а заодно разведать, чем там торговать можно?

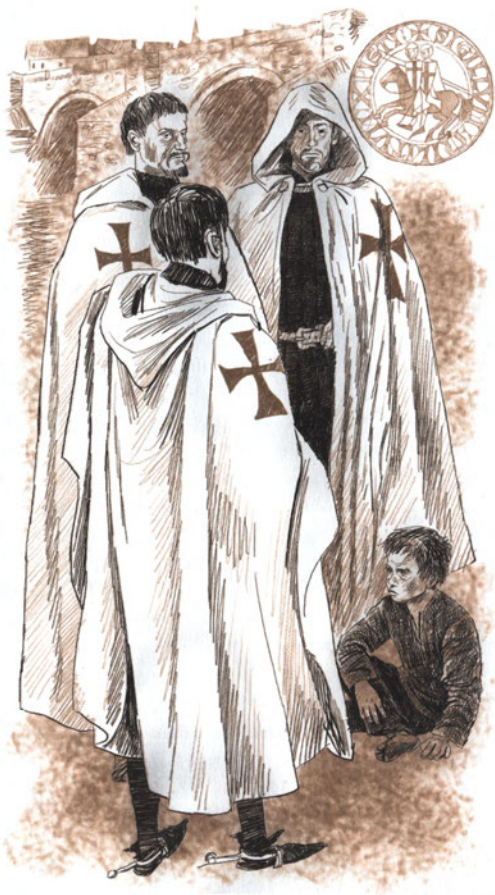
И приёмыша с собой взяли: пусть, мол, привыкает к торговому делу, хватит деревяшкой размахивать. Путь до Праги неблизкий, добирались хотя и долго, но без происшествий.

Не буду уж тебя утомлять, Василий, рассказом обо всём, что там случилось. Для нас с тобой сейчас это не важно. Да только напали на приёмных родителей моего отца злые люди, ограбили, а самих жизни лишили. Хорошо ещё, отца не тронули. Вот так и остался он в чужом царстве, далеко от родной земли. А рядом ни одного не то что родного — знакомого человека нет. И даже слов его понять никто не может. Потому что ни он на их языке не говорит, ни они — на его. Чтобы с голоду не помереть, побирался возле тамошних церквей. Подавали не шибко щедро: народ там прижимистый. Но не окочурился, и то ладно.

Так он три месяца бедствовал, спал где придётся — хорошо ещё, время тёплое было. Неизвестно, что бы дальше с отцом приключилось, если б не появились в Праге новые люди. Их сразу можно было отличить от местных жителей, даже богатых и знатных. Потому что носили белые плащи с большими красными крестами. Пожалели они бездомного мальчика и взяли в услужение. Господином его стал шателен¹ замка Гриньян рыцарь Гуго де Адемар.

Тут Варсонофий остановился, чтобы перевести дух. Похоже, произношение чудного заморского

¹ Ш а т е л е н — владелец или смотритель замка (шатё) во франкоязычных странах в Средние века.

титула и не менее чудного имени далось ему с трудом.

«Интересно, как он его запомнил? Я бы — да ни в жизнь!»

Отдышавшись, дьяк продолжил.

— Эти люди в белых плащах были воинствующими монахами. У католиков ведь всё не как у православных. Там монахи одновременно и рыцари, и объединяются они в особые... как бы это сказать?.. ватаги, что ли? Называются такие ватаги орденами. Вот и рыцари-монахи в белых плащах с красным крестом были из такого ордена. Назывался он орден тамплиеров, или рыцарей Храма. Приезжали они в Прагу по каким-то своим делам. В общем, стал отец служить этому самому Гуго Адемарскому. У французов если человек знатного рода, то пишут — де Адемар. Это значит, что происходит он из местности с таким названием или правит ею. Как у нас, например: Олег Рязанский, Дмитрий Московский, Михаил Тверской.

Так вот, вскоре посольство тамплиеров выполнило всё, для чего проделало такой долгий путь, и засобиралось обратно во Францию. И отца с собой забрали. Он и не сопротивлялся. А что ему оставалось делать? Один в чужом королевстве. Язык хоть и начал понимать, благо чешское наречие на русское похоже, но говорил пока не очень хорошо. А в Праге никого из земляков не было, чтобы с ними обратно на Русь отправиться. Вот и пришлось ему собираться в дальнюю дорогу.

А дорога та была действительно дальней. Уж на что Прага от Киева далека, а до французского замка Гриньян было ещё дальше. Ну да ничего, с Божьей помощью прошли и этот путь. Отец мой к тому времени стал по-французски немного понимать. Ну и на стоянках принялся Гуго его ещё и латыни обучать. И очень радовался, что мальчик такой смышлёный попался — схватывает влёт чужую грамоту, и французскую, и латинскую. Когда наконец до замка добрались, отец уже сносно бормотал по-басурмански.

Стоял замок Гриньян на берегу малой речки Рубион, недалеко от того места, где она впадает в большую реку Рону, в сотне вёрст от Средиземного моря. Там и стал жить... Порядки в замке строгие были. Вся служба церковная — как положено, ни на шаг не отступишь, и всё по католическому обряду. Да только отец православный крестик из кипарисового дерева, что на нём был, на латинский крыж¹ не променял. Нет, его, конечно, заставили другой крест надеть, да только он старый, родной, не выбросил. Завязал в тряпицу, чтобы никто не видел, и всегда у сердца носил. Выходит, крепко его в православии наставили. Надо же, такой маленький был, но веру отеческую в душе сохранил! А это очень непросто, Василий.

Учили там отца латинскому обряду, истории, языкам, описанию земному. Он мне потом мно-

---

¹ Крыж (от *пол.* krzyz — «крест»). — Речь идёт о четырёхконечном католическом кресте в отличие от восьмиконечного православного.

гое передал. И кое-какие книги и чертежи земные с собой прихватил, когда время пришло. Но об этом немного позже. А пока изучал латинские премудрости да присматривался ко всему, что вокруг. И начинало ему многое не нравиться. Нет, всё, что касается веры Христовой и строгостей сопутствующих, он одобрял. Но занимались рыцари-тамплиеры не только этим.

К ним приезжали порой с полдня или с полуночи какие-то люди в белых плащах с красными крестами или без оных, останавливались в замке, показав рыцарю Гуго какую-то грамоту с хитрой печатью. Некоторые привозили с собой изрядные деньги — серебро или даже золото. И не видно было, чтобы в уплату долга или для какой-то покупки. Привозили, оставляли в замке, получали от Гуго взамен тоже какую-то грамоту и уезжали. Или, наоборот, приезжали порожними, предъявляли грамоту и уезжали с возом серебра. А то и с мешком золота. Понял тогда отец, чем они там занимаются — деньги в рост дают, и очень он в рыцарях разочаровался!

Они ведь всем говорили, что воевали на Святой земле для освобождения Гроба Господня от язычников, а тут вон оно что оказалось! И богатства свои наверняка там и награбили, потом приумножили их ростовщичеством. А ведь это не богоугодное занятие! Что они там ещё с деньгами делали — неизвестно. Только знал отец, что с каждым годом богатства их всё росли и росли. Не раз помогал он носить в подвал полученные от

очередного посетителя мешки с золотом. Мешков всегда было много, и Гуго просил отца помочь: тот к тому времени уже подросток и был отроком, как ты сейчас.

А порой бывали в замке ночные службы. Присутствовали там только рыцари, других обитателей замка не пускали. Гуго де Адемар говорил отцу, что, как только тот подрастёт, примет посвящение — вот тогда и будет допущен к ночным бдениям.

Поскольку тамплиеры были не столько монахами, сколько воинами, то и отца учили военному делу, к которому он с детства наклонность имел. Научился он владеть и мечом, и копьём, и луком. Стукнуло ему уже пятнадцать годков, и умел он к тому времени говорить и писать на французском и по-латыни, знал воинский строй и латинское богослужение, описание земное и историю по греческим и римским рукописям.

Возможно, так бы и остался отец навсегда во франкской земле, принял бы посвящение, забыл бы родной язык, если б не один случай и события, что последовали за ним. Потом уже, много лет спустя, отец понял, что всё случившееся рано или поздно должно было произойти. Он-то видел, какие богатства накопили храмовники в одном только Гриньяне. А таких замков у них было видимо-невидимо. И не только во франкской земле, но и в Италии, Испании, в немецкой земле да и во многих других. Замечал отец, как жадно поглядывал на Гуго Адемарского правитель со-

седнего графства и с какой ехидной усмешечкой Гуго относился к посланникам самого короля... Никому не подчинялись храмовники — признавали только власть Господа Бога да папы римского. Вот так...

А событие, про которое я говорю, произошло осенью. Приехал тогда с полудня, с побережья, важный купчина. Говорил он на неизвестном языке, а родом был, скорее всего, из земель полуночных, немецких. Привёз он золото, но боялся с ним путешествовать через франкское королевство, потому что разбойников там расплодилось много и вполне могли они ограбить удачливого купца на его долгом пути к морю. Хотел тот купчина оставить своё богатство в замке, а взамен получить от Гуго Адемарского грамоту, по которой храмовники земель полуночных выдали бы ему те же деньги за вычетом обычной доли — десятины.

Такое случалось не впервые, да только заподозрил отец, что замыслил Гуго Адемарский недоброе. Изучил он своего наставника вдоль и поперёк и прекрасно знал, когда тот обманывает, а когда говорит правду. Вот и сейчас в елеино-приторном голосе шателена чувствовалось что-то лживое, ненастоящее. И решил отец подглядеть, что же там замышляет рыцарь против богатого гостя?

Подкрался вечером отец к шато, домику для приезжих, и притаился под окном. Рыцарь Гуго как раз разговаривал там с купцом. О чём тол-

ковали, отец так и не понял: говорили они на языке гостя. Да только закончилась их беседа самым неожиданным образом. Поставил приезжий свою подпись на каком-то пергаменте, и Гуго тут же налил в бокалы вина — вроде как за удачное завершение дела. Гость не отказался, но, выпив, схватился за горло, посинел и грохнулся прямо посреди горницы. Отец от неожиданности аж отпрянул от окна, зацепившись рукавом за решётку.

Услышал Гуго, что у дома находился кто-то посторонний, выбежал во двор — да не тут-то было. Не стал отец дожидаться, пока Гуго его найдёт. Бывал рыцарь частенько гневлив и на расправу скор. Подозревал отец, что если схватит его шателен, то не дожить ему и до утра. Убьёт его или сам Гуго, или кто-нибудь из его ближайших помощников, а тело скинут в ров с водой, что окружает замок со всех сторон. Вода там проточная, к утру утащит мертвеца из канала в Рубион, из него — в Рону, и дальше — до самого Средиземного моря.

Скорее всего, так бы и случилось, ибо проныцателен был рыцарь и виноватых всегда разоблачал, как бы они ни таились. Чтобы скрыть убийство важного купца, Гуго приказал бы, пожалуй, перебить всех, кто находился в замке, кроме своих верных стражей. Да только вмешались в события обстоятельства куда более серьёзные, чем воля шателена Гуго де Адемара. И судьба не только замка, но и всех рыцарей-монахов, да и

самой Франции оказалась перевернута и скомкана, словно тряпка.

Отец Варсонофий замолчал. Откуда-то сверху донеслось чириканье. Дьяк поднял голову и посмотрел вправо. Вслед за ним взглянул туда и я. На оконной створке сидела давешняя ласточка и весело щебетала.

— Смотри-ка, — удивлённо сказал Варсонофий, — столько времени сидела, не улетала. К хорошим вестям.

Ласточка цвиркнула ещё раз и вылетела в окно. Дьяк проводил её взглядом.

Глава пятая

У ОЛЕГА

Варсонофий сказал мне, что рассказ свой завершит вечером, а пока велел отложить книгу про Перикла и отправляться ужинать. Но попасть вечером к Варсонофию мне не довелось. После ужина прибежал в мою келью княжий дружинник, приказал идти к Олегу. Я удивился: чего бы это он вдруг обо мне вспомнил? Ведь сейчас главная забота — город до морозов отстроить. Но коль князь велел — отнекиваться не станешь.

Прихожу в палаты, а там уже Олег, Дмитрий Чевка и Варсонофий сидят — меня дожидаются. Князь глядит на меня ласково, только в глазах тоска. Не знаю уж, как он сумел печаль и ласку в

одном взгляде совместить. Стою я перед князем, а он боярина Дмитрия спрашивает:

— Ну и как сей отрок себя в ратном деле показал?

— Хорошо, — отвечает тот. — На мече и шестопёре бьётся изрядно, сулицу мечет не хуже меня. Для стрельбы из лука только надо бы ему навыка побольше... Да и силёнок пока маловато: юн слишком.

— Силёнка — дело наживное, — говорит Олег. — А как отрок показал себя в бою?

Я и сказать-то ничего не успел, а боярин опять:

— Дядя Миша говорит — не робел, был всегда среди первых. Он за ним присматривал.

Вот как! А я-то ничего и не заметил. Думал, сам по себе.

Олег повернулся к дьяку:

— А в науках он как преуспел?

— Да ты, князь, и сам знаешь, — сказал Варсонофий, — у меня сроду такого бойкого да смыслёного ученика не было.

Вот это да! С чего бы это они в один голос меня хвалить взялись? Неужто я и в самом деле такой хороший?

А Варсонофий продолжает:

— На лету всё схватывает, греческий и латынь знает свободно, жизнеописания великих мужей древности и земное описание изучает исправно. И науки он постигает в самые малые сроки, не то что твой младшенький балбесушка.

Олег грозно зыркнул на Варсонофия, и дьяк споткнулся на полуслове. Понял, что сболтнул лишнее. На мгновение в горнице повисла неловкая тишина, потом Олег сказал:

— Значит, вы оба говорите, что отрок сей в книжной премудрости и военном деле преуспел изрядно. Так?

Боярин Дмитрий и Варсонофий согласно закивали.

А Олег между тем продолжал:

— Посему повелеваю: отныне учить его будете наукам неявным. Ты, Дмитрий, обучишь его тайному бою. А Варсонофий пусть наставляет в посольском деле. Да смотрите учите крепко!

Князь встал, давая всем понять, что разговор окончен и обсуждать нечего. Дмитрий и Варсонофий поднялись следом. И тут я вспомнил:

— Постойте!

Все остановились и удивлённо посмотрели на меня.

— Я ведь опять ту печатку видел.

Варсонофий и Олег сразу поняли, о какой печатке я говорю. И только в глазах Дмитрия я увидел недоумение.

— Вот как? — спокойно удивился Олег. — Где, когда, при каких обстоятельствах и почему сразу не сказал?

Эх и умеет же князь вот так просто, с ходу, коротко и ёмко задать кучу вопросов, на которые быстро и не ответишь! Они снова уселись за стол, а я начал рассказ...

Когда я закончил, Олег, немного помолчав, повторил вопрос:

— Почему сразу об этом не рассказал?

— Пока я до городских ворот добрался, купцы успели уйти далеко. Да и кто меня послушает, если скажу, что надо их ловить! Князя нет, да и войска в Рязани осталось совсем немного. Всё равно бы никто погоню не снарядил. Да и где их там, в степи, найдёшь? А ночью прискакали ордынцы, и тогда стало совсем уж не до перстня с печаткой.

— Странно... — задумчиво сказал Олег. — Во второй раз так получается. Сначала появляется человек с перстнем, где два всадника на одном коне, а потом заявляются ордынцы. Неужели лазутчик?

— Зачем лазутчику такой приметный перстень? — усомнился Дмитрий. — По нему его сразу отличишь.

— Может, и лазутчик, — предположил Варсонофий. — А перстень ведь такая штука: если не знаешь, что на печатке, присматриваться не будешь. Да и неизвестно им, что мы печатку на примету взяли. Надо бы, князь, на заставы дать знать. Если встретят людей с такой приметной печаткой, чтобы в Рязань сообщили.

— И-и-и!.. — встрял было Дмитрий.

— А вот задерживать их не надо, — оборвал его Варсонофий. — Лучше приглядеться, чем заниматься будут, с какими людьми говорить, о чём... А потом уж и решать.

— Дело говоришь, — сказал Олег. — Надо бы разобраться, с чего бы вдруг эти люди к нам зачистили и отчего после каждого их появления у нас города да сёла жгут и людей в полон уводят.

На том и порешили.

Когда вышли из терема, дьяк, видно вспомнив приказ князя о моём обучении, совсем по-мальчишески пихнул меня локтём в бок:

— А что, выходит, не зря ласточка прилетела, а?

И широко улыбнулся.

В тот вечер мы больше не занимались.

Глава шестая

ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ВАРСОНОФИЯ

На следующее утро я пришёл к Варсонофию после завтрака. Дьяк сидел за столом. Перед ним, как обычно, лежал свиток пергамента, в котором он что-то писал. Увидев меня, Варсонофий отложил свиток и велел присесть за стол. Потом спросил:

— На чём мы с тобой вчера остановились, Василий?

— На том, — отвечаю, — как твой отец боялся, что Гуго Адемарский его найдёт и убьёт.

— Да, верно. Ну так слушай дальше. Скорее всего, рыцарь Гуго не стал бы дожидаться утра, а собрал бы всех и стал расспрашивать, кто чем занимался вечером. Чутьё он имел — почище

волчьего! Враз бы определил, кто подслушал его разговор с чужаком. Понял это отец и решил бежать, не дожидаясь утра. Собрал свой небогатый скarb: одежду, немного денег, книгу латинскую да пару свитков. Очень уж он пристрастился в замке к чтению — не мог с книгой и свитками расстаться. Завязал всё это в узел, деньги — за пазуху и стал пробираться к воротам. Как выбраться из замка, ещё не решил, думал на месте сообразить — авось случай поможет. Можно было, конечно, переплыть ров с водой, да не хотелось ночью мокрым бродить — так и лихорадку подхватить недолго!

Но добраться до ворот отец не успел. За стенами замка слышался топот копыт, какой бывает от целого отряда всадников, и в ворота принялись колотить чем-то тяжёлым и кричать: «Именем короля, откройте!» Отец спрятался в кустах недалеко от ворот и стал наблюдать.

Стражники замка сначала не хотели открывать, но потом пришёл начальник стражи и велел впустить незваных гостей. Храмовники хоть и без особого почтения относились к королевским приказам, но открыто выказывать неповиновение всё же не смели.

В замок ворвалась целая сотня вооружённых всадников. Они тут же отобрали у стражи копыя и мечи, а самих стражников заперли. У ворот осталось десятка полтора вновь прибывших.

Отец с удивлением наблюдал, как солдаты вывели Гуго де Адемара со связанными за спиной

руками, непочтительно подгоняя его ударами тупых концов копий в спину, а вслед за ним — почти всех сержантов и оруженосцев ордена. Отец поблагодарил Бога, что собрался бежать именно в эту ночь, иначе и он оказался бы среди арестованных. Солдаты усадили пленников на повозки и выехали за ворота. Последним покидал замок предводитель отряда. Он освободил прежнюю стражу и велел ей охранять Гриньян, как и раньше.

Переезжая по мосту через ров с водой, предводитель внезапно остановил коня и спешился. Потом послышалась возня и непонятные возгласы. Отец видел, как стражники внесли в замок что-то большое и, кажется, тяжёлое. Приглядевшись, он понял, что это сброшенное в ров тело того самого купца, которого отравил Гуго Адемарский. Теперь всё. За убийство в тамошнем королевстве карали строго. Рыцарю точно не поздоровится.

Варсонофий прервал рассказ и стал смотреть за окошко остановившимся взглядом. Некоторое время я молчал, ожидая продолжения, потом не выдержал и спросил:

— А дальше что было?

— Дальше... — встрепенулся дьяк. — Отец дождался, пока посланники короля уедут, подошёл к страже и попросил выпустить его из опустевшего замка. Его хорошо знали, поэтому стражники даже порадовались, что ему удалось избежать ареста. Отец вышел за ворота и отправился в ближайший городок, который назывался Монтелимар. Он не боялся, что его поймут,

так как за годы жизни в замке очень редко покидал его пределы и вне Гриньяна его не знал никто...

Варсонофий снова замолчал, считая, наверное, что рассказ закончен. Но мне хотелось знать о дальнейшей судьбе отца моего наставника.

— Ну а потом, потом что с ним было-то?

— Потом он некоторое время жил в Монте-лимаре, в работниках у одного богатого горожанина. Однажды встретил на улице своего знакомого, который был арестован вместе с рыцарем, а потом отпущен на свободу. Опасаясь, что тот его выдаст, отец снова бежал. Путь его лежал на восход, на Русь. Только там он мог чувствовать себя в безопасности.

— А почему? Разве он сделал что-то дурное?

— Нет. Просто на храмовников ополчилась не только светская власть, но и церковь. А это значит, что ни во Франции, ни в других государствах, где была католическая вера, не было бы ему покоя. Вот и решил он вернуться на Русь.

— А что стало потом с Гуго Адемарским?

— Не знаю. Скорее всего, сожгли его.

— Как — сожгли?!

— На костре. У них так принято.

Нет, ну вы как хотите, а этого я понять не мог! Бывает, что люди сгорают в крепости во время осады, отказываясь сдаваться врагу, но чтобы вот так! Пусть это преступник, который совершил любое, даже самое страшное злодеяние, но живьём

жечь-то зачем? Наверное, на лице моём отразилось такое недоумение, такой ужас, что Варсофоний ласково погладил меня по голове:

— Да, народ там суровый. Если кто не поихнему Богу молится, могут и спалить. А рыцарь ведь ещё и человека убил. Так что вдвойне виновен.

— А почему церковь и король ополчились против храмовников?

— Да это как раз и понятно. Уж слишком большую силу они набрали. Королю не подчинялись, мыто¹ не платили, даже суд у них был свой, а не королевский. Они как будто создали собственное княжество, которое располагалось на землях Франции и некоторых других государств. А какому королю понравится, когда на его земле ему кто-то не подчиняется? Да и ростовщичество храмовников многих возмущало. И делишки они обстряпывали неведомые и с неведомой же целью. В общем, Василий, где появлялись храмовники, там власть короля становилась щербатой, с изъяном. Терял он управление, понимаешь? А это потом сказывалось на устоях и процветании державы. Много про них разного говорили. Якобы они сатане поклонялись и кучу других грехов совершили, только я в это не верю. Эти слухи специально распространяли, чтобы в глазах народа храмовников очернить. Хотя чего их чернить? И так ничего хорошего они ни для государства,

---

¹ М ы т о — налог, пошлина.

ни для людей не творили, только для себя. Вот такие дела, Василий.

— А с отцом твоим потом что было?

— Добрался он тогда до Руси. Долго добирался, год, а то и поболее. Дороги в тех краях беспокойные, разбойников много. Да что там говорить, на Рязанщине меньше, что ли? Не ордынцы — так наши безобразничают. Скитался по Руси несколько лет, пока не прибился к рязанскому двору. Человек-то он был книжный, учёный. Тогда Рязанью правил великий князь Иван Ярославич. Отец ему по душе пришёлся своей премудростью. Женился на боярышне, потом я родился. Отец меня научил всем знаниям, что в Гриньяне усвоил. Он у князя ведь первым советником был, во всех посольствах участвовал, во всех походах. Много пользы земле Рязанской принёс — и пером, и мечом. И я теперь при Олеге Ивановиче, как отец мой при Иване Ярославиче. Когда надо, с посольством езжу, подсказываю князю, как себя вести, что говорить. Преемника его, Фёдора, в делах посольских наставляю. Вот теперь и тебя обучать велел.

Я хоть и помнил, что князь приказал Варсонофию, но до конца поверить в это никак не мог. Это же сколько надо знать! Во-первых, языки чужие, тут уж не только латынь с греческим понадобятся. Вернее, латынь с греческим, скорее всего, и не понадобятся. По-латыни только попы басурманские говорят, а в Константинополь, греческий стольный град, нам дороги пока нет. Не до нас им

и нам не до них. Во-вторых, обычаи других народов, чтобы не обидеть кого-нибудь по незнанию. Посланнику этого делать никак нельзя. Да и хитрость обычная должна быть — как же без неё? А может, ещё что-то, мне пока неизвестное. Все эти соображения я тут же и выложил Варсонофию. И посетовал: мол, опасаюсь, что не постигну такую премудрую науку. Дьяк опять погладил меня по голове (вот повадился же — что я ему, девчонка, что ли?) и сказал:

— Я, Василий, учу тебя уже два года и вижу, что ум твой ясный, быстрый да цепкий. Способности к языкам у тебя есть, и смёткой житейской ты не обижен. А знания и умения я тебе передам. Не вдруг и не сразу, а постепенно. Я ведь тоже не в один год всё постиг. Думаю, годика два-три мы с тобой позанимаемся, а потом можно с князем в посольство какое отправлять, если в нём необходимость настанет. Не сомневаюсь, что настанет. Там и посмотришь посольский обычай. А пока что вот тебе первая заповедь посланника: прежде чем сказать, семь раз подумай, потому что одно неосторожное слово порой может погубить самое выигрышное дело...

— «Перикл был осторожен в речах и, идя к ораторской трибуне, молил богов, чтобы у него против воли не вырвалось ни одного слова, не подходящего к данному делу», — перебив дьяка, по памяти пересказал я отрывок из жизнеописания афинского стратега Перикла, которое изучал накануне.

Варсонофий, кажется, даже дар речи потерял от неожиданности. Взгляд его упал на книгу, которую я читал перед нашей беседой и которая так и осталась лежать неубранной на столе. Он раскрыл её в том месте, где говорилось про Перикла, и велел мне повторить то, что я только что произнёс. Потом поднял на меня заблестевшие глаза:

— Слово в слово! — Дьяк осторожно закрыл книгу и убрал её обратно в сундук. — Бог дал тебе такую память, Василий, какая мало у кого бывает. Ума не приложу: как я раньше этого не заметил?

— Так ты же мне прежде никогда не велел слово в слово повторять.

— А ты бы смог?

— Ну да.

Варсонофий присел на своё кресло и опустил руки на колени.

— Ты, Василий, иди сегодня с боярином Дмитрием занимайся. А я пока решу, что мы с тобой завтра будем делать. Да-а-а!.. Озадачил ты меня. По-хорошему озадачил. Ну ступай.

Вот же странный он, Варсонофий! Как тут не запомнить, если эти строчки висят в воздухе перед глазами и в нужный момент нужная строчка выскакивает. И сам не знаю, как так получается. Вроде никаких усилий не прикладываю. Может, и правда, как бабка Секлетия говорила, меня ангел крылом по голове задел?

Глава седьмая

НОВОЕ УЧЕНИЕ

Со следующего дня обучение моё резко изменилось. К занятиям с мечом и копьём добавились упражнения по скрытному ножевому бою и много чего другого. Дмитрий учил, как использовать нож неожиданно для противника, как спрятать оружие в одежде так, чтобы врагу его сложно было обнаружить. Как охотиться на птиц с помощью верёвки и двух кисетов с землёй. Теперь со мной занимался не только он, но и дядя Миша.

Впрочем, не буду вас утомлять пересказом всего, что мне довелось узнать и чему научиться. Скажу лишь, что мои прежние страдания от усталости и ушибов не шли ни в какое сравнение с тем, что я испытывал сейчас. Если бы не занятия у Варсонофия, которые позволяли хоть немного перевести дух, я бы, наверное, не выдержал и отказался от учения. Но в каждую седмицу я четыре дня проводил с Дмитрием или дядей Мишей и три — с Варсонофием, этим и спасался.

А тут ещё Родослав взял за правило шутить со мной. То подойдёт и сильно хлопнет по плечу, как будто здороваясь, — а у меня после занятий всё тело так болит, что я чуть на колени не падаю от княжичьей шутки, — то как бы невзначай толкнёт, я чуть кубарем не качусь. Он здоровенный верзила вымахал, как боров, почти с Олега уже. А ума, выходит, особо и не прибавилось.

В такие моменты у меня было огромное желание ответить ему тем же. Тем более что через два месяца после начала занятий я уже вполне мог дать ему достойный отпор, хотя он был старше, выше и много крепче меня. Но нельзя: княжич всё же. Нет, Олег меня не наказал бы, но чин всё же надо блюсти: он сын князя, а я сын кузнеца.

Боярин Дмитрий знал об этом и как-то попытался помочь мне. Однажды, когда он обучал меня приёмам ближнего боя, я поддел его, и он покатился в пыль. Всё это, конечно, не повзправдашнему было. Просто тогда Родослав подошёл посмотреть, как мы занимаемся, вот Дмитрий и решил мне поддаться. Княжич и не понял, что мы перед ним представление разыграли. Испугался, наверное, что я и с ним так смогу, если уж столь опытного бойца, как Дмитрий, с ног сбил. С тех пор как отрезало: стоило только мне нахмурить брови, Родослав отходил в сторону и меня больше не цеплял.

Занятия с Варсонофием позволяли мне отдохнуть телом, но до предела загружали голову.

— Посольства у нас, — говорил дьяк, — могут быть в Орду, в Литву, в русские княжества да в крымские поселения фряжской Генуи, право на которые фрязи выкупили у византийских греков. Ну и ко грекам, конечно, тоже, но только в последнюю очередь. Посему будешь учить ордынское наречие да фряжское. А греческое ты и так уже знаешь. И непременно обычаи этих народов. Ну с греками да с русскими княжествами попроще

будет — как-никак, свои люди, православные. С фрягами посложнее: они хоть и в Христа веруют, но латиняне. У них там тоже людей на кострах жгут, как и во Франции. Но самое сложное, Василий, это ордынские обычаи усвоить. У них всё совсем иначе, чем у нас. Народ этот испокон веков кочевал, вот и уклад жизни у них не тот, что у русичей, греков и фрязей — ремесленников и земледельцев. А на закатной границе растёт ещё Великое княжество Литовское. Но вот беда: я языка их не знаю и ни один человек в Рязани не знает. Ещё сто лет назад никто и предположить не мог, что станет это княжество великим и сильным и раскинет свои пределы от Балтийского моря до полуденных степей. Даже Киев, мать городов русских, уже лет пятнадцать под их властью находится. Хотя слышал я, что в Литве многие ближние великому князю бояре — русские люди, так что объясниться будет несложно.

Варсонофий много мне рассказывал и про храмовников. Он, оказывается, давно по крупницам собирал сведения о них. Говорил, что уничтожили только верхушку ордена, а большинство рыцарей сумели избежать костра и потомки их тайно действуют сейчас во многих державах. На вопрос — чего они добиваются? — дьяк отвечал:

— Власть всегда притягательна для людей. У храмовников была большая власть, и они решили, что выше их нет никого, кроме Бога. Поэтому и погибли. Сейчас их последователи много-

му научились и стараются действовать скрытно. Встречался я как-то с одним католическим монахом, поведал он мне, что сумели храмовники переправить свои несметные богатства из Франции на полночь, в Англию. И сейчас два эти государства воюют. Якобы английские короли имеют право на французский престол, а на деле — это месть за уничтожение ордена, на деньги которого Англия и ведёт войну. Правда, сдаётся мне, что хотят они вновь стать властью явной. Но в землях закатных сделать это трудно. Поэтому я сильно опасаюсь, как бы они не появились в наших краях и не стакнулись с ордынцами. Орда, несмотря на великую замятню, — большая сила. А храмовники — жуткие хитрецы и пройдохи, и если они сумеют использовать ордынскую силу в своих интересах — быть беде. А чтобы бороться с ними, нужно знать о храмовниках побольше.

С этими словами Варсонофий щёлкнул меня по носу и достал из сундука давешний потёртый пергаментный свиток с латинским заголовком. Потом ткнул пальцем в написанное:

— Сегодня учить от сих до сих. Вечером проверю.

Я иногда думал: зачем великий князь рязанский возится со мной, сыном его бывшего дружинника, а потом простого кузнеца, пусть даже и самого лучшего? То, что он сироту пригрел, — это понятно: он всех, у кого родители погибли во время набегов и у кого родственников не осталось, старается привечать. Кого в монастырь отдаст на

воспитание, кого — в дружину. Хотя на всех княжьей милости, конечно, не хватало. Но так, как обо мне заботится, ни о ком больше. Тут и житьё в князем тереме, и кормёжка с княжьей кухни, и учение такое, какое только у детей боярских бывает, да и то не всегда.

Но к двенадцати годам стал я понимать, что Олегу нужны верные, знающие да умелые люди. А я подходил, как никто другой. Родных не осталось, податься некуда. Случай, правда, помог: Олег знал моего отца. Если б не везение, пришлось бы мне побираться, как отец Варсонофия в чешской столице. Да только вряд ли бы меня кто приютил: и без того обездоленных кругом полно. И может быть, уже чёрные вороны таскали бы мои белые кости по степному ковылю.

В конце концов, решив, что не стоит забивать голову мыслями, от которых ничего, кроме головной боли, не получишь, я полностью погрузился в учение.

КНЯЖЬЕ ПОРУЧЕНИЕ

Глава первая

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

На пятом году моего жительствова в Рязани научился я многому. От Дмитрия узнал боевые приёмы и боевой строй. Умел не только правильно действовать в сражении как простой дружинник, но и при случае смог бы грамотно расставить полки для сечи как воевода — этому искусству боярин меня тоже обучил. Правда, насколько эти мои знания верны, проверить было нельзя: битв в ближайшее время не предвиделось. Да и пятнадцать годков, когда я смог бы встать в строй дружинников, мне исполнилось только на Ореховый Спас, а сейчас лишь конец весны. И понятно, никто мне, безродному отроку, не разрешил бы водить полки, если есть куда более опытные военачальники.

Последние три года Дмитрий кроме обычного боевого строя досконально обучил меня и бою

тайному, неявному. Это, скажу я вам, очень непростая штука. Конечно, такие приёмы в обычной битве мало пригодятся. А вот когда идёшь во вражью землю лазутчиком — самое оно. Дмитрий, помимо прочего, научил, как правильно и метко метать ножи, и теперь я мог не хуже его с расстояния пятнадцати—двадцати шагов воткнуть метательные ножи в щит хоть крестом, хоть кру́гом, хоть какой угодно фигурой.

А Варсонофий основательно наставил меня в грамоте русской и басурманской. Я свободно читал, писал и говорил не только на родном языке, но и по-ордынски, по-фряжски, по-гречески и по-латыни. Выучил посольский обычай для стран закатных и для Орды, мог без земного чертежа пройти по рекам, потому как все чертежи хранились в моём личном и безопасном сундуке, который я всегда держал при себе, — в моей голове. Даже бывалые дружинники поражались, когда я им назубок по памяти рассказывал, как пройти вдоль рек от Рязани до Курска или до Сарая Ордынского; где, у какой излучины перейти к другой реке или холмистой гряде, чтобы и с пути не сбиться, и лишний раз на открытом пространстве не показываться, а то мало ли что — в степи разные люди бродят.

Я никак не мог дождаться, когда мне стукнет пятнадцать, чтобы самому участвовать в поездках Олега по княжеству в другие города. Слышал я однажды беседу Варсонофия с князем. Дьяк говорил:

— Приёмыш-то наш таким разумным стал! Чаю я, в княжестве с ним никто не сравнится.

— Вот как? А ты сам?

— Превосходит отрок меня во всём, только повидал мало, так как юн ещё. Но, думаю, как узнает сам чужие страны, не будет у тебя, князь, слуги лучше его. Много пользы может принести.

— Интересно. — В голосе Олега было сомнение. — Боярин Дмитрий тоже его сильно хвалит. Отменный воин, говорит, растёт.

— Так-то оно так, — соглашался Варсонофий, — да только отменных воинов много, а такой разумник, как Василий, у тебя один. Думаю вот вскоре его к посольскому делу приставить. Пусть покрутится, посмотрит, как с' иноземцами правильно разговаривать, как словами да на дружеском пиру добиваться того, чего многотысячное войско большими жертвами не добьётся никогда. А боевые навыки — и явные, и тайные — это дело полезное. Куда без них ныне? Они порой и в посольском деле помогут. Да и в посольство сейчас ездить — дело не такое уж безопасное. В пути всякое бывает.

Я не показал виду, что слышал этот разговор, но на ус намотал. Что ж, посольство так посольство. Я не против. Даже наоборот: разные земли посмотрю. Интересно же. В первый год обучения меня тайным наукам приезжали к Олегу послы от Литовского княжества. Что они там обсуждали, я не интересовался — не до этого было. Запомни-

лись одежды непривычные да то, что в церковь они не ходят — язычники потому что.

Варсонофий про это говорил:

— У литовцев главный бог — Перу́н или Перку́нас, как они его на свой лад называют. Такой же и у русичей в древности был, пока православие не приняли. Вот и литовцев сейчас, с одной стороны, поляки обхаживают — хотят, чтобы они католичество приняли, а с другой — наши, православные. В Великом княжестве Литовском ведь больше половины населения — православные. И кто верх возьмёт — неизвестно. Есть среди литовских бояр и язычники, и католики, и православные. Сейчас княжеством правит старый Ольгерд, язычник, а вот что будет после его смерти — бог его знает... Примут православие — будут нам добрыми соседями. А коли католичество — чаю, хлебнём мы с ними горя. А Ольгерд совсем плох. Он ведь старенький — всего годика на четыре моего отца моложе.

Сказал Варсонофий про отца — и я своего сразу вспомнил. Вот ведь странная это штука — память! Вроде уже забывать начинаю: годы-то идут. И вдруг кто-то скажет слово — и всё, как вчера, перед глазами встаёт: всадники с кривыми саблями, хромой рыбак Антоха с торчащей из груди стрелой, намокшая от крови пыль вокруг него. И отец, запирающий меня в подпол. А потом — пепелище вместо села да полная неясность, что с отцом — жив ли? Говорят, ордынцы часто увозят пленных мастеров не в Сарай, что на Волге, а далеко-далеко на восход, за много месяцев кон-

ного пути. А оттуда уж точно никто не возвращается. Слёз на этот раз у меня уже не было, только сердце как будто кто-то сжал крепкой холодной рукой. Ну ничего, перетерплю, я же сильный. А там — кто его знает? Случаются ведь чудеса!

Глава вторая

ДЮРИ

Дюри появился в Рязани где-то в конце весны. Впервые я увидел его, когда пришёл, как обычно, утром к Варсонофию для изучения посольских наук. Признаться, мне они уже изрядно поднадоели, и куда с бóльшим удовольствием я обучался у боярина Дмитрия кидать ножи в цель и охотиться на уток и прочую летучую снедь с помощью двух кисетов с землёй, соединённых верёвкой в три четверти аршина длиной. Хоть и непростое это дело, но если наловчиться, то без пропитания не останешься, даже если лука со стрелами при себе нет. Тут главное — точно рассчитать расстояние до птицы и кидать с упреждением, верно угадав, куда она взлетит после того, как увидит охотника. Дмитрий на моих глазах сбивал утку на лету, но это такое великое мастерство, до которого мне было далеко.

Так вот, продолжу. Зайдя в Варсонофиеву светлицу, я с удивлением обнаружил, что он не один. На скамье, которую я уже считал чуть ли не собственностью, вольготно расположился какой-то

мелкий чернявый отрок годика на три младше меня. Рядом стоял Варсонофий, что само по себе меня удивило несказанно. Не бывало ещё такого, чтобы какая-то мелюзга сидела в то время, когда учёный дьяк стоял! Даже княжич Родослав не смел присесть в его присутствии. Правда, он однажды попытался это сделать, и Варсонофий ничего ему не сказал, хотя и посмотрел на Родослава искоса. Да, на беду княжича, зашёл в светлицу Олег и, сразу построжав лицом, отослал сына, а потом, наверное, поговорил с ним очень сурово. Потому что, когда Родослав на следующий день появился у Варсонофия, вид у него был виноватый и все требования дьяка он выполнял как-то чересчур поспешно и старательно. О том, чтобы присесть, когда наставник стоит, больше и речи не было.

Поэтому я был поражён, видя, что неизвестный отрок расселся на моей скамье, а стоящий рядом Варсонофий этого, по-моему, даже не замечает. Перед ними на столе лежала какая-то толстая книга, которую они, склонившись, разглядывали настолько увлечённо, что даже не заметили, как я вошёл. При этом отрок бойко лопотал по-латыни. Насколько я понял, разговор шёл о лечении колотых ран. По виду Варсонофия я догадался, что тот чрезвычайно доволен познаниями незнакомца. Он даже, кажется, мурлыкал что-то, словно кот, объевшийся сметаной.

Наконец дьяк поднял голову и заметил меня:

— А-а, Василий!

— Доброе утро.

— Здравствуй, здравствуй! Познакомься: это Дюри. По-православному — Юрий. У себя на родине он изучал медицину и настолько преуспел в этом, что, сдаётся мне, уже сейчас, несмотря на юные годы, может заткнуть за пояс любого рязанского лекаря.

Потом Варсонофий повернулся к Дюри и сказал:

— Дюри, это Василий. Лучший из моих учеников.

Это он верно сказал. Я был лучшим, потому что единственным. Не считая, конечно, Родослава. Правда, пару раз в неделю к дьяку приходили несколько детишек рязанских ремесленников и купцов — учиться грамоте и счёту, но я это и за учёбуто не считал, потому что освоил давным-давно.

Варсонофий снова обратился ко мне:

— Василий, я надеюсь, что вы с Дюри станете друзьями. Он очень плохо говорит по-русски, и ты должен обучить его нашему языку.

Мне этот Дюри почему-то вначале не понравился. Вертлявый какой-то, глаз быстрый, пронзительный. Сглазит ещё! Бывает же так: ещё о человеке ничего не знаешь, ещё с ним не то что пуд, даже полпуда, даже осьмушки пуда соли не съел, а уже хочется держаться от него подальше. Я, конечно, этого Варсонофию не сказал: мало ли что мне пригрезилось! Если велел учить, буду учить. Другом, конечно, по указке не станешь, но если надо, стану его терпеть сколь возможно. А там посмотрим.

— Хорошо, — говорю. — А он где живёт?

— Да нигде пока, — ответил Варсонофий. — Он здесь только с нынешней ночи. А знаешь что, давай он с тобой в одной келье будет жить?

Ещё чего не хватало! Я сильно разозлился, но вида не подал. Варсонофий посмотрел на меня внимательно и, кажется, что-то понял, но ничего не сказал. Велел только отвести Дюри в келью и уложить спать, ведь он, оказывается, две ночи без сна...

Вечером, когда я вернулся с учения, Дюри всё ещё спал на моей лавке, укрытый кожушком. Я запалил светильник, который сам вылепил из глины, взятой на берегу Оки. Масло для него стащил у Варсонофия, благо его там много, а мне и надо-то чуть-чуть, чтобы спать укладываться не в потёмках. Хотя какой это светильник? Просто глиняная плошка с фитилём. Хотел было растолкать Дюри и даже подошёл поближе.

Почувствовав во сне моё приближение, он всхлипнул, быстро-быстро забормотал что-то на неизвестном языке, потом дико закричал, сел на лавке с закрытыми глазами и замахал руками, отбиваясь от кого-то невидимого.

Голос Дюри дрожал, словно он собирался заплакать. Постепенно он успокоился и прилёг, опершись на локоть. Потом открыл глаза, глядя прямо на меня, но так, будто меня здесь не было. Это выглядело необычно и даже жутко. Я передумал его будить. Мне его стало жалко. Похоже, немало паренёк натерпелся, пока не попал со

своей далёкой родины к нам в Рязань. Наверное, приснилось что-то ужасное из прошлой жизни. Надо бы спросить Варсонофия, каким образом он здесь оказался. И в самом деле, чего это я на него взъелся?

Мне стало стыдно. Сам-то я, когда ордынцы сожгли наше село, был не в лучшем состоянии. А он ещё молодец, бодрится, не показывает, как ему тяжело, только во сне и выдал себя. Я снова подошёл к Дюри и поплотнее укрыл его колуш-ком. Сейчас хоть и лето почти, но ночи порой бывают прохладными. Потом притащил с кухни ещё одну лавку (ничего, найдут себе новую) и поставил в келье у противоположной стены. Улёгся поудобнее, задул светильник и заснул...

Наутро я ещё до завтрака прибежал к Варсонофию: уж больно мне не терпелось узнать про Дюри.

— Откуда он у нас взялся?

Дьяк удивлённо посмотрел на меня:

— А ты разве его не расспросил?

— Так ведь он как вчерашним утром лёг спать, так до сих пор и спит.

Дюри и в самом деле не проснулся, пока я вставал и одевался.

— Вот оно как! — Голос Варсонофия звучал тихо и с какой-то горечью. — Он, Василий, натерпелся много. Ведь ещё пару месяцев назад жил он спокойно во владениях мадьярского короля, изучал медицину в тамошнем католическом монастыре. И знаешь, Василий, изучал очень хоро-

шо. Я тут с ним вчера поговорил — он прекрасно знаком с работами великих лекарей минувших лет: Галена, Авиценны-магометанина и испанца Арнольда. И к двенадцати годам приобрел столь обширные и глубокие знания, что, по его словам, ему доверяли лечить даже самых важных бояр. И мне кажется, он не врёт. Я ведь в жизни кое-что повидал и по глазам вижу, когда человек обманывает, а когда говорит правду. Юрий не врёт.

— А как он к нам попал?

— Так же, как и ты, — грустно сказал Васронофий, — только его путь был более длинным, тяжёлым и кровавым. Город, где он жил, находился на самом краю венгерского королевства, рядом со степью, совсем как твое родное село. Напали на них крымские ордынцы, всех, кто не успел спрятаться в замке, убили или увели в полон. Родители его погибли, наставник погиб, никого из родных не осталось. Добычу ордынцы в Крым отправили, а небольшой отряд направился на восход — грабить русские земли. Его с собой возили, так как прознали, что он хороший лекарь. А отроку, непривычному к длинным конным переходам, очень тяжело их переносить. Тем более что в дороге с ним особо не рядились — и подзатыльников он получал изрядно, и смертью угрожали, если не исцелит одного знатного ордынца, получившего в сражении рану. Вот так-то.

— А в Рязань... — снова заикнулся я.

— Фёдор Олегович с двумя сотнями конных ратников в разъезде был, вот и наткнулся

на ордынцев: они в Сарай направлялись. Кони у них уставшие были, вот Фёдор их и догнал. Почти всех посекли, вряд ли человек десять ушло. А Дюри они бросили, чтобы убегать не мешал. Хорошо ещё, саблей не ударили. Наши-то сперва думали — ордынский парнишка. Потом глядят — нет, католический крестик на шее. Ордынцы хоть и басурмане, но к чужой вере уважение имеют, за это не убивают. Под утро его в Рязань и привезли.

В комнату постучали.

— Да! — сказал Варсонофий.

Дверь открылась. На пороге стоял Дюри. Он сейчас выглядел намного лучше, чем вчера, — выспавшийся, отдохнувший, вот только глаза блестящие, наверное от голода.

Варсонофий сразу засуетился и заквахтал, как курица:

— Проснулся, родименький! Наверное, есть хочешь? Василий, отведи его на кухню да и сам с ним поешь. Наверное, тоже ещё не завтракал?

— Пойдём! — сказал я Дюри и, развернув его за плечи на выход, первым вышел из комнаты. У меня было такое чувство, словно я обрёл младшего брата.

Глава третья

ЛЕКАРЬ

Дюри жил в Рязани уже дней двадцать. Он, на удивление, быстро освоился, голодный блеск

в глазах пропал, даже поправился немного. Но я ему особо расслабляться не давал — брал с собой на боевое учение к Дмитрию и дяде Мише. Только он бой на мечах осваивал не очень-то хорошо. Зато метко бросать нож научился довольно быстро и почти сравнялся в этом искусстве со мной, хотя я им занимался уже несколько лет, а он — всего ничего. И из лука он стрелял чрезвычайно метко, ввергая в удивление и боярина Дмитрия, и дядю Мишу.

Варсонофий занимался с ним не так, как со мной. Точнее, он с ним почти совсем не занимался. Просто выложил перед Дюри все лекарские книги и свитки, которые нашлись в его библиотеке. И не уставал повторять, что равного по знаниям лекаря в Рязани не найти.

Через пару недель, как Дюри появился у нас, настоящим именем его никто и не называл. Коль сказано было, что Дюри — это по-православному Юрий, так он и стал Юрием. Новоиспечённый Юрий не возражал. Ему здесь, в Рязани, после двух месяцев ордынского плена нравилось чрезвычайно. Это и понятно, ведь родных у него никого не осталось. По нынешнему времени до Мадьярщины и добраться-то не так уж просто. Ещё опять к ордынцам в плен попадёшь!

Русский язык он осваивал, как и искусство метания ножей, очень быстро. Варсонофий говорил, что чем младше ребёнок, тем крепче у него память, и то, что в малолетстве усвоил, точно на всю жизнь запомнишь.

Через три недели после появления в Рязани Юрий уже вполне сносно говорил по-нашему. Не так бойко, конечно, как булочники на рязанском торжище, но вполне понятно, только слова смешно коверкал. Я сначала с недоверием отнёсся к его лекарскому таланту, но, как потом оказалось, Юрий действительно был отменным врачом-терапевтом. Один случай помог мне в этом убедиться лично.

Как-то раз мы с ним сидели в светлице у Варсонофия. Юрий, по своему обыкновению, читал латинскую книгу, на обложке которой значилось: «Flos medicinae»¹. Мне же дьяк всучил пергаментный свиток и сказал:

— Вот тебе сочинение элина Ксенофонта. Сей муж был не только знатным историком, но и предусмотрительным военачальником. Изучишь, а вечером мне ответишь, как у него получилось без потерь вывести десять тысяч воинов из чужой страны с враждебным населением.

Я с головой погрузился в чтение и уже дошёл до того места, где элины, достигнув наконец морского побережья, радостно кричат: «Таласса, таласса!» Что по-нашему означает «море».

И вот в этот момент на улице послышался шум. Заинтересовавшись, я подошёл к окну. Вдоль стены кремля во весь опор летела повозка без возницы, запряжённая двумя лошадьми.

¹ «Лечебный цветок» — так назывался один из трудов испанского врача и алхимика Арнольда из Вилланы (1240—1311).

Похоже, какой-то зажиточный селянин привёз на рязанское торжище прошлогоднюю пшеницу или овёс: повозка была наполовину загружена тяжёлыми холщовыми кулями. Взбесившиеся лошади хрипели, роняя на землю пену, и все встречные бросались от них врассыпную.

Внезапно из переулка вынырнула высокая фигура. Плечистый молодой парень молнией кинулся к летящей без управления повозке и, схватившись за узду ближней лошади, повис на ней, стараясь пригнать к земле. Лошадь захрипела и стала мотать головой, пытаясь стряхнуть смельчака. Но тот не сдавался и, видя, что бег замедлился, стал упираться ногами в землю. Казалось, ещё немного — и лошади встанут. Но тут его нога попала в рытвину и, оступившись, он полетел головой вперёд — видимо, считая себя победителем, ослабил хватку.

Я только охнул, видя, как повозка прокатилась по парню. Мне даже показалось, что я слышу хруст ломающихся костей. К лошадям уже подбегали мужики, хватали под уздцы — по двое-трое с каждой стороны. Лошади трясли головами, били копытами, но их уже держали крепко. Вскоре повозка встала. Один из мужиков, скорее всего опытный конюх, похлопывал и говорил им что-то на ухо — успокаивал, видно.

Вокруг раненого парня столпился народ, но, похоже, сведущих в медицине среди собравшихся не было. Кто-то пытался поднять его с земли, кто-то просто бестолково суетился, не зная, что

делать. Какой-то толстый приземистый мужик вдруг заорал так, что слышно было, наверное, и за рязанскими стенами:

— Лекаря! Лекаря-а-а-а!

Ну и голосина! От неожиданности я даже вздрогнул и отшатнулся от окна. Вам не приходилось слышать буквально над головой очень громкий раскат грома? Мне как-то приходилось. Я тогда застыл в оцепенении, а соседские ребята даже попадали на землю. Так вот, у этого крикуна голос ненамного уступал тому грому.

— Лекаря-а-а-а!!!

Мужик продолжал надрываться, а я встрепенулся: Варсонофий же про Дюри, то есть про Юрку, говорил, что тот лучший в Рязани лекарь. А раз так, то надо ему срочно бежать к парню на помощь. Я оглянулся: Юрка сидел за столом и продолжал внимательно изучать Варсонофиеву книгу. Он так увлёкся, что даже высунул кончик языка и задумчиво чесал макушку.

Я подскочил к нему:

— Ты что, баляба, язык жуёшь? Там человек погибает. А ну бегом вниз!

Юрка встрепенулся и, полуоткрыв рот, удивлённо уставился на меня. По глазам его я понял, что он сейчас не здесь. Мыслью юный мадьяр витал где-то в горних медицинских высях, не в силах опуститься на нашу грешную землю. Я шагнул к нему и с размаху влепил точно в середину лба великолепно звонкий, смачный щелбан. Мне даже показалось, что в светлице загудело, как в

звоннице после удара в колокол. Вот интересно: если у него в голове так же пусто, как в колоколе, то где он свои лекарские знания хранит?

Юрка встрепенулся. Взгляд его наконец стал осмысленным.

— А? Что?

— Ничего! — сердито сказал я. — Там человеку плохо. Помочь сможешь?

— Что? Где?

— Тебе ещё щёлкнуть?

— Не надо. — Он дёрнулся, видя, что я уже поднимаю руку.

— Тогда бегом вниз!

Юрка тут же, не говоря ни слова, сорвался с места и молнией вылетел из комнаты. Странный он всё-таки. То сидит сиднем, то бегаёт как угорелый. Я выбежал следом.

Когда я спустился, Юрка носился вокруг толпы, пытаясь пробиться к раненому парню. Но на него не обращали внимания. Кто-то даже дал ему подзатыльник, чтобы не лез куда не надо. Похоже, от меня опять требовались решительные действия. Поэтому я крикнул громко и с боярским выговором, как Дмитрий, когда командовал дружинниками:

— Пропустите княжьего лекаря!

Все обернулись, ища глазами, кто это сказал, а я, повелительно расталкивая толпу и таща за руку Юрку, протиснулся к раненому... Парень лежал на земле, справа от него дорожная пыль была обильно смочена кровью. Рваная рубаха от-

крывала голое тело и обширную рваную рану, из которой слабыми толчками вытекала кровь. Левая нога, вывернутая как-то неестественно, или вывихнута, или сломана. И у него точно было не всё в порядке с дыханием: из груди слышались громкие хрипы или даже скрипы, как будто ехали на несмазанной телеге. Глаза парня словно подёрнулись туманом — явный признак, что одной ногой он уже не здесь.

— Отходит, — сказал кто-то.

Юрка опустился рядом с ним на колени прямо на землю и коснулся руками груди раненого, от чего тот явственно застонал. Он несильно нажал пальцами в двух местах, и кровь — о чудо! — перестала вытекать из раны. Я, кажется, удивлённо открыл рот, а вокруг зашумели, и кто-то сказал:

— Нога, нога ещё!

— Цыц! — громко сказал Юрка. — Нога не главное, потом вправлю. Да не орите так, мешаєте ведь!

Я раскрыл рот ещё шире: он прекрасно, почти совершенно чисто говорил по-русски! Вот ведь хитрый какой! Интересно, зачем ему надо было скрывать, что по-нашему понимает?.. Пока я так размышлял, он продолжал колдовать над раненым. Горластый мужик притащил в плошке воды и помог промыть рану. Юрка погладил колено у раненого и резко дёрнул за ступню. Парень рванулся, как будто силясь встать, коротко вскрикнул. Юрка надавил основанием ладоней сбоку, под мышками, потом пробежался пальцами по

вискам, и дыхание раненого стало ровным: он... заснул! Хрипы хоть и доносились из его груди, но стали тише — ему явно становилось лучше.

— В кремль его! Быстро! — приказал Юрка.

Я даже удивился: Юрку слушались беспрекословно. Как будто он боярин.

— Не на руках! На доски положите.

Досок не нашлось. Тогда он велел взять две жерди, положить на них поперёк несколько коротких палок и застелить это всё в несколько слоёв холстом, который тут же отобрали у какой-то торговли. Баба только тихо поскуливала от огорчения, что товар запачкают кровью. Но её никто не слушал. Раненого осторожно положили на носилки и по распоряжению Юрки отнесли в светлицу, где мы с ним занимались.

Пришёл Варсонофий и распорядился поместить несчастного в отдельной келье, благо покои это позволяли. Юрка меж тем варил какое-то зелье. Не знаю уж, где он успел травку найти. Подозреваю, что нарвал прямо у крепостной стены. После того как я собственными глазами увидел, насколько искусно он остановил кровь и погрузил раненого в сон, я почти поверил в его лекарский талант. Уж больно ловко это у него получилось! Однако когда лечебное зелье варишь из травки, которую рвёшь вот так, походя, между делом?.. Тут возникали сомнения. Словом, я решил понаблюдать, как будет идти выздоровление раненого.

Через день парень начал самостоятельно вставать, ещё через три выходить на улицу. Юрка

навещал его по несколько раз в день — таскал свои мази, порошки, зелья какие-то. Даже шептал что-то на неизвестном мне языке. Глядя на это, я вспоминал бабку Секлетию, которая так же лечила больных в нашем селе. Правда, таких успехов, как у Юрки, я у неё не видел.

Через неделю парень уже вполне бодро бродил по кремлю и даже пытался мечом махать, — оказывается, был он дружинником в отряде Дмитрия. Воистину — вытащили человека с того света!

Надо ли говорить, что после этого случая Юрка стал известен всей Рязани. Когда он выходил в город, вслед ему разве что не кланялись. И конечно, потянулись к нему люди: кому зуб заговорить, кому вывих вправить, кому ещё что. Правда, не все до него доходили: кремль, как-никак, не каждого впускают.

Когда раненого переселили из Варсонофиевой светлицы в келью, я пристал к Юрке:

— А ну создавайся: откуда русский язык знаешь и почему скрывал?

Он засмутился, даже, кажется, покраснел, а потом отвечает:

— Да всё очень просто, Василий. У меня мама русская. От неё и узнал.

— Во как!

— Да-да. Больше ста лет назад во владения нашего короля бежали русские, чтобы не остаться под Ордой. Моя мама из потомков тех беженцев. Мне даже колыбельные пели по-русски. До сих пор помню:

Как у нашего кота
Была мачеха лиха,
Она била кота,
Приговаривала:
— Не ходи-ка, коток,
По чужим по дворам,
Не качай-ка, коток...

Взгляд его стал задумчивым и грустным. Мне тоже вспомнилась мама, и я подхватил:

Чужих детушек,
А качай-ка, коток,
Нашего Васеньку!

— Вася, получается, мы с тобой под одну колыбельную росли? — спросил Юрка.

— Выходит, так. Ну это ладно. А что язык знаешь, зачем скрывал-то?

— Да низачем. Ведь забавно, когда все считают, что ты их не понимаешь. А ты их понимаешь! Только смотри: кроме тебя, никто об этом не знает!

— Так ведь ты тогда при всех говорил.

— Да разве кто-то об этом теперь вспомнит? Все тогда о другом думали. Главное, ты никому не говори.

Вот же хитрец!

Глава четвёртая

ТАЙНЫЙ ГОНЕЦ

Как-то мне не спалось, и я сидел на окне, свесив ноги наружу. У кремлёвских ворот слышал-

ся топот копыт. Всадник осадил коня и, не слезая, принялся колотить в калитку ногой. Скрипнули петли, дверь отворилась. Открывший и прибывший обменялись негромкими неясными фразами, после чего гостя пустили в кремль. Всадника я не узнал, хотя был знаком со всеми, кто нёс службу в городе. Выходит, это не рязанец? Дружинник уже бежал к княжеским покоям — видно, понадобилось разбудить Олега. Вскоре ночной гонец в сопровождении двух дружинников поднялся наверх.

Заинтересованный, я ждал, что же произойдёт дальше. Но дальше не было ничего, только летучая мышь металась туда-сюда перед моим лицом. В княжеской светлице затеплился огонёк: свечи зажгли! Если из-за ночного гонца пришлось будить князя и собираться в светлице, значит, дело серьёзное: совещаются. А по какому поводу — неизвестно. А если ещё подождать, может, что-то прояснится? Через некоторое время в княжеский терем прошёл... кто бы вы думали? Варсонофий! Его пустили, и дверь закрылась, даже засов лязгнул. Опасаются чего-то?

Какое-то время я сидел позёвывая и дожидаясь дальнейших событий, потом продрог на ночном ветру и лёг спать. Юрка уже давно посапывал на соседней лавке, улыбаясь чему-то во сне.

Наутро, когда мы пришли к Варсонофию, то с удивлением обнаружили, что его светлица заперта на большой замок. За пять лет, что я здесь

живу, такое случилось впервые. Всё время, когда я сюда приходил, дверь была открыта и Варсонофий сидел за столом, уткнувшись в очередной свиток или книгу. Потоптавшись немного, мы с Юркой отправились упражняться в воинских науках.

Я привычно зашёл в плотницкую и взял стопку деревянных плашек, а Юрка сбегал в нашу келью и притащил оттуда луки и несколько метательных ножей. Этим мы до обеда и занимались. Я уже давно научился разрубать на лету одну плашку, но, чтобы две подряд, такого ещё не бывало. Вот и решил поупражняться. Пока я махал мечом, Юрка кидал ножи. Здорова он наловчился: и с пяти шагов, и с десяти, и с двадцати. Это ведь не так просто. Для каждого расстояния — свой приём. Тут ведь надо точно рассчитать, сколько оборотов сделает нож в полёте, с какой силой его метнуть. Потом вместе стали упражняться в стрельбе, сломав при этом несколько стрел. В полдень, уставшие и голодные, мы отправились на обед.

Но обедать мне в тот день пришлось позже. Когда мы с Юркой складывали оружие в келье, в дверь постучали. Нет, сегодня действительно необычный день! С утра Варсонофиева светлица впервые за пять лет оказалась запертой на ключ, теперь кто-то стучится к нам в келью — опять же впервые за пять лет! Странно как-то! А если вспомнить другую странность, случившуюся накануне, а именно визит неизвестного всадника,

из-за которого возникла необходимость будить среди ночи князя и вызывать к нему Варсонофия, то, похоже, в великом княжестве Рязанском грядут перемены. Без крайней нужды князей не будят и главного княжьего советника от привычных занятий не отрывают. И, без сомнения, это всё связано с ночным гонцом.

Дверь отворилась. На пороге стоял отрок чуть помладше меня, Борис, сын одного из ближних бояр.

— Великий князь рязанский Олег Иванович велит холопу своему Ваське явиться пред его светлые очи.

По бестолковости Бориса в учение не отдали, а использовали для посылок. Вот он и возгордился, считая себя важной птицей. Мне это сильно не нравилось, но до сих пор мы с ним не сцеплялись: подходящего случая не было. А первым начинать я не хотел: он всё-таки сын боярский. Но тут пришлось ответить, иначе никак. Ни слова не говоря, я кивнул ему: мол, приказ понял — и, выходя из кельи, как бы невзначай задел его плечом, но так, что он на ногах не удержался и полетел кубарем на пол. Я подошёл и протянул ему руку, помогая встать. Он поднялся, глядя на меня исподлобья, и тут же снова присел: всё-таки рука у него слабенькая, не чета моей.

— Запомни, сын боярский, не холоп я.

Я отпустил его и вышел на улицу: приказы Олега я всегда выполнял быстро. И не за страх, а за совесть... К моему удивлению, у князя я застал

Варсонофия. Оказывается, он всю ночь и полдня просидел у него. Наверное, советовал что-то — как же иначе?

В горнице, кроме Олега и Варсонофия, не было никого. Князь сидел задумчивый. Лицо Варсонофия тоже было невесёлое. Я давно заметил: князь, когда один и когда на людях, разный. Конечно, в одиночестве я его видел не часто, но разницу всё же уловил. Когда его не видят, лицо у него озабоченное. Да это и понятно: Рязань стоит на порубежье русских земель и Дикого поля, ордынцы в набег в первую очередь сюда идут. Тут озаботишься! Чтобы княжество в достатке сохранять, только успевай поворачиваться. А к народу Олег выходит с совсем другим лицом. Не знаю, как его определить, но лучше всего подходит здесь слово «княжеское». Да, княжеское лицо у Олега на людях.

— Садись, Василий, — сказал Олег, — дело к тебе есть.

Ничего себе, князь присесть велел! За что такая честь? Что, интересно, он мне предложить хочет?

— Может, кого другого пошлём? — спросил Варсонофий. — Молод же ещё совсем.

— Кого? — ответил вопросом Олег.

Варсонофий промолчал.

— Слушай, Василий. Есть тебе одно поручение, очень опасное, и в другое время я бы тебя не отправил.

У меня аж дыхание спёрло.

— Да я... Куда угодно...

— Вот и хорошо, — оборвал меня Олег. — Надо тебе будет отправиться к великому князю литовскому Ягайло с донесением. Как думаешь, справишься?

Справляюсь ли я? Этот вопрос можно и не задавать. Я все силы свои готов приложить, и даже больше, лишь бы выполнить Олегов приказ. Хоть к Ягайле, хоть к Дмитрию Московскому, хоть к самому Мамаю — к нечистому в пекло пойду, если надо. Так я князю и сказал.

Олег с Варсонофием переглянулись, и дьяк заметил:

— Надо бы в помощь ещё кого-нибудь с ним послать.

— Отправим доброго воина для защиты, а лучше двух.

— Да я один готов... — начал было я.

— Молчи и слушай, — снова спокойно оборвал меня Олег. — Пойдёшь посланником к Ягайло, но посланником тайным, под видом паломника, в Киев. Он там сейчас войско собирает в помощь Мамаю.

— Мамаю? — удивился я. — А для чего?

— Был ночью гонец, — тяжело вздохнул Олег, — а от кого и с какими вестями, знать тебе без надобности...

В общем, объяснил он мне, что и как я должен говорить Ягайле. Вернее, больше говорил Варсонофий — не зря же он у князя главный советник по посольским делам. И не зря, выходит, он меня в этом наставлял. Вот и пригодилось. А что

да как — я, конечно, никому не расскажу. Тайное это дело. Никто, кроме Олега, Варсонофия и меня знать не должен. Так князь сказал.

— А если Ягайло мне не поверит? — решил уточнить я.

— Не поверит, говоришь? Поверит, он ведь меня за союзника считает. А чтобы сомнений не было, от кого ты послан, покажешь ему это.

Он протянул мне невзрачный серый перстень. Кажется, из простого железа. Я взглянул на него, уже догадываясь, что увижу. И не ошибся: камня там не было. Вместо него красовалась печатка — два всадника на одном коне.

Глава первая

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Я лежал в лодке и смотрел в небо. Там плыли облака. Одни были похожи на деревья, другие — на медведей, третьи на людей. Одно облако показалось мне похожим на бабушку Секлетию. Может, это она и есть — там, в небе? Она ведь хорошая была старуха, не вредная, только обличьем страшная. Маму старалась вылечить. Почему бы ей после смерти не попасть на небо? И умерла мученически. Варсонофий говорит, что все мученики попадают на небо. Нет, хорошо всё-таки, что мы к ней тогда за яблоками не полезли!

А вот отца я в небе не видел. Ни отца, ни другого кузнеца, ни кузницы, ни молота с наковальней. Выходит, отец ещё на земле? Хорошо бы это было правдой! Кто его знает, может, и доведётся ещё встретиться.

Рядом со мной примостился Юрка. Вы, наверное, спросите: как он здесь оказался? Так это Варсонофий настоял, хотя Олег и сомневался, отправлять его с нами или нет.

Но дьяк тогда сказал: «Путь дальний, дело важное. А ну, как приболеет кто в дороге или поранится? Без доброго лекаря тут никак, хотя и жаль его отпускать, ведь он мне всё равно как сынок. Но опоздают посланники к Ягайло — сам же себе этого не простишь».

Олег на это только молча кивнул, соглашаясь.

Юрка сидеть спокойно в лодке не мог, всё ёрзал да по сторонам зыркал. А что там смотреть? Степь вокруг да нечастые березняки и осинники. Течение спокойное, Ока в этих местах — речка тихая, неспешная. Решено было, что нас на лодках доставят по Оке и Воже выше того места, где два года назад Дмитрий Московский разбил ордынца Бегича.

«Неча ноги бить, — сказал Варсонофий, — найдётся ещё — путь неблизкий».

Сначала они с князем спорили: Олег хотел нас по воде доставить поближе к литовским владениям, да только прямого пути до них не было, а давать большую петлю по Оке — только время зря терять, против течения-то. Потом решили, что лучше проделать эту часть пути пешком, благо время позволяло. Вместе с нами отправили двоих опытных воинов. Первый — дядя Миша, а вторым взяли того парня, которого Юрка своим лекарским искусством от смерти спас. Звали его

Кирилл, а по прозвищу — Дрога. Человеком Кирилл был беспокойным, но весёлым и добрым. Юрку за спасение перевозносил чуть ли не до небес. Он ещё не совсем поправился, поэтому Олег, отпуская его, сказал, как бы про себя: «Пусть прогуляется. Здоровее будет». Если пройти девятьсот вёрст значит «прогуляться», то я тогда — ордынский царевич. Или, может, он имел в виду, что Кирилл, путешествуя с нами, пропустит какую-то битву и тем самым избежит ран и гибели? Хотя, пока по степи до Киева дойдёшь, многое может случиться. Тут ведь разные люди рыскают: и ордынские разъезды, и литовские. Да и русские разбойнички шалят.

Хотели дядю Мишу и Кирилла в монашеские рясы нарядить: мол, чернецы с молодыми послушниками к святым местам направляются. Но Олег, подумав, решил, что идти лучше в обычной крестьянской одежде. Дружинника в монашеское одень — всё равно в нём за версту воина видно будет. Это не скроешь. А если попадётся знающий человек, начнёт пытаться их насчёт монастырского устава, обнаружат себя сразу же. У чернецов тоже своя наука, свой уклад жизни. Хотя ратника, наверное, будет издали видно не только в монашеской одежде, но и в крестьянской. А что делать, если скрыть, кем ты являешься на самом деле, иначе не получается? Хоть так всё лучше, чем никак.

Перстенёк, что Олег мне дал, я хотел сначала на палец надеть, а руку тряпицей замотать —

вроде как рана. Но князь отсоветовал. Разбойнички нынче ушлые да дотошные пошли. Даже если самого не тронут, то повязку непременно сорвут. Потому что не я первый такую хитрость придумал. Решили зашить его в рубаху. Выбрали рвань рванью, такую, на которую никто не польстится. Варсонофий, ворча, зашил самые большие прорехи и штаны выбрал рубахе под стать — бросовые. Словом, был я теперь одет так плохо, как никогда в жизни не одевался. До Рязани мы ведь с отцом жили в достатке, а в Рязани и говорить нечего — как-никак при княжьем дворе.

Из обувки каждый из нас взял по два десятка пар лаптей. Идти в сапогах лучше, конечно, но где вы видели паломников из крестьян да в сапогах? Так нас первый встречный раскусит. А лапоточки то, что надо. Правда, плохо, что ветшают они в дальней дороге очень быстро. Хорошо, если двух десятков на весь путь хватит. Ну, если не хватит, ещё сплётём. Я пока не совсем забыл, как это делается, Кирилл тоже умеет. Среди нас только дядя Миша не помнил, он ведь всю жизнь в дружине в сапогах проходил, да Юрка — тот даже слова-то такого — «лапти» — не слышал ни разу.

Варсонофий считал, что идти под видом паломников безопаснее всего. Ордынцы ведь к чужой вере относятся уважительно — так им ещё Чингисхан велел. А в окружении Ягайло много православных, да и сам он, как говорят, в раздумьях: какую веру принимать взамен языче-

ской — православную или латинскую? Опасения только по поводу крымчаков: если встретятся их разъезды, то, скорее всего, не миновать нам невольничьего базара. Но это вряд ли: так далеко к полночи они редко заходят. С одной стороны, опасаются литовцев, с другой — волжских ордынцев, с которыми с недавних пор у них отношения испортились.

От Рязани мы отплыли с рассветом, а уже на закате добрались до верховьев Вожи. Дядя Миша и ещё трое дружинников попарно менялись на вёслах и гребли целый день без остановок. Когда проплывали мимо того места, где князь Дмитрий разбил ордынцев, я смотрел во все глаза, хотя что там можно было увидеть? Поле как поле, заболоченное немного. Наверное, это и помешало ордынцам использовать на полную мощь свою конницу. Понятно, что всё, имеющее хоть самую малую ценность, с места битвы растащили: копья сломанные, мечи, кольчуги, ну и остальное. Так что проплыли мы мимо ничем не примечательного луга — вон даже коровы пасутся.

Когда солнце только-только начало садиться, лодка стала чиркать по дну реки. Гребцы пару раз попытались найти более глубокое место, но дядя Миша сказал:

— Всё. Дальше по воде ходу нет.

Мы вышли на берег. Кирилл сноровисто запалил костёр, но не простой, а с хитростью: дым от него не уносился вверх, а стелился по земле,

постепенно рассеиваясь. Это чтобы нас издалека видно не было. Снеди с собой мы взяли достаточно, поэтому тратить много времени на приготовление ужина не пришлось. По совету дяди Миши нарвали осоки, в изобилии растущей вдоль берега, и соорудили из неё мягкие и тёплые лежа, чтобы не застудиться, когда падёт утренняя роса. Вскоре мы заснули, надёжно укрытые ночной тьмой от чужих глаз...

Наутро все вместе наскоро перекусили, затем дружинники забрались в лодку и уплыли. Добираться обратно им будет легче: вниз по течению всё-таки. Попрощавшись, мы отправились дальше. К обеду вышли к какой-то реке, даже побольше Вожи будет.

— Осётр, — сказал дядя Миша, — бывал я здесь не раз. Надо бы на другой берег перебраться. Хоть какая защита, если ордынцы появятся.

Название реки мне понравилось. Хорошее название, вкусное. Мы прошли ещё несколько вёрст и наткнулись на деревушку. Хотя какая там деревушка? Четыре избы всего лишь. Мужики, как узнали, что мы идём в Киев поклониться православным святыням, отнеслись к нам с уважением, перевезли через реку, не взяв платы. Наказали лишь помолиться за их здравие и за победу над басурманами. Я тогда задумался над их словами, а когда мы отошли от деревни, спросил:

— Дядя Миша, а о какой победе говорили мужики?

Он посмотрел на меня с недоумением:

— Вася, ты ведь около Варсонофия крутишься, а он у князя правая рука. Неужели ничего не слышал?

— Слышал, что Мамай в набег собирается. Но это я только два дня как узнал. А мужикам-то откуда известно?

— И Мамай в набег собирается, и наши против него собираются. Большая сеча будет. Вот мужики об этом и говорят.

Ничего себе! Простые крестьяне в глухой деревушке об этом, похоже, уже давно знают, а я только позавчера услышал! Что же я — слепой и глухой, раз не ведаю того, что всем давно известно? А ещё княжеский тайный посланник! От таких мыслей я немного скис. А дядя Миша, видно, чтобы отвлечь меня от печальных размышлений, сказал:

— Неплохо было бы и по этой реке на лодках вверх подняться. Жаль, отсюда водный путь до Оки далёкий, проще пешком пройти. Ну да ничего, не печалься. Сейчас по левому, полному берегу пройдем до самого истока, а там уж ордынских разъездов можно почти не бояться. Там земля хоть и ничейная, но больше литовцы безобразничают, чем ордынцы. И наши разбойнички шалят, конечно.

Вторую ночь мы тоже ночевали на берегу. Местность вокруг была пустынной, деревушки больше не попадались, и даже вдалеке не было видно ни одного всадника или дымка. А к вечеру следующего дня вышли к небольшому селению,

где нас накормили и пустили переночевать под крышей. Пусть не в избу — но на сеновале от пряного запаха сена и спится слаще! Утром, не обременяя гостеприимных хозяев заботой о нашем пропитании, мы с первыми лучами солнца покинули селение.

Вскоре река обмелела и потерялась где-то среди берёзовых и осиновых перелесков. Мы вышли в открытую степь.

Глава вторая

В СТЕПИ

Дядя Миша сказал, что путь через степь будет самым опасным, но мы шли уже четыре дня и пока ничего опасного не встретили. Вокруг вообще не было следов человека. Только живность всякая под ногами крутилась. И так её много, да самой разной! Я столько сроду не видел! Как Кирилл заметил, остановись хоть на минутку — так зайцы с ног собьют и насмерть запинают. Из оружия у нас было несколько ножей и лук со стрелами, так что при таком изобилии дичи голод нам не грозил.

Пока шли, кроме зайцев видели волков и лис. Несколько раз встречались небольшие стада туров, да мы замечали их издалека и торопились укрыться в траве. Туры, хоть и родные братья нашим быкам и коровам, нравом куда строже — могут и затоптать. Да и рога у них такие здоро-

венные, длинные и вперёд выставленные — только попробуй подойди!

Неудивительно, что звери так расплодились. Здесь ведь ни городов, ни поселений нет. Опасаются люди селиться: не ровён час, налетят кочевники, всё сожгут да и самих в полон уведут... К полуночи от нас ближайшим городом была Тула, но её мы обошли по степи, потому что заходить туда — только время терять. Там до недавних пор правили ордынские баскаки, а потом, как в Орде замятня началась, сел московский наместник. Вдруг начнут расспрашивать: кто такие да откуда? А нам на вопросы отвечать не с руки. Хорошо, если поверят, что мы направляемся с паломничеством в Киев. А если нет?

Каждое утро дядя Миша, как самый опытный, взглянув на солнце, указывал, в какую сторону нам идти. А без него на этом бескрайнем просторе и заблудиться недолго. Вспять, конечно, не повернёшь, а вот уклониться от нужного пути очень легко. А у нас на счету каждый день, ведь идти-то ещё — о-го-го!..

Да что это я всё про степь? Ничего там интересного нет, каждый день одно и то же. Наверно, вам интереснее узнать, откуда у Олега взялся тот перстенёк, где два всадника на одном коне, и почему именно по нему меня Ягайло должен признать за тайного посланника? Признаться, когда Олег мне его протянул, я даже рот раскрыл от неожиданности, за что сразу получил подзатыль-

ник от Варсонофия: «Посланник ни словом, ни делом, ни движением тела или лица не должен выдавать своих чувств!»

Он мне об этом всегда говорил, когда посольскому делу обучал, но вот же — оплошал я! Но ничего, впредь крепко запомню.

Перстень я у князя принял ничего не спросив, однако он сам мне всё рассказал. Оказывается, тайные посольские связи налажены у Олега с литовцами давно. Ещё с Ягайловым отцом — Ольгердом. Тот даже православие принял по Олегову совету. Правда, только перед самой смертью.

Уговор был у Олега с Ольгердом, что по этому перстню следует узнавать посланников, которых рязанский великий князь будет к нему направлять. А вот почему опознавательным знаком стал именно этот приметный с недавних пор перстень, неясно. Варсонофий считает, что выются вокруг литовского престола последователи храмовников, стараются в свою веру обратить. Станут литовцы католиками — и им проще будет свои делишки обстряпывать. А что за делишки — да кто ж его знает? Сдаётся мне, не зря они и в Орду зачастили. Не иначе, с какими-то своими целями. Не по торговым же делам!

Когда я сказал об этом Варсонофию, он задумчиво посмотрел на меня: «А ведь Орда магометанскую веру приняла всего лет семьдесят назад, а то и меньше. Не укоренилась она ещё в народе. Вон на Руси и через два с половиной

века после того, как князь Владимир выбрал православие, остались русичи, тайно поклонявшиеся старым идолам, язычники. Последние из них с ордынцами на восход ушли. А семьдесят лет — это совсем немного. Интересную вещь ты подметил, Василий. Хвалю!»

Я тогда так до конца и не понял, что имел в виду Варсонофий. А подробнее поговорить времени у нас не было. Решили разобраться со всем, когда поймает хотя бы одного из носителей этого перстня. Вопросов накопилось — гора! Рязанские заставы тщательно осматривали всех проезжавших, но никого до сих пор не схватили.

...Места для ночёвок мы выбирали с таким расчётом, чтобы нас никто не заметил. Обычно это были речные берега или балки, густо поросшие деревьями и кустарником. Кирилл запаливал свой бездымный костёр, а Юрка отправлялся на бережок с удочкой. Он, оказывается, захватил с собой бечёвку с крючком, а удилище каждый раз срезал новое. Наловить на вечерней зорьке рыбы в здешних нехоженных краях — дело плёвое. Эх, здесь пожить бы просто так, в своё удовольствие: ловить рыбу, варить уху или запекать её на углях. Хорошо!

Хотя нет, не должен человек без дела сидеть. Это только трава сама по себе растёт, а человек трудиться должен: землю пахать, охотиться, холсты ткать, хлеб печь или хотя бы воевать. А что? Землю свою от врагов защищать надо. А трава никого и ничего защитить не может. Её, как при-

ходит срок, косят и сушат на сено, если раньше коровы или туры не съедят. А если кто пал в степи пустит, всё, нет травы — сгорела!

Мы шли уже три недели. Степь повсюду была такой огромной и одинаковой, что я каждое утро недоумевал: как дядя Миша определяет, куда нам идти? А ещё ведь шли-то мы не по прямой, а скрытно, от балки к балке, от рощицы к рощице. Я вспомнил, как гордился своим знанием земного чертежа у Варсонофия, думал, что с закрытыми глазами найду дорогу в любой местности. Но как же мне ещё далеко до дяди Миши! Опыт, оказывается, одной учёбой заменить нельзя.

Перед тем как преодолеть большие пространства, где не росло совсем ничего, кроме травы, мы останавливались и по полчаса вглядывались в даль: не видать ли каких всадников. Особенно не хотелось встретить ордынцев. По мохнатым шапкам их можно узнать даже издали. Но никто пока нам не встретился.

Однажды под вечер, когда мы расположились на ночлег в небольшой дубраве, дядя Миша, покрутив головой по сторонам, сказал:

— Ещё два-три дня — и будем в литовских владениях. Местность мне хорошо знакомая, Курск неподалёку.

Я думал, что на следующий день мы пойдём уже не скрываясь. Но дядя Миша осадил нашу прыть:

— Не хватало ещё за полста вёрст до Курска в полон попасть!

Как всё-таки хорошо, что он был с нами! Благодаря его опыту и не могли ордынцы заставить нас врасплох. Во время пути установил дядя Миша такой порядок: он идёт впереди, затем мы с Юркой, а сзади Кирилл. Он должен приглядывать, чтобы никто к нам со спины не зашёл. Я смотрел вправо, а Юрке, лекарю нашему, досталась левая сторона.

Эх, не подумали мы тогда, что он не совсем от мира сего! Лучше бы мне доверили влево смотреть. Налево ведь — это на полдень, в сторону Крыма. А с Юрки какой наблюдатель? Постоянно отбегает в сторону, едва завидев какую-нибудь незнакомую травинку или цветочек. Иногда, довольно сопя, срывает и складывает растения в холщовый мешочек, который захватил с собой, а потом, на ночлеге, каждую былиночку переложит чистой тряпочкой, а одинаковые соберёт в пучок.

Вот и сейчас отбежал Юрка в сторону, присел на корточки, в траве ковыряется... Солнце уже в зените, скоро привал на обед. У меня уже испарина на лбу, иду, только изредка вправо поглядываю, знаю же, что оттуда вряд ли кто-то появится. Внезапно я утыкаюсь лбом в дяди-Мишину спину:

— Ложись!

Миг — и он сам уже лежит, плотно вжавшись в землю. Видя, что я медлю в растерянности, он делает мне подсечку, и я падаю в душистую степную траву. Кирилл тоже уже лежит, повернувшись лицом на полдень и тревожно всматриваясь в

даль. Я смотрю в ту сторону и вижу далеко, у самого горизонта, какое-то движение.

— Ордынцы! — негромко сказал Кирилл. — Подождём, пока уберутся.

Мне объяснять не надо: что такое ордынцы, я знаю хорошо. Слишком хорошо. Но где же Юрка? Где этот шальной мадьярский лекарь, а?! Я оглянулся и с ужасом увидел своего младшего товарища, сидящего на корточках и продолжающего рассматривать травинки, отыскивая нужные. Эх, пусть хоть так сидит, может, не заметят!

— Никому его не звать и не шевелиться, — негромко предостерёг дядя Миша, — у степняков и зрение, и слух как у зверя, и за три версты найдут.

Но звать никого не пришлось. Юрка сам позвал нас. Да так позвал, что у меня уши заложило от его радостного крика:

— Нашё-о-о-ол! Гиперикум нашёл!

С этими словами он поднялся во весь рост и побежал к нам, размахивая каким-то жёлтеньким цветком. Мама родная, да что же он такое творит!

Я услышал, как Кирилл произнёс вполголоса:

— Лекарь он, конечно, отменный, а вот военном ему никогда не бывать. Склад не тот.

На что дядя Миша ответил:

— Бежим, а то ещё немного — и никому из нас в живых больше не бывать.

Это правда. Теперь и я вижу, что ордынцы нас не только услышали, но и разглядели. Всадники неслись во весь опор, быстро приближаясь.

— Тут балка рядом, всем туда бегом. Может, укроемся!

Теперь впереди бежал Кирилл, таща за руку Юрку, который так и не выпустил из кулака свой гиперикум. Я поспешал следом, стараясь не отставать, а замыкал отступление дядя Миша. И как он только разглядел эту балку, со стороны ведь ничего не видно из-за густой травы! Наверное, бывал здесь раньше.

Когда мы спустились на дно, топот копыт раздавался уже совсем рядом. По-моему, всадники даже не подгоняли коней, понимая, что деваться нам некуда. И в самом деле: что им может помешать спешиться и обыскать балку? Неужели всё, прощай воля? Впереди — невольничий базар. Говорят, что крымские ордынцы продают пленников за море. Им, пожалуй, байку о паломничестве рассказывать бесполезно: не для того они в такую даль забрались, чтобы отказываться от пленников. От таких мыслей у меня в животе зашевелилось что-то мохнатое и мерзкое, как мышь. Я даже чуть не упал, споткнувшись о корень ольхи, росшей на берегу бегущего по дну балки ручья.

А ордынцы меж тем действительно спешили и начали спускаться. Их громкие окрики слышались уже совсем недалеко. В отчаянии я сел на землю и обхватил голову руками. Заросли ольшаника трещали совсем рядом.

— Васятка! — послышался громкий шёпот Кирилла. — Пойдём-ка. Кажется, спасены.

Я поднял голову. Кирилл стоял неподалёку и махал рукой: мол, давай сюда. Стараясь не шуметь, я пошёл за ним, ступая так, чтобы не сломать никакой веточки, которая своим треском выдала бы ордынцам наше местонахождение. Через несколько саженей на склоне балки показалась щель в земле. Лаз! Кирилл пропустил меня вперёд и подсадил, чтобы было удобнее влезать.

Я, не мешкая, ужом вполз в укрытие.

За спиной послышался истошный крик:

— Шайтан!

Заметили, стало быть. Как там Кирилл теперь? Но он уже влезал в подземную пещеру. Видно, густые заросли ольхи помешали ордынцам стрелять из луков. И то слава богу!

Глава третья

СПАСЕНИЕ

Когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что мы оказались в небольшой пещере. Дядя Миша сидел напротив входа, сжимая в руках нож. Юрка, широко раскрыв глаза, прижался к нему. От испуга он, кажется, даже обездвижел и только тихо поскуливал, как оторванный от собаки щенок. Да-а-а, видно, жив ещё в памяти был ордынский плен и обратно ему очень уж не хотелось!

Света, попадавшего через лаз, было недостаточно для того, чтобы осветить всю пещеру, — её дальние очертания терялись во мраке. Я от-

полз подальше от входа и прислонился к стене. Кирилл сидел рядом со мной. Он уже сдёрнул с плеча лук и наложил стрелу, готовый встретить ордынцев, если кому-то из них взбредёт в голову лезть в пещеру. В проёме мелькнул силуэт, над ухом у меня тренькнула тетива: Кирилл был на чеку!

Снаружи вскрикнули, и что-то зашуршало: на-верное, раненый отползал от входа. Вскоре всё затихло. Мы сидели молча, стараясь не пропустить момент, когда к нам снова кто-нибудь полезет. Время шло, но никто больше не появился — видно, урок пошёл впрок.

Наконец Юрка прошептал:

— Может, они уже ушли?

— Может, и ушли, — так же шёпотом ответил дядя Миша, — а может, и нет. Хитрющие, черти!

В темноте кто-то засмеялся, и чей-то незнакомый голос спросил:

— Ну что, отбились?

Кирилл быстро выдернул из саадака стрелу и, натянув лук, развернулся в сторону, откуда раздался голос.

— Да ушли они, ушли, — сказал кто-то так же спокойно и чуть насмешливо, — незачем им сюда лезть, не дураки же они. Да опусти ты лук! Свои! Э, да у тебя же нога прострелена!

Свои! Ну слава богу! Вот уж действительно не знаешь, откуда придёт помощь. Оказывается, здешние пещерные обитатели, после того как увидели, что ордынцы нас преследуют, вылезли откуда-то

из бокового хода и обстреляли их из луков. Те, наверно, посчитали, что в такой обстановке заниматься осадой подземного убежища — дело ненадёжное, и отправились по своим делам, прихватив раненого товарища. Вот ведь как бывает!

А нога у Кирилла действительно оказалась простреленной. Ордынская стрела пробила левую икру насквозь. Не повезло ему. Я не раз замечал, что есть такие люди, которые так и притягивают к себе неприятности. И вроде ничего особенного не делают, а всё равно им не везёт. Хотя тут как посмотреть. Кирилл полез в пещеру последним, чтобы уберечь от стрел нас всех, поэтому ему и досталось. Да и тогда в Рязани мог бы и не бросаться за лошадьми, но бросился же! Говорит, побоялся, что они кого-нибудь затопчут, особенно детей.

Пока я предавался этим размышлениям, Юрка уже вовсю хлопотал над Кирилловой раной. Он сломал стрелу, вытащил обломки и жевал какую-то травку — видно, готовил снадобье.

Выждав для верности в пещере какое-то время, на случай, если ордынцы приготовили нам засаду, мы вылезли на свежий воздух и с наслаждением вдыхали запах степи, нежась под лучами уже клонящегося к закату солнца. Юрка развёл небольшой костерок и в глиняной плошке варил свой гиперикум — похоже, тоже для лечения.

Подземных жителей оказалось больше десятка. Мужики на вид крепкие, тёртые. Одеты невзрачно, но зато все в хороших кожаных сапогах. В лаптях,

как мы, не было ни одного. Каждый с луком, на поясе — нож или кистень или то и другое сразу.

Первым делом они поинтересовались, кто мы такие, куда и зачем идём. Вообще-то об этом знал только я, а остальным было известно лишь то, что мы должны были говорить любопытным. И для любопытных главным у нас был дядя Миша.

Олег, когда давал наставления, так и сказал:

«Михайло, для всех, кто встретится, старший — ты. На деле же твоё старшинство только на время, покуда до Ягайла не доберётесь. Василия надо туда доставить живым, даже если вы все не дойдёте. Понимаешь?»

«Понимаю, княже».

«Для всех вы — паломники в Киев. Так и будешь говорить. Мальцы на время пути будут у вас в подчинении. Берегите их. Мадьяра тоже. Он уже сейчас лучший лекарь в княжестве».

Да, всё так и было. Только вот до сегодняшнего дня изображать паломников нам не было нужды. Когда дядя Миша объяснил, кто мы такие и куда идём, один из подземных жителей, видно главный у них, которого все называли не по имени, а по прозвищу — Чипига, спросил:

— А какого вы занятия будете, странствующие люди?

— Крестьяне мы, — смиренно ответил дядя Миша. — Вот, решили поклониться Святой Софии. А мальцы хотят послушниками там остаться. Нравится им монашеская жизнь.

— Крестьяне, говорите? Послушники?

— Да.

— А ведь саадак вот у него, — старший показал на Кирилла, — добрый. Для конного боя. Видно, что толк человек в этом деле понимает. И что без дела не стоял.

— Э-э-э... Так он у нас ещё охотой промышляет, — нашёлся дядя Миша, — вот и ордынца подстрелил.

— Ловко подстрелил, — согласился старший. — Да только всё равно не похожи вы на крестьян. Хватка у вас не крестьянская.

— Ну уж, — развёл дядя Миша руками, — другой нет.

— Ладно, — сказал подземный житель, — кто вы такие, нам всё равно. Не басурмане — и то хорошо. Что делать-то думаете теперь?

— Да нам бы до Курска добраться, а там ордынцы уже не достанут.

— До Курска! — усмехнулся старший. — Да тут ещё больше тридцати вёрст! Вас ордынцы десять раз успеют перехватить. Кто ж знает, где они сейчас рыщут!

— И что нам теперь делать?

Чипига задумался, косясь на Юрку, который накладывал на рану Кирилла жёваную траву и перевязывал её чистой тряпицей. Кивнул в его сторону:

— Лекарь?

— Ученик.

— Ловко он управляется!

— Хороший ученик.

Кирилл осторожно встал на ноги и прошёлся прихрамывая.

— Куда вы с ним в степи? И убежать толком не сможете.

Дядя Миша молчал. А что говорить, если это правда?

— Ничего, с Божьей помощью как-нибудь... — наконец ответил он.

— С Божьей помощью? — Чипига горько усмехнулся. — А у нас говорят, что на Бога надейся, а сам не плошай. Целее будешь.

— Так что — поможешь? Может, лошади есть? Верхами надёжней.

— От ордынцев вы и верхами не уйдёте. Но есть другой способ, не такой быстрый, но куда верней.

— Это как?

Чипига вздохнул:

— Проведём мы вас нашим царством...

На некоторое время повисло молчание. Потом дядя Миша спросил:

— Это как — под землёй, что ли? Далеко ли мы так уйдём?

— Под землёй, — сказал Чипига, — и не далеко, вёрст десять. Но там, куда мы вас выведем, вам ордынцев бояться уже не надо. Там точно литовские разъезды будут.

Под землёй? Этого я никак не ожидал. Ведь в пещере от крымчаков спастись — это одно дело, а идти десять вёрст под землёй... Даже не знаю. Но, скорее всего, выхода у нас нет. Те ордынцы,

что ранили Кирилла, сейчас где-то поблизости, и если они застанут нас посреди степи, то во второй раз мы точно не спасёмся. Нет уж, лучше действительно скрыться от них под землёй.

Меня смущало, что Чипига как-то странно поглядывает на дядю Мишу. Как будто силится что-то вспомнить, но никак не может. Это было плохо. Похоже, они где-то раньше встречались, что и неудивительно: дядя Миша всю жизнь воюет, много где бывал. Неизвестно ещё, с какими воспоминаниями связана их прошлая встреча. Хотя, может, я и ошибаюсь.

Отправляться решили на следующее утро. Переночевали тут же, в балке, только отошли подальше от лаза, чтобы давешние ордынцы, вернувшись (мало ли что у них на уме — вдруг да решатся?), нас не нашли.

Встали с рассветом. Кирилл уже почти не хромал: во второй раз его Юрка вылечил. Ногу, конечно, немного приволакивал, но шёл вполне бодро. Вернувшись к лазу в кустах, мы стали по очереди нырять под землю. Последним со словами: «Жаль, ордынцы ход спознали, теперь заваливать придётся» — в лаз протиснулся Чипига.

Глава четвёртая

ПОД ЗЕМЛЁЙ

Из пещеры, где мы отсиживались от нападения ордынцев, вели два прохода. Впрочем, пещерой

её назвать — много чести, в ней вряд ли поместилось бы больше десяти—пятнадцати человек, да и то впритык. Все подземные жители ушли по правому ходу, а Чипига, а с ним ещё двое полезли в левый, велев нам держаться следом. Лаз был узкий, но Чипига со своими соратниками передвигались по нему ползком чрезвычайно ловко. Я с ужасом представил, что будет, если все обещанные десять вёрст нам придётся проделать именно таким способом. По-моему, это не намного лучше ордынской неволи.

Но нет, саженой через тридцать лаз повернул в сторону и стал расширяться. Наконец потолок стал таким высоким, что мы смогли встать в полный рост. Только Кириллу пришлось чуть-чуть пригнуть голову: росту в нём было много. Чипига зажёл светоч, и мы осмотрелись. Стены «подземного царства» были каменными, а вот что это за камень, я понять не мог. В мерцающем свете светоча даже его цвет разобрать было невозможно. Да и какая разница? У нас другие заботы.

— Откуда такие хоромы? — спросил дядя Миша, повертев головой.

— Водичка вымыла, — ответил Чипига.

— Как?

— Видишь, камень кругом? А здесь земляца была или песочек. Водным током их и вынесло отсель, а камень остался. Водичка ушла, а мы пришли. И живём.

— А что ж вам под солнышком-то не живётся? — удивился дядя Миша.

— То и не живётся. Ладно, хватит болтать! Дай бог, десять вёрст к завтраму утру пройти.

Как?! К утру? Поверху мы, бывало, за день сорок вёрст проходили, да ещё с привалом на обед. А тут за день и ночь — всего десять? Быстро же под землёй ходят! Вслух я, конечно, ничего не сказал. Я же здесь для всех крестьянский сын, собираюсь стать послушником, мне ли интересоваться, как под землёй ходят?

Подземный ход был тесным и неровным. Идти по нему оказалось делом нелёгким. Это не по степи ходить. Каждый раз надо думать, куда ногу поставить, чтобы не подвернулась. Тяжёлое это дело, когда каждый свой шаг надо выверять, чтобы не упасть. С непривычки я быстро запыхался и стал спотыкаться. Про Юрку и говорить нечего. Он сразу скис и разве что не плакал от огорчения. Даже дядя Миша и Кирилл, привыкшие к дальним походам, дышали тяжело. А Чипиге и его людям, по-моему, всё было нипочём. Двигались они легко, бойко и, кажется, ни капельки не запыхались. Сразу видно: ходить подземными тропами им не впервой.

Порядок движения теперь стал другим, не как наверху, в степи. Впереди — Чипига, за ним и в хвосте шествия — его люди, а посередке шли мы. Время от времени проход суживался, и тогда надо было идти склонив головы. Изредка куда-то в сторону ответвлялись боковые ходы. Было понятно, что это не творение человеческих рук, а тоже работа воды. Стены и пол были неровными,

а ходы нередко уходили с уклоном вверх или вниз. Человек так не прорыл бы.

Иногда ход сужался настолько, что взрослые с трудом протискивались через тесный участок. Особенно тяжело приходилось Кириллу. Он был самым крупным, да и рана тоже давала о себе знать. Шёл он налегке: дядя Миша отобрал у него лук и котомку. Но всё равно, когда на неровном месте подворачивалась нога, Кирилл с трудом удерживался, чтобы не застонать. Да, это не степь!

Шли мы по одному, в затылок друг другу. Замыкавший шествие человек Чипиги, заметив, что мы с Юркой уже едва передвигаем ноги, крикнул:

— Старшой! Привал бы надо. Мальцы совсем запыхались.

Чипига остановился, вслед за ним встали все. Мы с наслаждением опустили на грязный пол «подземного царства».

— Дяденька Чипига, а мы сколько уже прошли? Половину, да? — пропищал рядом Юрка.

— Ага, половину! — ухмыльнулся Чипига. — Половину версты, не больше.

Что? Половину версты? Да не может этого быть! Я думал, что и правда уже полпути позади. Ну в крайнем случае треть. Да-а-а-а... Если мы за полверсты так устали, то что же дальше будет?

— Дяденька Чипига, — не унимался Юрка, — а вы всегда под землёй живёте?

— Что мы, червяки, что ли! — засмеялся тот. — Да и никакой человек долго под землёй

не выдержит. Земля жизнь высасывает, а человеку солнышко нужно.

— Дяденька, а вы как живёте?

— Нормально живём, хлеб жуём.

— Вы землю пашете?

— Нет, отрок, мы скорняки.

Ответ заставил Юрку задуматься. Похоже, этого слова он не знал.

— Скорняки мы, — повторил Чипига, — шьём скоро. Туда-сюда иглой ткнём — кафтан да шубу сошьём.

— Да-а-а?! — изумился Юрка. — А это как?

Чипига снова рассмеялся, ничего ему не ответил и, потрепав по затылку, направился вперёд, на своё место.

Что было дальше, мне вспоминается с трудом. Темнота, теснота, грязь, духота, и на душе тоскливо. А про то, что устали мы, как сивка в пахоту, и говорить не приходится. Помню только, перед носом маячит спина Кирилла да позади кто-то тяжело сопит — кажется Юрка. К полудню я вымотался так, что едва переставлял ноги. Про то, что наступил полдень, мы узнали от Чипиги. Он изредка на привалах отходил в боковые ходы, из которых доносилось слабое-слабое дуновение, едва колебавшее огонь светоча.

Вылезли мы из подземелья, когда солнце уже клонилось к закату. Верней, первым вылез Чипига со своими товарищами. Они что-то там вынюхивали, высматривали — наверное, проверяли, нет ли опасности. Потом велели выбираться и нам.

После ужина у бездымного костерка, сыто потягиваясь, дядя Миша сказал:

— Навряд ли мы ночной путь выдержим. Уж больно несвычные к подземной жизни. Надо бы передохнуть и продолжить завтра.

Чипига ничего ему не ответил. Он подошёл к Кириллу и внимательно осмотрел его ногу. Та покраснела и начала опухать. Долгий подземный путь давал о себе знать. Может, Юркино искусство и помогло бы, если бы мы оставили Кирилла в покое на несколько дней. Но это было невозможно.

— Вижу, — сказал Чипига, — что не выдержите. Ну тогда располагайтесь, а завтра с рассветом в дорогу.

Юрка промыл Кириллову рану чистой водой и снова стал жевать какую-то траву, которую только что сорвал. Потом со словами: «Это для здоровья тела, чтобы антонов огонь не спалил» — наложил жёванное на рану и перевязал тряпицей. Отвар же гиперикума заставил выпить, пояснив: «А это для спокойствия духа».

Наутро мы не полезли обратно под землю.

— Дальше путь будет по другому ходу, — пояснил Чипига, — этот к полуночи забирает, а нам на полдень надо.

Пройдя меньше версты по высокой траве, скрывающей нас с головой, мы вышли к густым зарослям черёмухи. Невысокие деревья были обильно покрыты спелыми чёрными ягодами. Вслед за Чипигой все полезли в самую гущу.

— Ветки не ломайте, анчутки! — прикрикнул наш проводник.

Все послушно обходили деревья и, только Юрка, довольно урча, стал нагибать ветки и пригоршнями срывать ягоды.

— Оставь! — одёрнул его дядя Миша.

Юрка растерянно захлопал глазами:

— Я для медицины. Не кушать же...

— Пусть собирает, — вступился за нашего юного лекаря Чипига, — видно же, хоть и отрок, а дело своё знает хорошо. Вон как Кирюху попользовал. Другой бы с такой раной ни за что подземный путь не выдержал.

Почувствовав поддержку, Юрка вытащил из-за пазухи небольшой берёзовый туесок (и где только раздобыть успел и, главное, когда?) и стал набивать его черёмухой...

В самом центре зарослей оказалась яма, обложенная дубовыми брёвнами. Если не знать заранее, разглядеть её в траве было невозможно. Заглянув вниз, я увидел, что это не просто яма, а что-то вроде колодца, выложенного крупными камнями. Но воды в нём видно не было. То, что было внизу, терялось в жутковатой темноте. Оттуда тянуло холодом и сыростью. Мне показалось, что новое подземелье было ещё хуже, чем то, из которого мы вчера вылезли.

Чипига, взяв несколько заготовленных на привале светочей, подошёл к колодцу. Один из его людей уже разматывал пеньковую верёвку, появившуюся неизвестно откуда, — наверное, пря-

тали поблизости. Крепко ухватившись за один конец, он сел на край, свесив ноги вниз, и помощники стали осторожно стравливать пеньку, давая ему возможность медленно опускаться.

— Глубоко там? — спросил дядя Миша.

Помощник Чипиги исподлобья глянул на него:

— Сажени три.

Неглубоко, значит. Мужик уже вытягивал наверх освободившуюся верёвку.

— Давай мальцов! — послышался снизу глухой голос Чипиги.

Меня обвязали верёвкой и осторожно опустили в колодец. Третьим был Юрка.

— Теперь Кирюху! — приказал Чипига.

Тяжёлого Кирилла спускали двое мужиков. За ночь он пришёл в себя, а Юрка с утра снова наложил ему на рану свеженажёванного снадобья и дал выпить отвар гиперикума, который, как я теперь разглядел, оказался обычным зверобоем. Бабка Секлетия, помню, тоже сильно уважала эту траву. В сенях у неё всё время висело несколько сушёных веников из зверобоя.

Последними спустились дядя Миша и один из Чипигиных помощников. Второй остался наверху, — видно, чтобы потом поднять своих товарищей, когда они, проводив нас, вернутся обратно.

Новое подземелье оказалось и лучше, и хуже старого. Лучше тем, что пол был ровный и явно высеченный в каменной толще. Идти по такому полу — одно удовольствие, как по рязанской

деревянной мостовой. И даже голову можно не пригибать, так как свод был выше Кирилловой макушки. Хуже — тем, что сырость вокруг стояла, словно в бане. Но если в бане сырость жаркая, то здесь — студёная. Отойдя на несколько десятков шагов от места спуска, я заметил, что изо рта идёт пар. Вскоре я промок и продрог до костей. Одно радовало: по словам Чипиги, идти нам самое большее — до полудня.

Кирилл, несмотря на то что Юрка наложил ему новую повязку, заметно прихрамывал. Хорошо хоть, что после вчерашнего путешествия вообще идти может. До Курска мы с ним, конечно, дойдём, а вот что дальше?

Шли мы ходко, постепенно спускаясь в глубь земли. Вертя головой, я видел, как капли воды, стекая по стенам и срываясь с маленьких каменных сосулек, обильно покрывавших потолок, соединяются в ручей, который весело журчит под нашими ногами.

Постепенно поток становился полноводней, и вскоре мы шагали по щиколотку в воде. За вчерашний день я изорвал две пары лаптей и с сожалением думал, что с такой дорогой у меня скоро не останется обуви. Как здорово было ходить при дворе Олега в хороших сапогах, не заботясь о том, что надеть завтра! Сапоги я носил и год и два, пока нога не вырастет настолько, что не входит внутрь. А сапогам хоть бы хны! Их потом, после меня, ещё кому-то поносить давали. Раньше, в деревне, я по малолетству об этом и не за-

думывался. Там я и лапти-то почти не носил — больше босиком бегал.

Меж тем мы брели уже по колено в воде, и уровень потока всё время повышался.

— До пояса потом будет, — предупредил Чипига, — а лекарю нашему до подмышек.

— А это подземелье откуда взялось? — спросил дядя Миша. — Не похоже, чтобы его водичка пробила, хотя её здесь намного больше, чем там, где мы вчера были.

— Люди это пробили, — ответил Чипига, — камень в старые времена добывали.

— Куда ж такую прорву камня дели?

— А города строить из чего? Думаю, его отсюда в Киев и Чернигов возили. А может, и в Тулу. Только мало кто об этом сейчас помнит. Старики помнят, конечно, да мы знаем, потому что живём здесь. А пройдёт немного времени — и зарастёт всё небылью. Водичка здесь всё выше и выше поднимается. Говорят, лет сорок назад здесь не выше колена было. Пройдёт ещё сорок — и никто в это подземелье не полезет. Ну, на наш век хватит.

Они замолчали. А я думал: куда можно потратить такую уйму камня? Крупных городов неподалёку нет. Может, и правда возили камень в Киев или Чернигов? Да вряд ли: и далеко, и слишком много его отсюда добыто. На десять Киевов хватит. Или не хватит? Может, его ломали тут ещё в те времена, когда никакого Киева не существовало? А кто? Какие народы жили тут прежде ру-

сичей? Поинтересоваться, что ли, потом у Варсонофия — вдруг да есть в старинных эллинских книгах что-нибудь про здешние места?

Изредка в мерцании светочей появлялись старые, оплывшие каменными потёками рисунки. Крест в круге, какие-то ломаные линии... Вон, кажется, тур. Может, и не тур, но рога точно туры: длинные, изогнутые и выставленные вперёд. Помоему, кроме меня, никто на эти рисунки внимания не обращал. А может, просто не замечали.

Мне давно уже стало понятно, кто такие Чипига и его товарищи. Разбойники, конечно. Кто ещё будет в подземелье прятаться? Только какие-то странные они разбойники. Нам помогают. Зачем? Может, они и не совсем разбойники? Ну не бывают разбойники такими хорошими!

Я ощупал низ рубахи: перстень был на месте. Если не знаешь, где он спрятан, то найти невозможно, разве что разодрать одежду на части. Варсонофий крепко зашил его, а заплаты, в изобилии покрывавшие рубаху, превращали её в настоящее нищенское рубище, на которое не польстится и самый жадный разбойничек.

Хотя Чипига и сказал, что вода будет ему по пояс, уровень потока вскоре оказался немного выше. Юрка, как самый маленький из нас, уже шёл вытянувшись во весь рост и подняв лицо кверху: вода достигала подбородка. Замыкавший шествие помощник Чипиги взял его на руки и понёс — хорошо хоть, вес в воде меньше, чем на суше. Я ростом с дядю Мишу, поэтому мог идти спокойно.

К счастью, так продолжалось недолго. Понемногу вода стал спадать, и поход продолжился в обычном порядке. Куда в конце концов пропал этот немалый поток, я так и не понял. Наверное, перетёк в один из боковых проходов, который уходил под уклон.

Мокрые, продрогшие, мы наконец выбрались на сухое место. Даже капель с потолка прекратилась. Как Чипига в этой мокроте умудрился уберечь светоч, не знаю. Я бы ни за что не смог. Похоже, уровень воды поднимается слишком быстро. Наверное, пройдёт ещё совсем немного лет — и это рукотворное подземелье будет затоплено навсегда.

Мы расположились прямо на полу, растирая ноги после путешествия в холодной воде. Всё-таки сегодняшний день обещает быть легче вчерашнего.

— Уже немного осталось, — сказал Чипига, — меньше версты. Поднимайтесь, лучше на солнышке отдохнёте.

Проход стал меняться. Мне даже показалось, что здесь бывают люди. Когда я спросил об этом Чипигу, он ответил:

— У этих пещер есть свободный выход наверх. Местные старожилы его знают, только бывать им здесь незачем. Разве что ребятишки лазают. Их ведь никакими запретами не удержишь.

Совсем скоро пламя светоча затрепетало. Неподалёку явно находился выход на поверхность,

из которого сильно тянуло сквозняком. Чипига погасил огонь. Сначала темнота навалилась на нас, словно тяжёлое тёмное покрывало, но потом мы разглядели впереди светлое пятно — это был выход! Ещё пара сотен шагов — и вот мы уже стоим под ярко-синим полуденным небом.

Мы с Юркой повалились на траву. Рядом тяжело опустился Кирилл, держась за раненую ногу. Лицо его было серым. Видно, что в подземелье он держался из последних сил, не желая никого обременять. Перемена, произошедшая с ним за это небольшое подземное путешествие, была разительной. Вниз спускался выздоравливающий человек, наверх поднялся больной, еле передвигающийся самостоятельно.

— Тут до Курска совсем недалеко, — сказал Чипига, — вёрст десять — пятнадцать. Ордынцы сюда не забредают, здесь литовцы хозяева.

— Спасибо тебе, добрый человек, — поблагодарил его дядя Миша. — Скажи, кому за здравие свечку в церкви ставить?

Но Чипига как будто пропустил вопрос мимо ушей.

— Расскажи лучше, что там про Мамаю-то слышно. Вы же из Рязани?

— Из Рязани.

— Люди говорят, князь Дмитрий Московский собирает войско биться с Мамаем ордынским. Правда ли?

— Тоже слышал такое. А тебе зачем?

— Так что ж я — не русский, что ли?

— Ну, коли так, то собирает Дмитрий войско в Коломне, а куда дальше двинет — того не знаю.

— И на том спасибо, Миша. Пойду, что ли, подсоблю со своими орлами князю.

— А как же скорнячество твоё? Иглой туда-сюда кто теперь тыкать будет?

Чипига широко улыбнулся:

— Это дело от нас никуда не денется. А у меня перед ордынцами должок. Отдать надо. Да и ребята мои против не будут. У нас ведь не только русичи. Есть и ордынцы беглые, кому тесно стало в степи со своими ханами да мурзами, и литовцы, кто не пожелал в княжьи холопы идти.

— А что за должок-то?

Чипига как-то по-особенному, лукаво посмотрел на дядю Мишу, усмехнулся:

— Да ты знаешь! Помнишь, как лет пятнадцать назад отбил Олег полоняников у ордынцев? Среди них и я был. Тогда вся моя семья погибла, а меня и других мастеров в Орду погнали.

— Пока я Олегу служу, много всего было. И не упомнишь.

— Ну вот, а говорил — крестьянин, в паломничество направляешься! — засмеялся Чипига. — Хороший ты воин, Миша, но обманывать — не твоё. Для обмана своя прихватка нужна.

Дядя Миша смутился. Это случилось впервые на моей памяти. Да, этот Чипига ловко раскусил его!

— Я хорошо запомнил, — продолжил разбойник, — как вы нас у ордынцев отбили, не дали пропасть православным. Вон шрам у тебя на шее от той схватки остался.

— Было такое дело, — кивнул дядя Миша, — а вот тебя...

— Если б не тот случай, — перебил его Чипига, — думаешь, повёл бы я тебя тайными ходами? Считаю, это я тебе долг отдал. А теперь пойду ордынцам отдавать.

Он повернулся и шагнул в сторону входа в подземелье.

— Постой, — остановил его дядя Миша, — как звать-то тебя?

Чипига обернулся и, не останавливаясь, бросил, усмехнувшись:

— Раб Божий — обшит кожей! А свечку ставь за победу князя Дмитрия. — И скрылся под землёй.

Некоторое время из темноты доносились его шаги, потом всё стихло.

Вот ведь как бывает! Добро, которое дядя Миша сделал пятнадцать лет назад, вернулось ему. И не только ему, но и всем нам. Не зря Варсонофий говорил, что добрые дела надо творить, не ожидая за них благодарности. Если делаешь всё от чистого сердца, это к тебе обязательно вернётся. В самом деле, стал бы нам этот Чипига помогать, если бы не дядя Миша? Он разбойник, а мы странствующие. Разбойники, наоборот, таких грабят. Хотя разбойники тоже разные бывают. Вон спаситель-то наш мастером был когда-то.

Может, тоже кузнецом, как отец. А после плена возвращаться в родное село не захотелось: семья погибла, дом спалили. А может, ещё что-то случилось. Князя ведь не все такие хорошие, как Олег, некоторые и три шкуры с крестьян дерут. Повезло нам, что мы встретили Чипигу!

Глава пятая ЛИТОВЦЫ

Осмотревшись, мы решили пройти до вечера ещё несколько вёрст. Местность изменилась, и идти стало легче. В степи тут и там были раскиданы берёзовые колки, как раз для скрытного передвижения. Всадники издалека не заметят, вот только, когда перебегаешь к очередной рожице, надо тщательно осматриваться, не прячется ли поблизости конный отряд. Ну, к этому мы привычные, да и дядя Миша — человек опытный, вооружённого всадника издалека почует. Хотя как сказать... Они ведь тоже не лыком шиты. Тут как на ромашке гадаешь — кто кого первым увидел, тот и победил.

Кирилл вызывал у нас большое беспокойство. Он, хоть и крепился, но подземное путешествие здорово подорвало его силы. Похоже, ему нужно было основательное лечение. Хоть бы поскорее добраться до литовцев! Может, Ягаило в благодарность за важное известие поможет вылечить Олегова посланника?

А знаете, что за послание у меня к Ягайле? До недавнего времени мне казалось, что никто, кроме меня, не знает. Дядя Миша и Кирилл — люди военные, понимают, что нельзя ни о чём расспрашивать. Юрка мал и бестолков ещё. Хотя это как сказать! В своём лекарском деле он дока, это несомненно. А вот в чём другом... Пока мы степью шли, пытался меня расспрашивать. Я, понятное дело, молчал или отшучивался: мол, каши мало ел. А он и не обижался.

И вот однажды он меня огорошил. Было это за день до того, как мы встретили ордынцев. Сидели мы как-то вечером у костерка нашего бездымного. Дядя Миша с Кириллом отошли поохотиться, а Юрка, ковыряясь в зубах щепкой, говорит:

«Вьюн, а хочешь, скажу, зачем мы к литовцам идём?»

«Ну скажи».

«Должны мы сообщить Ягайле, что крымчаки собираются на него напасть».

Я аж онемел от удивления! Откуда ему это известно?

«Да не удивляйся ты, — продолжал Юрка. — Я просто в ту ночь, как посланник приехал, тоже не спал. А после того как ты лёг, занял твоё место на окошке. Долго сидел. Уже под утро, когда на восходе небо чуток светлеть стало, смотрю — Олег с посланником выходят из терема. Они продолжали разговор не таясь, уверенные, что на рассвете все спят крепко. Я даже знаю, почему ты должен это Ягайле сказать».

«Замолчи! — одёрнул я его. — Ишь разболтался!»

«А кого опасаться-то? Вокруг никого, а дядя Миша с Кирюхой на охоту ушли».

«Всё равно, — говорю, — если случайно узнал чужую тайну, молчи. Многих людей это касается, много бед может случиться, если узнает чужой человек. Сам же видел: Олег с гонцом тоже думали, что их никто не слышит. А ты услышал».

Юрка испуганно заозирался, затем, успокоившись, улыбнулся:

«А-а, шутишь! Не зайцам же здесь нас подслушивать». — Потом опять стал серьёзным: «А знаешь, там ведь ещё кто-то был».

«Кто? Говори, что знаешь».

«Когда Олег с Варсонофием гонца обратно отправляли, видел я справа какое-то шевеление».

«Справа от крыльца?»

«Да».

«А далеко ли?»

«Недалеко. Как раз там, где поварня княжеская».

«Вот оно как! А кто там шевелился, не разглядел?»

«Да откуда ж! Ночь же, светоч только у Олега был, а он возле крыльца стоял. Да и скрывался тот, не хотел, видно, чтобы князь его заметил».

«Да что ж ты сразу-то не сказал?!»

Я закричал так громко, что Юрка даже заикаться стал — понял, видно, что натворил.

«Да я... Да сразу как-то не подумал, а потом быстро собираться стали, я и забыл».

«А теперь, выходит, вспомнил?»

«Ага».

Ну что ты с ним будешь делать! Вроде сообразительный парнишка, а порой такое отчебучит! Сказал бы он сразу, что кто-то слышал тот разговор, может, Варсонофий с Олегом решили бы, что делать. А сейчас даже не знаю... Хорошо ещё, если это кухарка крупу воровала. Ей до всего этого дела нет. Хоть бы так оно и было!..

...Кириллу, несмотря на Юркины старания, становилось всё хуже и хуже. После того как мы вышли из подземелья, он очень сдал — видно, держался последний день только силой воли. Идти он ещё мог, но, если надо будет укрыться от чужого глаза где-нибудь в роще, быстроты от него ждать не придётся.

Мы медленно передвигались от одного березняка к другому, надеясь, что во время привала Юрка наложит ему очередную повязку с жёваной травой, напоит зверобоем и за ночь ему станет лучше. Всё-таки в неудачное для себя время попал Кирилл под землю! Правильно говорил Чипига: высасывает она жизнь из человека.

Наконец мы остановились на ночлег. Солнышко ещё не коснулось нижним краем земли, а Кириллу стало совсем плохо. Кажется, у него начинался жар. Охотиться и рыбачить мы не стали, решили в этот вечер обойтись запасами, заготовленными накануне. Дядя Миша принялся запекать

на углях яйца степной куропатки, а мы с Юркой просто лежали в траве и смотрели в небо. Даже разговаривать сил не было.

Где-то вдалеке послышался рокот. Гроза, что ли? В небе и впрямь собирались тучи. Хоть бы до утра дождь не пошёл! Рокот стал громче. Нет, это не гром. А что же? Я приподнялся. Дядя Миша уже стоял на одном колене и смотрел вдаль. Руки его бессильно висели вдоль тела. Ну конечно же, какой это гром? Это же конский топот. Нас перехитрили, застали врасплох!

Всадники быстро окружили нашу стоянку. Это были ордынцы, не меньше пятидесяти, в мохнатых шапках, с кривыми саблями и маленькими луками, которые, как я знал, бьют далеко и метко. Весело смеясь, они скакали вокруг нашего маленького стойбища. Однако странные они какие-то. Арканы не набрасывают, за собой не тащат. Хотя куда им торопиться? Сейчас здесь же заночуют, ещё на нашем костре себе еду сварят, а завтра с утра петлю на шею — и в Крым, на невольничий базар! А может, ночью получится сбежать? Только вот Кирилла жалко: ему-то никак.

Сквозь круговой строй гарцующих ордынцев пробился ещё один всадник. По виду он сильно отличался от них: и конь другой стати, не степной, и вооружение, и обличье. Был он в зелёном стёганом кафтане с нашитыми железными бляхами, в остроконечном шлеме. На боку висел длинный прямой меч, а из-за спины торчало копье. По тому, как ордынцы расступились, стало понят-

но: старший здесь — он. Всадник внимательно оглядел нас и спросил:

— Кто такие?

По выговору было ясно, что это не русич и не мадьяр. Юрка тоже порой коверкал слова, но выговор у него был другой. Начальник ордынцев говорил мягче, слегка растягивая слова.

— Паломники в киевскую Софию, — ответил за всех дядя Миша.

— Что с этим? — Всадник кивнул в сторону Кирилла.

— От крымчаков еле ушли: ранен он.

— Давно видели ордынцев?

— Да позавчера.

— Много?

— Не меньше сотни, а может, и двух.

— Как же вы от них ушли?

— Да с Божьей помощью.

Всадник важно кивнул и крупно, степенно перекрестился — по-православному! Ордынцы молча гарцевали вокруг, пританцовывая на своих невысоких лошадках.

— Меня зовут Антанас. Вы находитесь во владениях Великого княжества Литовского и состоите под защитой победоносного литовского меча, — торжественно произнёс всадник. — А сейчас вы отправитесь с нами в город Курск и расскажете обо всём, что видели, нашему князю Ягайле.

Вот же какая удача! А я уж думал, придётся Кирилла оставлять на чьё-нибудь попечение, чтобы самим идти дальше, — княжеский приказ-то

выполнять надо! Интересно, чего это вдруг Ягайло вместо Киева оказался в Курске? Неужто...

Додумать мне не дали. Ордынцы по приказу своего предводителя похватили нас с Юркой и усадили в сёдла позади себя, велев крепко держаться. Дядя Миша влез сам, выбрав коня покрупнее. Кирилла, уже начавшего впадать в забытьё, положили поперёк седла. Мы тронулись в путь.

Знаете, я хотя в Рязани и научился хорошо скакать на коне, но всё же до ордынцев мне далеко. Они как будто составляют с конём одно целое. Мне вспомнились читанные в Варсонофиевых книжках старинные эллинские рассказы про кентавров, полулюдей-полуконей. Наверное, тот, кто их придумал, имел в виду именно ордынцев. Хотя нет, тогда ордынцев ещё не было. Но, видно, были такие же кочевые народы, у которых дети сажаются на коня раньше, чем начинают ходить.

Всадник, за спиной которого примостился Юрка, скакал рядом. Глядя на них, мне опять вспомнился перстень с двумя всадниками на одном коне. Только там были франкские рыцари, а здесь — мальчишка и ордынский воин. Я ощупал подол своей залатанной рубахи — перстень на месте.

Юрка трясся позади ордынца, и лицо его с растянутой до ушей улыбкой излучало прорву радости. И я даже запомнил тот момент, когда его уныние сменилось весёлостью. Это случилось, когда предводитель дозора объявил, что мы на-

ходимся под защитой литовского меча. Юрка как раз рассматривал кривую саблю ближнего к нему всадника.

Вскоре в воздухе повис запах дыма — но не пожара, а дыма костра. Где-то недалеко варили ужин. На горизонте показались деревянные крепостные стены — Курск!

Глава шестая

ЯГАЙЛО

Курск — городишко небольшой. Крепостные стены из толстенных брёвен, а вот из каких — дубовых ли, сосновых — разглядеть я не смог: уже смеркалось. Интересно, почему не строят из камня, коль под боком каменоломни? А то ведь ещё немного — и их затопит подземными водами. Хотя Курск литовцы захватили не так давно и могли просто не знать об их существовании. Или в воинских заботах недосуг было.

В город нас пропустили без лишних разговоров — заметив возвращающийся дозор, просто открыли створки ворот. Видно, таких дозоров вокруг Курска рыскало немало. Когда мы въехали в город, я понял, что ворота вообще можно было держать открытыми — войска в Курске и вокруг него было не то что много, а просто тьматмущая! И конные, и пешие, но конных всё же больше. Кроме литовцев было немало и ордынцев — видно, Ягайло нанимал на службу тех, кто

не поладил со своим ханом. Или просто разбойников. А вот Чипига к нему наниматься не захотел, и мне почему-то кажется, что грабил он как раз литовцев и ордынцев, а не русских. А иначе зачем бы он пошёл к Дмитрию Московскому? В грядущей битве денег не добудешь, а вот стрелу в живот — запросто.

На воротах воинов было немного, не больше десятка. Простых жителей вблизи я не заметил. Но меня поразила одна девчонка в сером платье с белым вышитым передником, которая шла куда-то в глубь города. Сумерки уже сгустились, а вокруг неё как будто свечение стояло. Я даже рот раскрыл от удивления. Потом понял: это от её волос. Они были светло-жёлтые, но какие-то необычные: не канареечные и не соломенные, а скорее золотистые и напоминали свежий мёд — такие же мягкие и тягучие. И самое главное: волосы светились! Разве такое бывает? Я проводил её взглядом.

Она как будто почувствовала это: оглянулась и рассмеялась. Тут я понял, что всё это время так и стоял с открытым ртом. Выглядел я, похоже, очень глупо. И чего смеяться-то? Ясно же любому: устал человек! Я сердито отвернулся. Правда, смех этот забыть почему-то не мог. Обидно. Интересно, сколько ей лет? На вид — примерно как мне, ну, может, чуть поменьше.

Несмотря на заход солнца, площадь перед деревянным курским кремлём была оживлённой: у перевоза стояло не меньше тридцати коней, про-

шёл на рысях небольшой отряд конных литовских воинов, потом пробежал парень, обронив шапку. Похоже, Ягайло — князь деятельный, раз и ночью жизнь в войске кипит. И понятно, что готовится выступить со дня на день. А раз так, то надо задержать его, чего бы это нам не стоило! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он пришёл на помощь Мамаю! Если они успеют объединиться, Дмитрию несдобровать.

Нас провели в терем. Брёвна, из которых он был сложен, успели потемнеть от времени, стало быть, давно его никто не палил. Видно, очень сильны литовцы, не подпускают никого к своим городам.

Дозорные, слегка подталкивая в спину, ввели нас в светлицу. Посреди стояла большая такая бронзовая штукавина на трёх ногах, в которой в особые держатели были вставлены четыре чадящих свечей. За столом сидело несколько человек, судя по одежде — богатые и влиятельные бояре. Кто из них князь Ягайло, я понял сразу. Нет, я знал, конечно, что он очень молод, но я и без этого догадался бы. В нём было что-то, напоминавшее князя Олега Рязанского, — внушающая доверие властность, заставляющая относиться к нему с уважением и почтением. Другие литовцы тоже были важными, но всё равно не так.

Варсофоний как-то рассказывал мне, что древние эллины считали людей, умеющих убеждать и располагать к себе, обладателями особого Божьего дара — харизмы. Такими были в Элладе Перикл

и Александр Македонский. А на Руси — Олег Рязанский. Теперь я видел, что таким же, несмотря на молодость, был и великий князь литовский Ягайло. И только сейчас я понял, какая трудная у меня задача — убедить такого человека в том, чего на самом деле не существует.

Начальник дозора выступил вперёд и начал говорить по-литовски. Когда он закончил, Ягайло отдал короткое распоряжение, и сопровождавшие нас ордынцы быстро покинули светлицу. Затем он снова начал говорить, явно обращаясь к нам. Антанас повторял сказанное Ягайле по-русски:

— Великий князь хочет, чтобы вы рассказали, кто вы такие, что видели в дороге и для чего пришли в литовские владения.

Дядя Миша подробно рассказал, как на нас напали крымчаки, сколько их было и какое у них вооружение. А я, признаться, всех подробностей тогда просто не разглядел. Мне и не до этого было — лишь бы в полон не попасть! Когда он закончил, Антанас спросил:

— Князь хочет знать, почему вы не ответили на вопрос, кто вы такие и куда направляетесь?

Что ж, вот и настал мой черёд. Я сделал шаг вперед и произнёс:

— Я посланник от великого князя рязанского Олега к великому князю литовскому Ягайло.

Не знаю, каким Антанас был воином, скорее всего, хорошим, раз его начальником дозора поставили. Но вот посланником ему точно никогда

не быть: растерянности он скрыть не смог, хотя и перевёл всё не мешкая. При этих моих словах он, кажется, даже поперхнулся от неожиданности, а бояре рядом с Ягайло удивлённо зашумели. И только сам князь остался спокоен.

— Чем можешь подтвердить свои слова? — хриплым голосом произнёс Антанас.

— У меня есть тайный знак от Олега.

Я достал метательный нож, который хранил в котомке, и, распоров подол рубахи, извлёк на свет перстень, где на сером металле скакали два всадника на одном коне — почти точь-в-точь, как мы, только что, позади литовских ордынцев. Антанас хотел взять у меня перстень, но я не дал. Вместо этого сам подошёл к Ягайле и с полупоклоном протянул ему.

Князь взял перстень, внимательно осмотрел печатку, потом ещё что-то на внутренней стороне, после чего кивнул куда-то за наши спины. Понесся топот, и четверо слуг внесли две лавки и небольшой стол. Он, как по волшебству, был быстро и обильно уставлен вкусными блюдами, хотя, как я заметил, особым разнообразием не отличался — видно, в походе Ягайло мало обращал внимания на яства, предпочитая простую сытную пищу. Ещё одно подтверждение, что его нужно опасаться, — этот человек готов терпеть неудобства ради достижения своей цели!

Я обратился к Антанасу:

— Скажи князю: у нас товарищ ранен и лежит в жару. Надо бы лекаря.

— Я, я лекарь, — пропищал рядом Юрка, — надо только келью для больного да травы.

— Хорошо, — кивнул Антанас и прокричал что-то по-литовски, указывая на Юрку и на дверь.

Юрка ушёл, а мы с дядей Мишей уселись за принесённый стол. Ягайло жестом отослал Антанаса, произнёс по-русски почти чисто:

— Не надо переводить. Я хорошо понимаю. С детства говорю на этом языке.

Интересно, почему он тогда сначала слушал нас через толмача? Может, признав за союзников, посчитал, что незачем скрывать, что понимает нас? Ну прям как Юрка в Рязани! И зачем вообще это было скрывать? Хотя... кто этих князей поймёт? Может, его русский язык — это особый знак доверия к нам?

Так и не разобравшись с многочисленными вопросами, я начал первую в своей жизни посольскую речь:

— Великий князь рязанский Олег, помня о добрых отношениях с твоим отцом Ольгердом, в православном крещении Александром, сообщает, что крымские ордынцы, извещённые о твоём походе на восход, собираются в твоё отсутствие напасть на южные пределы княжества.

— Откуда Олегу об этом известно?

— Дозор рязанский взял в степи важного крымского вельможу, который с двумя сотнями воинов разведывал, насколько серьёзны намерения Мамай. У Золотой Орды со своим крымским

улусом¹ разладились отношения. До открытой войны дело не дошло, а вот союзников друг друга они пограбят с превеликим удовольствием. Поскольку князь Олег является союзником Золотой Орды и Великого княжества Литовского, то о намерениях крымчаков он сообщил и Мамаю, и тебе, Ягайло.

— Почему же сообщить такие важные известия он отправил отрока, а не опытного воина?

— Посольское дело не воинское. Я в учениках у княжьего советника дьяка Варсонофия состою. Да и не такой уж я отрок. В Рязани воинский возраст с пятнадцати годков считается.

— Слышал, слышал о Варсонофии. Отец очень его ценил, даже звал к себе на службу.

— Олегу вдвойне приятно оказать услугу сыну единоверцев Александра Литовского и Ульяны Тверской. Он интересуется, как поживает твоя благородная матушка?

Это я уже от себя ляпнул. Как-то вдруг кстати всплыло в голове, что матерью Ягайла была дочь великого князя тверского Александра Михайловича, потомка Владимира Мономаха. Не зря Варсонофий заставлял меня учить родословные русских князей. Вот невзначай и пригодилось.

При упоминании имени матери Ягайло даже как-то помягчел. Видно, этим вопросом здорово я его к себе расположил.

¹ У л ý с — родовое владение потомков Чингисхана в составе Монгольской империи (*тюрк.*). Например, улус Джучи, старшего сына Чингисхана, со временем выделившийся в самостоятельное государство (с 1266 г.), известное как Золотая Орда.

— Хорошо поживает. Как и положено вдове и матери правителя, занимается делами духовными.

Может быть, сказать ему, что Олег будет рад, если Ягайло в этих самых делах пойдёт по стопам отца и матери? Нет, наверное, не сто́ит. Князь чужок и умён, такое грубое давление ему вряд ли понравится. Надо, чтобы он сам пришёл к православию, постепенно, без нажима — так вернее будет.

Увидев, что мы наелись, Ягайло встал, вслед за ним поднялись его бояре и мы с дядей Мишей. После сытного ужина глаза у меня слипались. Антанас проводил нас в келью, где нам следовало заночевать. Я захватил со стола хороший кусок баранины для Юрки — его-то вряд ли кто-нибудь теперь до утра накормит.

Оказалось, что Кирилла разместили рядом с нами. Юрка, как обычно, хлопотал тут же. Баранине он очень обрадовался. Кирилл спал беспокойным сном, метался, и ему явно сейчас было не до еды. Юрка сказал, что заночует возле Кирилла — мало ли, вдруг больному понадобится его лекарская помощь.

Когда я вернулся к себе в келью, дядя Миша уже спал и даже похрапывал. Я опустился на сено, которое он приволок, и, как только голова моя коснулась душистой сухой травы, заснул — моментально, без дрёмы. Как будто в темноте лучину задули. Раз! — и всё.

Глава первая

МЫ ОСТАЁМСЯ В КУРСКЕ

Наутро нас разбудил Антанас:
— Вставайте, посланники. Князь вас требует.

Похоже, распоряжения князя здесь принято выполнять точно, беспрекословно и без оглядки на что бы то ни было. Поэтому нас не то что не накормили, но даже не дали умыться.

Ягайло ждал нас в той же светлице, что и вчера. На этот раз он был один. Из того, что нас доставили к нему в сопровождении одного лишь Антанаса, я догадался, что князь нам поверил. Ну или почти поверил. Во всяком случае, пытать нас явно никто не собирался.

Князь, поглядывая то на нас, то на Антанаса, произнёс:

— Посланники, оставайтесь в Курске, пока я решу, что ответить великому князю рязанскому

Олегу. Вы не будете испытывать ни в чём нужды, сколько бы здесь ни находились. Ваша свобода не будет стеснена никакими условиями.

Так... Это уже становится интересным. Похоже, мы убедили Ягайла не полностью и он хочет как-то проверить сведения, которые мы сообщили ему. Надо быть начеку, чтобы не упустить момент, когда настанет срок делать отсюда ноги. Хотя... Если у Ягайла на службе ордынцы, то бежать бесполезно: всё равно догонят. Остаётся только перехитрить.

— Олег велел возвращаться как можно скорее, но мы готовы ждать сколько угодно. Ведь главное у союзников — это доверие.

Ягайло согласно кивнул в ответ и добавил:

— Насколько удобно вы устроились и как себя чувствует ваш раненый товарищ?

— Келья нас устраивает. Предоставляя посланникам более подходящее их положению жильё, можно раскрыть наше появление здесь, а это нежелательно. А как себя чувствует наш товарищ, мы ещё не знаем, так как не успели с утра навестить его.

Ягайло снова согласно кивнул. Кажется, я завоевал его расположение. Мне он тоже понравился, даже жаль его обманывать.

— Если вам понадобятся лекарства для вашего товарища, которые вы сами достать или приготовить не сможете, обращайтесь к Антанасу. Он сделает всё, что надо. Если он будет в дозоре, то обращайтесь прямо ко мне.

Во как! Выходит, мы в особой милости у Ягайла! Это очень хорошо.

— А пока отдыхайте, набирайтесь сил. Есть будете из одного котла с княжеской стражей.

Так... Вроде бы нас собираются охранять, чтобы не сбежали. Ладно, посмотрим, кто кого перехитрит!

— Возможно, в поисках травы для изготовления лекарств нам понадобится покинуть город.

— Сами видите, даже неподалёку от Курска порой появляются разъезды крымчаков. Если захотите выехать за несколько вёрст от крепостных стен, вам будет лучше взять охрану.

Я оценил деликатность и предусмотрительность князя: вроде и не навязывает нам стражу, но намекает, что без неё за город лучше не соваться. А если уйдём без спросу, скорее всего, опека станет строже и избежать её не будет никакой возможности. Нет уж, пока лучше выполнять все советы Ягайло и делать вид, будто не понимаем, что нас сторожат.

На этом нас пока и отпустили. Первым делом мы с дядей Мишей конечно же отправились к Кириллу. Войдя в келью, застали такую картину: на широкой лавке с постеленным толстым тюфяком, раскинувшись, спал Кирилл, а рядом на полу, на охапке сена, примостился Юрка. Он тоже спал и даже посвистывал во сне носом. Кажется, уснул совсем недавно, потому что наше довольно шумное вторжение не разбудило его.

Сон Кирилла, насколько я мог судить, был уже не таким тревожным, как накануне. Он не бредил, не метался по лавке, дышал ровно и глубоко. Нет, этот Юрка действительно великий мастер в своём лекарском ремесле! Я, признаться, приготовился к самому худшему, ведь Кирилл ещё вчера был совсем плох. Так вот поди ж ты!

Обрадованные, мы, стараясь не разбудить их, вышли из кельи и плотно прикрыли дверь. В княжьем тереме делать было нечего, и мы решили прогуляться.

— А ты здорово разговаривал с князем, — сказал дядя Миша, когда мы спускались по лестнице, — как настоящий посланник.

Мне стало даже немного обидно. Как будто я действительно не настоящий посланник!

Дядя Миша заметил моё невысказанное недовольство:

— Да не обижайся ты, Васька. Я ж помню, как тебя ещё только привезли в Рязань — всего в саже, чуть живого. И помню, как ты воинское ремесло осваивать начинал. Не знаю уж, как ты Варсонофиеву науку постиг — надеюсь, что хорошо. А за воинское дело могу поручиться. Я же следил за тобой постоянно. Знаю, о чём говорю. Тебя хоть завтра в бой — справишься.

Я почувствовал, как рот мой растягивается в улыбке до ушей. Заслужить похвалу от самого опытного рязанского дружинника — это большой почёт. Но что такое? Этого ещё не хватало! Посланник не должен показывать свои чувства, в

каком бы положении он ни находился. При этой мысли улыбка тут же сползла с моего лица.

Мы вышли за ворота. Стражники выпустили нас без слов. Видно, им уже объяснили, кто мы такие и что можем шастать туда сюда в любое время, когда нам заблагорассудится.

Курский кремль был окружён частоколом из толстых брёвен. Интересно, издалека ли их возили, ведь больших лесов в округе, кажется, нет? Хотя, может, на закат от города и есть, а иначе откуда им взяться? Вспоминая каменный рязанский кремль и городские стены из толстенных дубовых брёвен, я снисходительно оглядывался по сторонам — мал городок, мал. Куда ему до Рязани!

Пока я, потягиваясь на солнышке, предавался этим мыслям, дядя Миша рассуждал практически.

— Ну что, господин посланник, — поддел он меня, — как я понял, бегство наше от литовского гостеприимства будет и неожиданным, и скорым. Так?

Так, так, конечно, так. Только как он догадался, что всё, о чём я говорил Ягайле, — откровенное враньё, рассчитанное на то, что тот воздержится от посылки войск на помощь Мамаю? Ну да ладно. Не время сейчас от своих таиться... Дядя Миша понял мое молчание как согласие.

— А посему, чтобы возвращаться к Олегу не с пустыми руками, разведая-ка я, как у них дозоры выставляются, чтобы нам сподручнее бежать

было, когда время придёт. А ты поброди вокруг, присмотрись да посчитай, сколько у них пешего войска, а сколько конного, сколько ордынцев у Ягайло на службе. Знаешь, как это сделать?

Ещё бы не знать! Варсонофий мне про Великое княжество Литовское много рассказывал. И как они войско набирают, и как в бою действуют. И про то, что много у Ягайло служит не только литвинов, но и воинов из покорённых Литвой закатных русских княжеств. А тут ещё, как выяснилось, и ордынцы конные есть. Ну что ж, коли Олегу надо, так всё посчитаем, разведем и князю доложим.

На том мы с дядей Мишей и разошлись. Он полез на стены — смотреть крепостные дозоры, а я отправился за городские ворота — считать, сколько в поле литовского войска стоит. Благо отходить от города далеко я не собирался.

Глава вторая

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Княжество Литовское, в то время ещё невеликое, возникло вскоре после Батыева нашествия. Вернее, оно и раньше существовало, только вот княжеством я его назвать постеснялся бы. Тогда, лет сто пятьдесят назад, у каждого литовского племени был свой князь, и все они меж собой цапались, как дворовые собаки. Понятно, что в то время они богатств особых не имели, слава о них

не гремела, вот и не стал Батый грабить нищих, но задиристых литвинов.

А как ордынцы ушли, кто далеко, в сердце Азии, а кто не так далеко, на Волгу, тут и выделился среди прочих мелких князей Миндовг, который объединил все литовские племена. Сначала они воевали с поляками да тевтонскими рыцарями, любителями пограбить того, кто послабже. А потом, как окрепли, стали захватывать русские княжества, оскудевшие после Батыева нашествия. И так — зёрнышко по зёрнышку — и прибрали к рукам все закатные русские земли.

В конце концов литовцы так усилились, что при князе Ольгерде разбили ордынцев и даже захватили Киев — древнюю русскую столицу. Правда, в то время Киев находился в глубоком упадке и прежнего значения не имел. Разве что как старинный православный город с древнейшим на Руси монастырём.

В Орде тогда началась «великая замятня»: все воевали со всеми, стараясь захватить ордынский трон или, наоборот, отделиться и жить своим улусом. И продолжается эта «замятня» уже двадцать лет. Варсонофий говорил, неплохо бы русичам объединиться и сбросить с себя власть Орды, пока там раздоры. Полтора века назад раздоры были на Руси, а Орда едина, вот и побили нас поодиночке. А сейчас хорошо бы, наоборот, да только не все князья желают объединения. К сожалению. Не знаю уж, чем всё это закончится. Думаю, битва с Мамаем покажет. Литовцам

усиление Руси невыгодно, вот и решили они подсобить ордынцам в сражении.

Это всё рассказал мне Варсонофий. А ещё он рассказал, как организовано литовское войско. Оказывается, примерно так же, как и в наших удельных княжествах. Каждый боярин в своей вотчине набирает воинов, обычно конных, так как пешие в дальних походах ценятся невысоко. Бояр в Литве было много, поэтому вотчины маленькие. Каждый боярин принимал под своё копьё от четырёх до семи воинов. Все вместе они так и назывались — копьё. Там обычно были один-два лучника, один-два копейщика, паж, оруженосец, иногда бывал и пращник. Хотя пращников уже почти не осталось, вместо них старались взять дополнительного лучника или копейщика, который в сражении надёжнее. Двадцать или двадцать пять копий образовывали стяг. А три стяга или больше — дружину.

Всё это войско стояло под стенами Курска обширным станом. Сначала я думал пересчитать шатры и, зная, сколько в каждом помещается человек, вычислить общее количество воинов. Но это оказалось невозможным: шатров в поле попросту не было! Это меня огорчило: войско, которое не таскает за собой шатры, куда подвижней, а значит, опасней. Тогда я решил дожидаться вечера, когда воины будут готовить себе ужин, и пересчитать костры. А там уж, зная, сколько примерно человек кормится у одного костра, сосчитать их — дело плёвое! А пока решил посмотреть,

чем вооружены литовцы. Поскольку бродить меж солдат мне не возбранялось, я этим правом воспользуюсь. А уж глаз-то у меня цепкий...

К полудню, обойдя почти всё становище, я составил картину литовского вооружения. И скажу я вам, оно опять же почти ничем не отличалось от русского. Такие же длинные прямые мечи, такие же большие круглые или длинные треугольные щиты, те же кольчуги. Правда, я заметил и отличия: в Рязани вместо меча всё чаще вооружались кривой ордынской саблей. Боярин Дмитрий говорил, что в конной сече она гораздо удобнее, особенно если на противнике нет тяжёлой кольчуги. А степняки почти никогда такие кольчуги не носят: они подвижность сковывают.

Единственное, чем отличалось здешнее вооружение от русского, так это самострелами. Литовцы называли их арбалетами. Интересная, скажу я вам, штука! И додумался какой-то неведомый мудрец! Взял обычный лук из упругого дерева, приделал к нему ложе, тугую тетиву. Преимущества этого оружия в том, что в заряженном состоянии его можно держать очень долго, оно готово выстрелить в любой момент. Если, например, конный лучник и конный арбалетчик встретятся в бою, то пока ещё лучник выдернет из саадака стрелу, наложит на лук и выстрелит! А арбалетчику для этого достаточно только поднять оружие и спустить натянутую тетиву. Всё! Лучник кубарем покатится на землю, а его противник снова зарядит арбалет. Казалось бы, всё хорошо, ура, давай-

те все делать арбалеты. Но я всё же разглядел и недостатки этого оружия.

Во-первых, арбалет намного тяжелее лука, и таскать его на себе, если нет коня, не так-то легко. Во-вторых, заряжать его гораздо сложнее, чем лук. Там есть специальный рычаг, а также крючок для удобства заряжания в седле, но на всё это нужно время. Хороший лучник успеет уже несколько раз выстрелить. В-третьих, попасть из тяжёлого арбалета, например, в легкоконного подвижного ордынца — дело ну о-о-очень непростое. Разве что когда ты с ним лицом к лицу столкнёшься или когда он удирает.

Вместе с тем у арбалета есть и большое преимущество перед луком. Это не только быстрота первого выстрела, но и огромная сила. Выпущенная из арбалета стрела может пробить, наверное, любые доспехи. Для этого и стрелы делают особые, короткие, и называются они не стрелами, а болтами. Наконечники у них большие, тяжёлые, раз в десять тяжелее, чем у лучных стрел. Ну, может, в восемь.

Разгуливая по лагерю, я стал свидетелем спора двух литвинов, у кого арбалет бьёт сильнее. Они притащили откуда-то толстенную доску, установили её в пятидесяти шагах и одновременно выстрелили. Я заинтересованно наблюдал за состязанием и вместе со спорящими подошёл к доске. Она оказалась пробитой в двух местах, причём болты прошили её навылет и потерялись где-то в траве. Я не стал смотреть, как они их ищут и как спорят,

кто всё-таки победил. Ни один из виденных мной луков не мог бы с пятидесяти шагов пробить эту доску навылет. Даже лучшие ордынские лучники не смогли бы это сделать.

С тем я и направился обратно в терем, тем более что Юрка с Кириллом уже, наверное, проснулись. Надо поинтересоваться, как дела — может, помочь нашему лекарю травы какой нарвать?

Глава третья

АУСТЕЯ

Уже на следующий день я поймал себя на том, что, гуляя по Курску, ищу глазами ту незнакомую девчонку, которую встретил у городских ворот в день приезда. Я понимал, что найти её будет непросто. Ведь в сумерках я хорошо разглядел только её светящиеся волосы, а сейчас день, и их сияния не видно. Расспрашивать жителей тоже было глупо. Да и о чем я мог спросить? «Скажите, вы не знаете, где живёт необычайно красивая девочка со светящимися волосами цвета мёда?» Чего доброго, за блаженного примут.

Оставив надежду встретить её, я принялся с удвоенным усердием изучать устройство литовского войска. За два дня мы с дядей Мишей разведали и пересчитали в Курске и вокруг него всё, что только возможно. Воинов у Ягайло оказалось немало, не меньше двадцати тысяч, и почти все — конные. Пешие дружинники находились в

основном внутри крепостных стен. Думаю, что их князь в поход не возьмёт: они будут сильно замедлять передвижение — и, скорее всего, оставит для охраны Курска.

Дядя Миша разведаль все крепостные дозоры, которых оказалось очень мало. Да и то, чего литовцам бояться? Под городом такая прорва воинов — никакой враг не сунется. Хотя ночью ворота закрываются, но на стенах никого нет, только в башнях. Спуститься в тёмную ночь по верёвке — раз плюнуть, никто и не заметит. Только вот дальше что? По степи пешком далеко не уйдёшь. Надо бы коней приготовить. А как? Может, сказать Ягайле, что кони нужны, чтобы выезжать в степь за травами? Да и поразмяться не мешало бы после крепостного сидения. А как коней из города вывести при побеге? Может, держать их в поле стреноженными?

После того как мы пересчитали литовские силы и разведали расстановку их дозоров, делать стало нечего. Мы попросили у Ягайла мечи и по долгу упражнялись с дядей Мишей в искусстве поединка. Ну и не забывали три-четыре раза в день навещать Кирилла.

Спокойная жизнь, обильная еда и, главное, Юркино лекарское мастерство творили буквально чудеса. Жар у Кирилла спал в первый же день, а ещё через день он стал выходить из терема и прогуливаться на свежем воздухе, с каждым днём набираясь сил. А ещё через неделю полностью выздоровел.

После того как Ягайло велел выдать нам коней для поездки в степь, он, казалось, забыл про нас. Я видел, что теперь за город высылают вдвое больше дозоров, чем раньше. Кажется, князь поверил, что вокруг Курска рыщут крымские лазутчики, и стремился оградить себя от любых неожиданностей. Два раза дозорные видели в степи неизвестных всадников, но догнать их не сумели. Нам это на руку: доверия больше. И то, что литовцы пока оставались в городе, не спеша на соединение с Мамаем, играло в нашу пользу.

От свалившегося на голову безделья я слонялся по городу и просто глазел по сторонам или, взобравшись на стену, осматривал окрестности, прикидывая, по какому пути нам лучше всего будет бежать из Курска, когда придёт время.

Как-то раз сидел я на стене, свесив ноги внутрь крепости, ел вишни и плевался косточками, стараясь попасть в голубей, которые что-то клевали внизу, взлетая, когда бродячие собаки подходили к ним слишком близко.

Какая-то невысокая девушка в сером платье, по виду служанка, вошла в городские ворота и, озираясь, направилась вглубь города. В руке у неё была палка. Собаки тут же, как по команде, перестали донимать голубей и бросились в её сторону, заливаясь громким лаем. Девушка, испуганно вскрикнув, стала неловко отбиваться от них, но, кажется, особого впечатления на собак это не произвело. Они носились вокруг, стараясь

ухватить её за подол платья. Надо было спасти несчастную: одна она явно не справлялась.

Я выплюнул последнюю вишнёвую косточку и стал спускаться со стены, соображая, что бы такое взять в руки, чтобы помочь девушке отбиться. Повертев головой, я не увидел поблизости ни палки, ни даже тоненькой тростиночки, а бежать искать что-то — значит дать собакам возможность основательно потрепать бедолагу. Я подобрал несколько камней и ринулся к месту схватки.

Когда вам доведётся попасть в такую передрагу, знайте, что собаки, особенно в стае, чувствуют решительность противника и не станут нападать, если поймут, что им будет дан достойный отпор. Надо только вычислить вожака и наподдать ему как следует, что я и сделал. Я выбрал самую наглую, самую злобную собаку и попытался с разбегу пнуть её под хвост. Но она с непостижимой ловкостью увернулась и отбежала в сторону, заливаясь возмущённым лаем. Кажется, вожака я определил верно, потому что стая тут же оставила девушку в покое и на безопасном расстоянии громко выражала своё негодование и разочарование. Нападать на девушку стая больше не собиралась. По крайней мере, в моём присутствии.

С победным видом я обернулся к спасённой и собирался, подбирая литовские слова, которые успел выучить за несколько дней, произнести что-нибудь подобающее случаю: например, что пока я

рядом, ей ничего не грозит. Но, едва взглянув девушке в лицо, поперхнулся. Передо мной стояла она — та самая медоволосая девчонка, которую я видел в день приезда в Курск. Ошеломлённый, я застыл, не зная, что сказать.

Наверное, выглядел я совсем уж нелепо, потому что лицо её, сначала испуганное, стало растерянным, а потом рот стал растягиваться в улыбке. Негромко хихикнув, она опустила глаза, чтобы не рассмеяться надо мной в полный голос. Плечи её вздрагивали — похоже, она всё-таки смеялась, но беззвучно. А я стоял как дурак рядом и не знал, что мне делать. Наконец она справилась со смехом и сказала по-русски:

— Спасибо тебе. Всё время воюю с этими собаками. Совсем проходу не дают.

Она говорила почти чисто, но было понятно, что её родной язык — литовский. Переминаясь с ноги на ногу, она собиралась продолжить путь.

Я предложил:

— Давай я тебя провожу. А то вдруг опять собаки нападут?

Она молча кивнула, и мы пошли рядом.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Выюн... То есть Василий.

— А меня Аустея.

— Красиво.

— Это у нас так богиню пчёл зовут.

Я вспомнил, что многие литовцы ещё верят в старых богов.

— А у тебя и волосы как мёд.

Она смущённо улыбнулась:

— Отец мёд для князя собирает. Он и назвал.

— А у нас в деревне был Иван, по прозвищу Перга, он тоже пчелиный мёд собирал. Видел я его как-то раз, когда его пчёлы сильно покусали, — лицо всё синее, распухшее, и не поймёшь, где заканчивается нос, а где начинается ухо.

Аустя рассмеялась:

— Отца не кусают! Вернее, кусают, но редко. Он пчелиное заветное слово знает.

— Какое ещё слово?

— Не знаю, отец говорит, что мне это совсем не надо.

— Да нет никакого слова.

— Нет, есть. Хочешь, завтра сходим, сам у него спросишь?

— Куда сходим — в лес, что ли?

Она засмеялась. Звонкий у неё смех, как серебряный колокольчик, что я видел в Рязани у Варсонофия.

— Не совсем. Отец живёт в лесу, но мёд там не собирает, а сам пчёл разводит. Это рядом, недалеко от города.

— Как — разводит? — удивился я. — Пчёлы — это что, коровы, что ли?

— Очень просто. Берёт большую колоду, выдалбливает там дупло, запускает пчёл. Когда они принесут мёд, забирает половину, а остальное им оставляет, чтобы могли сытно перезимовать.

— И получается?

— Второй год уже так держит. Так что — сходим завтра?

— Сходим.

Мы подошли наконец к княжескому терему.

— До завтра, — сказала Аустя. — Как князь пообедает, так и пойдём. Встречаемся здесь, на этом месте.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Постой, — говорю, — так ты в княжеском тереме живёшь?

— Ну да.

— Я тоже.

— А я знаю. Это ведь я вас кормлю.

— Ты?

— Ну да. Я же на княжеской кухне готовить помогаю.

— Так ты стряпуха?

— Нет ещё. Я помогаю. Что тётя Гражина говорит, то и делаю. Она у нас главная.

— А тебя отпустят?

— Гражина добрая. Она меня всегда к отцу отпускает. Ну что, завтра встречаемся здесь?

— Хорошо. Знаешь, а ты здёрово говоришь по-нашему.

— Мы с отцом долгое время жили среди русских, неподалёку от Полоцка, вот я и научилась. И отец тоже. Мы ведь в Курске только третий год. Ну ладно, до завтра.

Она ушла, а я отправился в свою келью. Скоро ужин, и бродить по Курску мне отчего-то расхо-

телось. Интересно, почему она всё время говорит об отце и ни слова — о матери? А спрашивать как-то неудобно.

Глава четвёртая

У ПЧЕЛОВОДА

Отец Аустей жил в версте к полуночи от города, посреди леса, в котором, по-моему, и брали брёвна для строительства Курска. Обширная вырубка была сплошь утыкана старыми пнями, а посреди неё стоял небольшой домишко с покрытой тёсом крышей. Когда мы подошли поближе, я увидел, что на пнях стоят толстенные колоды с выдолбленным нутром, вокруг которых роились пчёлы. Колод было много — наверное, около сотни, а может, и больше. А уж сколько пчёл — даже не знаю. Мне кажется, ещё число такое не придумали, чтобы назвать их количество.

— Не маши руками, — предупредила Аустей, — пчёлы этого не любят.

— А что ещё... — начал было я.

— Просто не становись на пути их лёта, и они тебя не тронут.

— А как это?

— Пчёлы летают за мёдом по одному пути, одна за другой. Надо вовремя понять по какому — и отойти в сторону. Пока сам не разобрался, держись возле меня.

Против этого я не возражал. Она пошла к домику, но не напрямик, а отклоняясь то влево, то вправо, обходя пчелиные «тропки». Я не видел никакого порядка в полётах маленьких медоносов, и, скорее всего, если бы пришёл сюда один, то очень быстро и с позором покинул бы это место.

Аустея открыла дверь:

— Папа, это я пришла.

Мы вошли в дом. У затаенного бычьим пузырьком окошка сидел мужчина лет тридцати пяти и связывал пеньковой верёвкой небольшую крестовину из двух тонких и гладких плашек. Он взглянул на нас:

— Здравствуй, доченька. Кто это с тобой?

— Это Василий. Он меня вчера от собак спас.

— Здравствуй, Василий.

Он протянул мне руку. Ладонь была широкой и натруженной. Сразу видно, что отец Аустеи был из тех, кто зарабатывал себе пропитание потом и мозолями. Мне кажется, с моим отцом они былади.

— Можешь называть меня дядя Линас.

Я пожал протянутую руку, а Аустея меж тем щебетала:

— Папа, Василий — посланник от великого рязанского князя Олега к нашему Ягайле. Они уже почти две седмицы¹ живут в городе. Я им еду готовлю. А он вчера так смело отогнал от меня

---

¹ С е д м ѝ ц а — неделя.

собак! С ним ещё трое. Один, самый маленький, отличный лекарь, к нему даже бояре ходят от хворей лечиться, да и простые горожане тоже.

Надо же! А я и не знал, что к нашему Юрке потянулись местные жители. Вот что значит настоящее мастерство: слава о нем быстро распространяется!

Линас с улыбкой смотрел на дочь. Аустея здесь была совсем другой. Скрытная молчунья в городе, у себя дома она оказалась весёлой болтушкой.

— Ой, папа, меня только день не было, а ты уже рубаху порвал. Давай зашью. Василий не верит, что ты заветное пчелиное слово знаешь, поэтому они тебя и не трогают. Папа, ну скажи, что знаешь! Правда же?

Линас с явным удовольствием слушал беззаботную трескотню дочери. А я посматривал в окно. Мне было интересно, как ему удаётся держать столько пчёл в одном месте.

Заметив мой взгляд, отец Аустеи спросил:

— Василий, хочешь посмотреть, как у меня пчёлы живут?

— Хочу.

— Ну тогда пойдём.

Он отдал рваную рубаху дочери, накинул на плечи какую-то дерюгу, и мы вышли из дома...

Как вам объяснить, что такое пчелиная колода? Это такой толстенный чурбак, в котором сбоку выдолблена полость, где и живут пчёлы. Каждую колоду отец Аустеи поставил на пенёк,

оставшийся после заготовки брёвен для города, потому что на голой земле они быстро загнивают. Линас предложил подойти поближе, но я отказался. Мне и издали было жутковато смотреть на тучи пчёл, которые носились туда-сюда над своим городком.

Я поинтересовался: как он у пчёл отбирает мёд? Не такие они, чтобы вот так просто его отдавать.

Линас ответил:

— Ты придёшь — не отдадут. А мне дают.

— Почему?

Он хитро усмехнулся:

— Аустея сказала же — я заветное пчелиное слово знаю.

— Я не верю в заветные слова.

— Это правильно. Нет таких слов. Просто везде мастерство нужно. Я, когда к ним за мёдом иду, кутаюсь в толстую дерюгу, чтобы они меня ужалить не могли, а ещё дымный костёр развожу. Они дыма не любят, улетают. Конечно, бывает, что и ужалят, но нечасто, да и привык я.

— А как у них в колоде мёд хранится?

— Видел, наверно, я крестовину вязал, когда вы пришли?

— Да.

— Это для того, чтобы они на ней соты строили и в них мёд складывали. Так и вынимать их удобнее. А если не будет крестовины, налепят соты на стены. Пока достанешь — половина мёда прольётся. Если с навыком, меньше, конечно, но всё равно с крестовинами лучше.

— Неудобно, наверное, в колоду лазать? Вон дупло-то снаружи небольшим кажется.

— Неудобно, — согласился Линас. — Я вот что думаю: может, на колоду съёмную крышу приспособить?

— Это как?

— Да выдолбить её не сбоку, а сверху и оставить леток для пчёл. А крышу сделать отдельно и поставить на колоду. А когда надо мёд взять, снял её — и всё! Да, наверное, так и буду теперь делать.

Он помолчал, обдумывая, как ловчее сделать крышу для пчелиной колоды, потом вновь обратился ко мне:

— Ну что, ты так и не решился поближе посмотреть, как мои пчёлы проживают?

Я быстро замотал головой.

Мы направились к дому. И знаете, что я заметил? Хотя пчёл вокруг нас было много, ни одна даже не попыталась ужалить меня, не говоря уж о Линасе. Он как-то очень легко выбирал дорогу в пчелином царстве, зная, где надо остановиться на миг и как идти дальше, прямо или зигзагом. У него это получалось естественно, как беззаботная прогулка. У Аустей выходило не так ловко, как у отца. Она периодически останавливалась, крутила головой по сторонам и только потом проходила, куда ей надо.

Когда мы вернулись в дом, Аустея уже заканчивала зашивать рубаху. Линас поставил на стол плоску со свежим мёдом — он был тёмным и

каким-то особенно ароматным. Сказать, что я уплетал за обе щеки, — значит ничего не сказать. Не часто такую вкуснотищу доводится попробовать. Хотя я отказывался, Линас дал мне с собой полный берёзовый туесок мёда. Вскоре мы с Аустеей отправились обратно в город.

Дядя Миша и особенно Юрка встретили неожиданный подарок с радостью. Юрка заявил, что теперь восстановление сил у Кирилла пойдёт ещё быстрее, и тут же велел ему съесть две ложки мёда. А с Аустеей мы договорились, что будем хотя бы раз в два дня навещать её отца.

Линас в тот же вечер начал выдалбливать съёмную крышу для колоды, а это дело нелёгкое, одному трудно. Да и против мёда я тоже не возражал. Хотя чего греха таить! Не только из-за этого я решил регулярно навещать пчеловода. Мне просто нравилось находиться рядом с Аустеей. Да, пожалуй, из-за этого прежде всего.

Глава пятая

ХРАМОВНИКИ

Это посольство прибыло в Курск около полудня — сотня хорошо вооружённых всадников в иноземных одеждах. Я сидел, как обычно, на стене у главной башни и смотрел в степь, когда они внизу, под моими ногами, въезжали в город. Заинтересованный, я спустился и побежал следом. Сотня остановилась у княжеского терема, конни-

ки спешились, а трое — наверное, самые главные — вошли внутрь. Через некоторое время один из них вышел и приказал воинам расположиться за городскими стенами.

«На фряжском наречии говорят, — отметил я про себя, — стало быть, из Крыма прибыли».

Больше всего меня заинтересовал один из тех, кто вошёл в терем. Было в его грузной фигуре что-то очень знакомое, но вот где я его видел — вспомнить не мог. Хотя где же ещё, как не в Рязани. Но что-то не припомню, чтобы кто-то из виденных там иноземцев имел такое толстое пузо. Да там и иноземцев-то было немного.

Стоп! Меня словно обухом по голове ударили. Вспомнил! Мы с ним действительно встречались. Это было три года назад, как раз накануне сожжения Рязани Арапшой! Перед глазами возникли кудлатая собачка Марфушка в красном сарафане, рыжий усатый кот Сенечка, поющие и пляшущие песельники. И раньше видел, за два года до того, в нашем селе! Точно! Это же тот самый толстяк, что уговаривал отца уйти с ним в чужую землю, а в Рязани наступил мне на ногу и потом поднял за шиворот, как шкодливого щенка. Но постойте, это же у него на пальце я видел железный перстень, где два всадника на одном коне!

Забавненько получается! Выходит, храмовники действительно свои люди при дворе литовского князя! Вон стражники на воротах пропустили их без проволочек. Видно, они сюда сто раз приезжали, если даже простым воинам примелькались.

А может, и правда сто раз? Интересно, для чего они сейчас пожаловали? Я в раздумьях чесал затылок: как бы мне это разузнать побыстрее? Может, обратиться за помощью к Аустее? Она наверняка здесь все ходы и выходы знает, подскажет, как можно подслушать разговор.

Но поговорить с Аустеей я не успел. После полудня прибежал посыльный от князя и велел срочно прийти. За всё время, что мы жили в Курске, это был единственный случай, не считая первых дней, когда Ягайло вспомнил про нас. Я чувствовал, что разговор предстоит серьёзный. И не ошибся.

В княжеской светлице я увидел Ягайла, а с ним этого толстого фрязина. Лицо его было недовольным. В стороне у стены стоял Антанас. Ягайло не стал ходить вокруг да около и спросил меня прямо:

— Василий, точно ли ты передал мне поручение князя Олега Рязанского?

Мысли у меня в голове запорхали, как стая куропаток. Та-ак... Если фрязин приехал из Крыма, то наверняка у него хорошие отношения с тамошними ордынцами. А те почти на ножах с ордынцами волжскими. С другой стороны, он явно не раз ездил и на Волгу, и к литовцам, которые сейчас союзники. Получается, в Крыму не всё гладко: там есть силы, которые хотят отделиться от Золотой Орды, но есть и те, кто желает остаться с ней. Судя по всему, этот фрязин сейчас сторонник Мамаю и Ягайла. Но чем же он недово-

лен? Да что тут гадать? Конечно же он недоволен тем, что Ягайло сначала обещал Мамаю помощь, а теперь стоит в Курске и уже больше десяти дней не трогается с места. И виной тому — я. Всё это промелькнуло у меня в голове в один миг. Здесь надо быть осторожным и хитрым, иначе ничем хорошим моё посольство не закончится. И в первую очередь — для меня самого и моих товарищей.

— Всё точно, князь.

— Этот человек утверждает, что никто в Крыму в набег на наши земли не собирается.

— Ты сам видел, князь, что вокруг Курска рыщут разъезды.

— Да, но никого поймать не удалось.

— Потому что это степняки, опытные наездники, которых не так-то просто догнать. С Мамаем ты союзник, а, кроме Мамаю и крымчаков, других степняков здесь просто быть не может.

Ягайло сидел задумавшись. Несомненно, все эти соображения ему уже приходили в голову и он просто хотел посмотреть, как я буду себя вести в личной беседе.

Молчание нарушил фрязин. Он подошёл ко мне, внимательно посмотрел прямо в лицо и произнёс по-русски:

— Мальшик, это ведь ты хотел украсть в Рязань мой омоньер?

Ягайло удивлённо посмотрел на меня:

— Что он говорит?

Так, спокойно, Вьюн, спокойно! Сейчас будет самое важное.

— Князь, с этим человеком мы встречались в Рязани. Он посчитал, что я хочу его обокрасть, но потом понял, что заблуждается, и отпустил. Это было в тот день, когда Рязань сожгли ордынцы.

Без сомнения, фрязин сейчас попытается выставить меня перед Ягайло как нечестного человека, которому нельзя доверять. Но храмовник просчитался. Ягайла не так-то просто сбить с толку. И мне он верил всё-таки больше.

— Мне не важно, что было в Рязани несколько лет назад. Да и было ли? Меня больше интересует, что происходит в моём княжестве и вокруг него сейчас.

— Нишего не происходить, — ответил фрязин, — никто напасть на твои земли не собирается. Я врать не буду, ты меня давно знаешь.

— Всё, что может случиться, рано или поздно случается, — наставительно сказал Ягайло. — Не думал, что придётся говорить такие простые вещи убелённому сединами человеку.

Фрязин смутился и, нахмурившись, отошёл в сторону.

— У меня твоё слово против его слова, — продолжал Ягайло. — И кому же из вас мне верить? Но у тебя в доказательство своих слов нет ничего, а то, что говорит Василий, подтверждается сообщениями дозоров, которые много раз видели вокруг Курска чужих всадников, очень похожих на лазутчиков. Один человек из рязанского посольства чуть не умер от раны после встречи с ними. Вот когда ты, Бонавентура, сможешь предо-

ставить, помимо своих слов, хотя бы одно доказательство, тогда будет другой разговор.

На этом всё и закончилось. Я понимал, почему Ягайло больше верит мне, а не храмовнику. И это не только потому, что у меня больше доказательств. Просто сохранность своих владений значила для него больше, чем помощь Мамаю. Конечно, если бы он был убеждён, что крымчаки точно не нападут, он бы без промедления отправился с войском к ордынскому хану. Но, к счастью, мне удалось заронить в его душу сомнение, а рисковать Ягайло не хотел. Не тот сейчас случай.

Что за всадники рыскали тогда по степи, мы так и не узнали. Скорее всего, ордынские разбойники, которые не подчинялись никому и делали только то, что сами считали нужным, вроде Чипиги и его подземных жителей.

А что касается фряжского посольства, то я убедился, что храмовники — частые гости у литовцев и кровно заинтересованы в победе Мамаю над Дмитрием Московским. Поэтому их сильно рассердило решение Ягайла не идти на помощь ордынцам. Видно, русские земли для них как кость в горле — не проглотишь и не выплюнешь. Остаётся только перемолоть. Но это мы ещё посмотрим.

Я вышел, чувствуя спиной сверлящий, тяжёлый взгляд Бонавентуры. Памятливый фрязин оказался. Спросить бы у него про отца, да ясно же, что ничего не ответит, а только сделает удивлённые глаза и рассмеётся в лицо.

Когда я рассказал всё дяде Мише, он сначала задумался, а потом медленно проговорил:

— У Ягайла родной брат с дружиной ушёл служить Дмитрию Московскому. Наверное, князь литовский не хочет с ним в бою встречаться. Хотя кто его знает! У князей же всё не как у людей: порой брат брата из-за трона жизни лишит, и рука не дрогнет.

Глава шестая

ЧУЖИЕ ЛЮДИ

Чтобы литовцы привыкли к нашим поездкам в степь, мы совершали конные прогулки ежедневно, а стреноженных лошадей держали за городскими стенами. Дядя Миша, глядя на мои частые походы к Линасу, только головой покачивал. Однажды сказал, что мне надо бы прекратить отлучки, а то время идёт, и неизвестно, в какой момент придётся бежать. Я и сам знал, что он прав, но ничего поделать с собой не мог.

Каждый раз, когда Аустея подходила ко мне и говорила: «Отец уже, наверное, заждался. Пойдём?», я кивал и, стиснув зубы, шёл за ней. Кирилл понимающе поглядывал на меня, а Юрка бормотал что-то вполголоса и ехидно похихикивал в спину. В лицо что-то сказать он не осмеливался — знал, что за такое можно и по шее получить.

В тот день, когда закончилось наше посольство, мы с Линасом сделали десять крышек для пчели-

ных колод. Считая те, что он сделал сам, и сделанные в другие дни, нам оставалось обновить не больше пятнадцати колод, и я рассчитывал закончить работу во время следующего посещения пчелиного городка. Мы обедали в его хижине припасами, которые Аустея захватила из города. Мёда я, кажется, наелся аж на несколько лет вперёд.

— Завтра последний раз отберу мёд, — говорил Линас, — и всё. Больше нельзя: пчёлам тоже на зиму оставить надо.

— А как же они зимуют? — поинтересовался я.

— Да прямо в колодах и зимуют. Семьи большие, сильные, им любой мороз нипочём.

Он вдруг встал из-за стола и подошёл к окну. Издалека слышалось лошадиное ржание, потом раздались крики и проклятия. Я насторожился: ругались по-русски.

— Кто там?

— Люди какие-то, — ответил Линас, — трое, по виду русские. Откуда они здесь взялись?

— А чего ругаются?

— Пчёлы чужих не любят.

Со двора донёсся громкий крик:

— Эй ты, кто такой, далеко до Курска?

Я похолодел: голос был знакомым. Но знакомым не по курской жизни, а по рязанской. Ничего хорошего это не предвещало.

Линас вышел на улицу и спокойно обратился к всадникам:

— Я Линас, княжеский пчеловод. Как проедете лес — сразу Курск. Не больше версты.

— А как проехать?

Неспроста, ой неспроста этот человек оказался в Курске вместе со мной! Я уже понял, кто это. Это был Иван Шаньга, любимчик княжеского тиуна Григория Капусты.

Я шепнул Линасу:

— Отправь его по кружному пути. Чую я — по мою душу приехал.

Линас едва заметно кивнул.

— Чего молчишь? — надрывался Шаньга. — Отвечай, когда спрашивают!

— Прямо поедешь — пчёлы заедят! — крикнул Линас. — А вправо заберёшь — там версты на четыре подлиннее, зато спокойнее.

Шаньга рявкнул в ответ благодарность, и вскоре всадники скрылись в лесу. Медлить было нельзя. Я подозвал Аустею, которая хлопотала у очага, готовя отцу пищу на вечер.

— Нам надо в город. Как можно быстрее.

— Зачем? — удивилась она. — До вечера ещё далеко.

— Ты должна мне помочь. Кажется, мы в большой опасности.

Её большие светло-голубые глаза расширились от страха, а лицо помрачнело, словно на солнце набежала тучка. Даже медовые волосы, которые всегда так нравились мне, как будто потускнели и выглядели теперь обычными, русыми. Мне стало до того её жалко, что сердце заколотилось

быстро-быстро. Но времени было слишком мало. Возможно, от того, как скоро мы попадём в Курск, зависят жизни дяди Миши, Кирилла и Юрки. Ну и моя, конечно... И мы побежали. Я оглянулся: Линас стоял возле избушки и смотрел нам вслед, махая на прощание рукой.

Так быстро я не бегал никогда. Запыхался — сил нет! Приходилось ведь тащить за руку Аустее. Когда выбежали из леса, пришлось перейти на шаг, чтобы не привлекать внимание солдат, и в городские ворота мы входили уже спокойно, улыбаясь как ни в чем не бывало.

По пути я успел объяснить Аустее, что от неё требовалось. Она, как помощница главной княжеской стряпухи, могла свободно ходить по терему. Если Шаньга приехал к Ягайло, а в этом я не сомневался, то говорить они будут в тереме. И мне очень хотелось знать, о чём именно они будут говорить.

Она убежала на кухню, а я бросился к келье, где жили Кирилл с Юркой. Хотя бы они были на месте! И хотя бы дядя Миша находился где-нибудь поблизости!.. Я отворил дверь и радостно выдохнул: все были в сборе, даже дядя Миша. Они явно о чём-то совещались, и, скорее всего, предметом обсуждения была моя персона, потому что, когда я вошёл, они замолчали и осуждающе взглянули на меня.

Я приложил палец к губам и негромко сказал:
— Тихо, и слушаем меня. В Курск прибыл Иван Шаньга, которому здесь совсем не место.

Думаю, нам надо идти за стены и готовить коней к бегству. Кажется, время пришло.

— Шаньга? — встрепнулся Кирилл. — Этот крохобор?

Похоже, он знал любимца Григория Капусты очень хорошо.

— А это не он ли?.. — начал Юрка и осёкся.

Я понял его недосказанные слова. Наверное, именно Иван Шаньга подслушал ночной разговор Олега с посланником и спешит сообщить об этом великому князю литовскому в надежде на вознаграждение. И понятно, что без разрешения тиуна уехать он не мог. Вот и думайте сами.

— Постой, Василий! — осадил меня дядя Миша. — А если ты ошибаешься? Может, Олег отправил к Ягайле несколько посланников, ведь дорога опасная и на ней легко погибнуть.

— А если не ошибаюсь, — ответил я, — то мы все можем погибнуть не в дороге, а здесь, в Курске. В эту минуту Шаньга уже, наверное, въезжает в городские ворота.

— А как мы узнаем? — пискнул Юрка.

— Подслушаем... Подслушают их разговор, — смутился я. — Но вам лучше выбраться из города заранее.

— Аустея? — спросил дядя Миша.

— Да.

Вскоре мои товарищи покинули терем. Юрка нёс заплечный мешок, в котором, как я знал, находились все целебные травы, которые он успел собрать и засушить за время нашего пребыва-

ния в Курске. Оставалось только надеяться, что стражники на воротах не поинтересуются, зачем ему в степи этот мешок. Они ушли, а я остался. Мне надо точно знать, есть ли опасность.

Ожидание оказалось недолгим. Едва мои товарищи вышли из терема, я услышал возле кельи топот бегущих ног и громкий шёпот:

— Василий! Василий!

На пороге стояла Аустея. По её виду я понял: бежать мне надо прямо сейчас. Она подошла ко мне, уткнулась лбом в плечо и всхлипнула.

— Василий, этот человек... Он сейчас у князя. И он говорит... он говорит, что князь Олег послал вас, чтобы обмануть Ягайло. Тебе надо бежать, да?

Надо ли мне бежать? Не то слово! Мне надо было не бежать, а лететь отсюда как можно скорее. Я взял Аустею под локоть и вывел из кельи. Сейчас мы расстанемся и, скорее всего, никогда больше не встретимся. Мне невыносимо больно было осознавать это, но поделать ничего нельзя: Ягайло обмана не простит.

Мы остановились у порога. Выходить вместе не стоит, иначе, если нас увидят вдвоём, все поймут, кто предупредил нас. Одно дело — ходить вместе к её отцу, и совсем другое — быть рядом во время моего бегства. Аустея прижалась ко мне и грустно посмотрела в глаза снизу вверх. Потом вздохнула и подтолкнула:

— Иди. Иди быстрее.

По её щеке катилась слеза.

Я вышел из терема и быстрым шагом направился в сторону городских ворот. Шагов через тридцать меня как будто тронули за плечо. Я оглянулся: Аустея стояла на пороге и, подняв правую руку, делала в воздухе какой-то жест. Наверное, благословляла по-своему, по-язычески.

На воротах мне попался — как думаете, кто? Тот самый толстый храмовник, Бонавентура. Он так злобно посмотрел на меня, что сердце захолонуло: неужели ему сообщили о нашем обмане? Но нет, видно, ещё не успели. Он отвернулся и сплюнул в дорожную пыль. Я облегчённо выдохнул. Ещё несколько шагов — и вот она, степь! Саженьях в пятидесяти на конях гарцевали дядя Миша, Кирилл и Юрка. Кажется, сбежать у нас получилось. А вот удастся ли убежать от погони?

Глава седьмая ПОГОНЯ

Деревянные стены Курска остались позади. Мы ехали неторопливой рысью, постепенно удаляясь от города.

— Ещё немного, — бормотал дядя Миша, — отойдём подальше и пойдём намётом. Чтобы дозорные не нагнали. Эх!

Я понимал: если не получится скрыться, затеряться в великой степи, то ордынцы, которые

состоят у Ягайла на службе, рано или поздно нас догонят. И скорее всего, рано.

Дядя Миша ударил пятками по бокам коня, и тот пошёл намётом. Мы последовали его примеру, и вскоре стены Курска пропали за горизонтом. До ночи надо было уйти как можно дальше: с каждым пройденным шагом у наших преследователей становилось всё больше сомнений, в какую сторону мы направились, и, стало быть, меньше возможностей найти нас в этой бескрайней степи.

Время от времени дядя Миша останавливался, оборачивался и всматривался в даль, но ничего подозрительного не замечал.

Ближе к вечеру я почти успокоился. Кажется, нас действительно потеряли в степи. А может, Ягайло просто решил не тратить время на нашу поимку? Ему сейчас важнее наверстать упущенное время, торопясь на подмогу Мамаю. Хотя дядя Миша говорил, что ордынцы вполне могут преследовать беглецов три-четыре дня, каким-то непостижимым образом находя в степи их след.

Мы спокойно переночевали на берегу неизвестной речушки, разведя, как обычно, бездымный костёр. А наутро продолжили путь, только коней пустили не намётом — они от этого быстро устают, — а рысью.

Дядя Миша был почему-то обеспокоен, и я слышал, как он тихо пробормотал про себя:

— Ветер с восхода. Нам на руку. Хотя бы не переменялся!

Солнце уже близилось к зениту, и мы думали вскоре остановиться на обед. Вдруг где-то далеко позади нас послышалось ржание. Никто не успел ничего сообразить, как мой и Кириллов кони громко заржали в ответ. Они были из одного табуна. А это значит... Мы все поняли, что это значит. Погоня!.. Но как ордынцы выследили нас в степи? Мы же могли повернуть на полночь или на полдень. С кочевниками нам в степи невозможно состязаться, нет!

У горизонта появилась густая россыпь чёрных точек: преследователей было не меньше двух сотен, и они быстро приближались!

— Дядя Миша, пал! — громко крикнул Кирилл.

Дядя Миша, резко осадив коня, соскочил на землю, вслед за ним спрыгнул и Кирилл, и они стали большими охапками рвать сухую траву, тут же сворачивая её в тугие пучки. Мы с Юркой удивлённо смотрели на них, ничего не понимая.

— Помогайте скорее, если к литовцам попасть не хотите! — приказал Кирилл.

Дядя Миша уже высекал огонь, и до меня наконец дошло, что они собираются делать. Да, только это и могло нас сейчас спасти.

— Выюн, ты запаливаешь на пятьдесят сажень вправо, Кирилл — на сто, я — в другую сторону. А лекарь наш пусть здесь палит.

Ветер с востока усиливался, и теперь я понял, что имел в виду дядя Миша. Ну конечно же! Пла-

мя пойдёт навстречу погоне, и тут уж никаким ордынцам не пройти огненную преграду. Я схватил пылающий пучок травы и бросился вправо, поджигая всё на своём пути. Кроме гари в воздухе пахло сухой степной пылью, полынью, цветами... Мимо, топая хорошими кожаными сапогами, пробежал Кирилл. Успел, выходит, в Курске разжиться обувкой взамен лаптей...

Вскоре мы скакали на восход, а за нашими спинами бушевала стена огня. Степная трава, высушенная нынешним жарким летом, горела хорошо, давая такой сильный жар, что мне сразу вспомнилась отцова кузня. Даже сейчас, когда мы удалились почти на версту, чувствовалось, что за спинами здóрово припекает. Представляю, что же чувствуют ордынцы! Теперь можно не беспокоиться. Если преследователи и пройдут через огонь, догнать нас будет непросто.

Позже я узнал, что ордынцы умеют бороться со степными пожарами. Для этого есть очень простое и действенное средство: они пускают встречный пал. Дело в том, что при горении травы возникает поток воздуха, который устремляется к пламени со всех сторон, и даже направление ветра не может на него оказать почти никакого воздействия. Ордынцы просто поджигают траву со своей стороны, и новый пал устремляется навстречу пожару. Две стены огня, встречаясь, гаснут, потому что в месте их встречи просто нечему становится гореть. Дождавшись, когда земля остынет, ордынцы спокойно проходят безжизнен-

ный участок, лишь закрывая коням ноздри, чтобы они не бесились из-за хлопьев пепла.

Если так, то мне тогда непонятно: почему они перестали нас преследовать? И вижу здесь только два объяснения. Возможно, Ягайло велел гнаться за нами два дня, и когда преследователи увидели, что из-за пожара погоня затянется, то повернули обратно: надо было спешить на помощь Мамаю. А может быть, за то время, что ордынцы гасили степной пожар и ждали, когда можно будет пройти по остывшему пепелищу, мы успели уйти так далеко, что действительно затерялись в степи. Наверное, ордынцы находили беглецов по направлению примятой ими травы, а как травы не стало, они и растерялись. Других объяснений мне на ум не приходило.

Когда я потом вспоминал наше пребывание в Курске, то поражался, насколько удачным для нас было стечение обстоятельств. Сначала появление неизвестных разъездов возле города, что заставило Ягайла поверить нам, а не храмовникам. Потом моё знакомство с Аустеей и частые прогулки к её отцу. И самое главное, встреча Линаса с Иваном Шаньгой, прежде чем тот успел добраться до Курска, что позволило нам бежать, не дожидаясь, пока Ягайло велит взять нас под стражу. Да и само появление Шаньги в Курске спустя почти три седмицы после нашего отъезда — не чудо ли? То ли он долго выехать из Рязани не мог, то ли его кто-то в пути сильно подзадержал? И наконец, удивительное спасение от преследования

конного отряда ордынцев, что я отношу совсем уж к невероятным событиям. Не часто случается такое необычайное везение. И ладно бы просто повезло — как если бы денежку на дороге нашёл. А не нашёл бы — невелика беда. Но тут ведь если бы не везение, то нас давно бы уже не было в живых.

Когда я рассказал о своих соображениях Юрке, тот подумал и изрёк с важным видом:

— Фатум. Судьба то есть. Силы небесные нас охраняют, не пропадём. Кому суждено быть заколотому, тот не сгорит.

— Тьфу ты, типун тебе на язык! Мне и так и эдак не хочется!

Хотел я дать ему по шее, чтобы не умничал, потом передумал. Он всё-таки много хорошего сделал. Считай, Кирилла два раза с того света вытащил.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Глава первая

ПЛЕН

Надо же, как всё обернулось! Сглазил Юрка — про охрану небесных сил-то! А ведь как удачно всё складывалось поначалу!

Ну да ладно, расскажу всё по порядку. После того как мы ушли от погони, дальнейшее путешествие проходило спокойно. Степь казалась пустынной: ни ордынских разъездов, ни русских разбойничков. Наверное, и те и другие спешили на грядущую битву, каждый к своим соплеменникам.

Семь дней мы шли быстрой рысью на восход, потом дядя Миша, покрутив головой по сторонам, сказал, что надо поворачивать на полночь, чтобы выйти где-то возле Тулы. Местность к тому времени изменилась. Стали появляться дубовые, липовые и берёзовые рощи. Дядя Миша хмурился: обзор был слишком небольшим, из-за деревьев

в любой миг могли налететь незаметно подкрававшиеся ордынцы. Одна надежда, что все уже ушли к Мамаю и здесь никто не рыщет.

Схватили нас в тот момент, когда мы расположились на обед. Разъезд ордынцев выскочил из-за ближайшего леса так быстро, что сразу стало понятно, что нам не спастись. В мгновение ока не меньше пятидесяти всадников с натянутыми луками окружили нас.

— Не шевелиться, — громко сказал дядя Миша, — иначе смерть. А так, может, даст Бог, ещё поживём!

Мы застыли на месте. Несколько ордынцев, соскочив с коней, ловко обыскали нас. Сняли с Кирилла лук, отобрали саадак со стрелами, вытащили у всех метательные ножи, хотя они были тщательно спрятаны: у Кирилла, например, за голенищем сапога. Сразу видно, не раз русичей в полон брали — наловчились обыскивать. К нам подъехал ордынец, одетый получше других, спросил по-своему:

— Кто такие, куда идёте?

Всадник рядом с ним, толмач, начал переводить сказанное на русский. Дядя Миша прервал его, сказав по-ордынски:

— Не надо. Я всё понимаю.

Старший ордынец, сохраняя бесстрастное выражение лица, кивнул.

— Мы посланники великого князя рязанского Олега к великому князю литовскому Ягайле. Возвращаемся в Рязань.

Всё правильно, так и надо говорить. Ордынцы не знают, зачем мы ездили к литовцам, а Олега считают союзником.

— Зачем ездили к князю Ягайле?

— Заручиться поддержкой против Дмитрия Московского после битвы. Он не раз разорял рязанские владения.

И это правда, про разорение-то. Эх, князь, князь! И вольно ж вам грызться меж собой, когда есть общий враг! Мне вспомнились песельники-скоморохи, погибшие в Рязани три года назад, и тот поп, кому сильно не нравилось, что люди идут на их представления. Тоже ведь врагами были, ненавидели друг друга, а пришли ордынцы — и стало ясно, кого на самом деле ненавидеть нужно.

Старший ордынец важно задумался, потом спросил:

— А в битве он о том же самом Ягайло попросить не мог?

— Ещё Олег хотел поторопить литовцев, чтобы не задерживались в пути и вовремя успели к сражению.

— Туманны твои речи, урус. Не стал бы Олег отсылать посланников просить Ягайло о том, что тот и так хотел сделать.

— Прости, мурза, но не могу всего сказать тебе. Было ещё одно поручение, но дал я слово, что умру, но никому не открою.

Ордынец нахмурился:

— Мы будем тебя пытаться.

— Не могу сказать, разве что хану Мамаю: от него у Олега тайн нет.

Ордынец снова задумался. Я видел, что, когда дядя Миша обратился к нему «мурза» (это всё равно что «боярин» по-нашему), тот приосанился, лицом построжал, даже глаза как-то величественно заблестели. Как же легко польстить любому маленькому начальнику, обратившись к нему как к начальнику большому! Хотя какой он мурза? Обычный сотник, не больше.

— Хорошо, — сказал наконец он, — мы вас не убьём и не отпустим. Мы берём вас с собой, а там вы расскажете хану Мамаю, для чего Олег посылал вас к Ягайло.

Уф! Как гора с плеч! Значит, казнь отодвинулась и мы направляемся к Мамаю, а там видно будет. Может, по дороге придумаем что-нибудь похожее на правду, чтобы складно соврать хану. Только бы Ягайло не успел к битве. Иначе мы пропали.

Лук и ножи нам не вернули и в сопровождении полутора десятков всадников отправили к главным силам ордынцев. Оказалось, нас выследил передовой дозор крымчаков — их на помощь Мамаю отправляется не меньше тысячи. Да, это были именно крымчаки, те из них, кто не захотел отделяться от волжских ордынцев и остался верен Мамаю. Из разговоров я понял, что живущие в Крыму фрязи из тех, кто пожелал наняться за золото в Мамаево войско, уже давно на месте. А легкоконные кочевники решили

выйти попозже, чтобы поспеть к самому началу сражения.

Мы скакали, окружённые со всех сторон лихими степняками. Хорошо ещё, хоть руки нам не связали и не разлучили. По пути вряд ли удастся сбежать. Да и зачем? Мы пока в безопасности и направляемся в ту же сторону, куда и хотели изначально. А подойдём поближе — там и посмотрим, что делать. Думаю, в суматохе приготовления к битве им будет не до нас. Надеюсь, тогда и появится возможность бежать.

Глава вторая

У ВРАГА

Крымская тысяча шла ходко, куда быстрее, чем мы до встречи с ними. Кони у них, что ли, как-то по-особенному выучены или навык такой? Наверное, и то и другое. Слышал я, многие наши перенимают у ордынцев искусство верховой езды. Когда наших умельцев станет много, степнякам несдобровать. В пешей схватке им далеко до нас, про осаду крепостей я уж не говорю. Только и осталось у них что отменная конница.

Тысяча останавливалась на ночлег с закатом солнца, поднималась с восходом. Обеда не было, только завтрак и ужин. Питались крымчаки в основном мясом или молоком. На каждой стоянке воины доили кобылиц, для чего гнали с собой целый табун. Иногда резали лошадей, но чаще

ели солёное подсушенное мясо, которое было у многих в седельных сумках. Как-то раз я видел, что воины едят какие-то небольшие белые шарики. Попробовал — оказалось, это такой очень солёный сухой сыр из молока коз или овец, лёгкий и сытный. Обычно его размачивали в свежем молоке или воде, но иногда просто держали во рту, постепенно отгрызая небольшие кусочки. Такая пища для похода — самое оно! Готовить не надо, и везти не тяжело, и не портится. А то, что однообразная, — так в походе не до разносолов.

Скачка продолжалось три дня. На утро четвёртого нам встретилась сотня ордынских всадников — дозор главных сил Мамаё, стоящих где-то неподалёку.

А к вечеру мы наконец добрались и до ставки ордынского хана. Перед нашими глазами раскинулось обширное пространство, занятое многочисленным ордынским войском. У меня аж дух захватило: их было слишком много! Если они придут на Русь, будет много крови.

Какой-то ордынец, судя по одежде и дорогим изукрашенным латам, приближённый хана, указал, в каком месте расположиться прибывшим воинам, а тысячнику велел ехать к Мамаю. У меня появилась слабая надежда, что про нас забудут, но не тут-то было. Дядя Миша, которого ордынцы считали за посланника, отправился вместе с тысячником, а нас под усиленной охраной оставили на месте.

Удастся ли дяде Мише убедить Мамаю, что мы действительно выполняли тайное поручение Олега? Да только о его настоящем содержании Мамаю лучше не знать. Иначе наше пребывание в ордынской ставке будет слишком коротким. Я вспомнил, что рассказывал Варсонофий о казни в Орде вражеских лазутчиков, и поёжился. Нет, разрывание на части конями мне не нравится, да и «смерть без пролития крови» тоже. Последний способ казни заключался в том, что приговорённого сгибали, притягивая голову к пяткам до тех пор, пока не ломался позвоночник. Да что там говорить! Мне не по душе и более «простые» способы лишения жизни вроде удара саблей, стрелы из лука или обычного повешения. Мне никакие способы не нравились.

Ждать дядю Мишу пришлось долго. Я уж и не знал, что думать. С одной стороны, если б Мамай сразу ему не поверил, то уже приказал бы нас пытать и казнить, а раз этого не происходит, то, значит, он просто расспрашивает о литовцах. С другой стороны, а чего там долго расспрашивать? Если дядя Миша всё ещё не вернулся и нас не приказали отпустить, значит, у Мамаю есть какие-то сомнения?

Устав от предположений, я решил просто ждать, чем всё закончится. Прилёг на сухую степную траву, подложил руки под голову и... уснул. Да, уснул. Сказалось напряжение последних дней: бегство из Курска и тяжёлые конные переходы. И спал так крепко, что не проснулся даже тогда,

когда вернувшийся дядя Миша вместе с Кириллом перекладывали меня на ложе из травы, которую нарвали неподалёку...

Как оказалось, дядя Миша ловко обманул Мамаю, рассказав ему, что посланы мы к Ягайло, чтобы разведать, собирается ли тот идти на помощь к ордынцам, и, по возможности, склонить его к этому. Потому как до Олега дошли сведения, что литовский князь решил не участвовать в битве. Он якобы откуда-то узнал, что на его владения собираются напасть крымчаки, поэтому и решил оставаться в Курске. А почему он так решил, неизвестно. Ясно одно: ждать его войска на подмогу не следует.

Здóрово всё-таки дядя Миша придумал! И нас выгородил, и убедил Мамаю, что литовцев можно не дожидаться! Теперь у нас главная забота: чтобы литовцы слишком быстро не подошли. Убежать не удастся: вмиг догонят. Разве что попробовать затеряться среди многочисленного войска и ждать подходящего случая? А может, сказать Мамаю, что нам надо срочно вернуться в Рязань?

Когда я посоветовал это дяде Мише, тот грустно покачал головой:

— Я сразу ему это предложил. Да только он говорит, что Олег всё равно обещал подойти к нему с дружиной. Там, дескать, и скажете всё. Олег, конечно, не подойдёт, но и нам настаивать на своём не с руки: могут что-то заподозрить.

Вынужденный согласиться с дядей Мишей, я слонялся по ордынской ставке без дела. Считать воинов было бессмысленно: всё равно до битвы ничего сообщить ни Олегу, ни Дмитрию Московскому мы не сможем.

Моё внимание привлёк большой отряд воинов, резко отличающийся от конных степняков. Они были одеты в короткие кожаные кафтаны коричневого, серого или зелёного цвета, поверх которых некоторые надевали латы. На головах — горшкообразные шлемы, на поясе — короткий меч и кинжал, но, самое главное, у них были при себе арбалеты! Да-а-а, насколько сильно бьёт это оружие, я уже знал. Тяжело нашим придётся, пока не приблизятся к врагам вплотную. Наверное, это и были те самые крымские фрязи, о которых я слышал в Курске.

Когда я подошёл к ним, они как раз показывали своё ратное мастерство. Полсотни солдат выстроились в пять рядов, зарядив арбалеты. В тридцати — сорока саженях были установлены грубо сколоченные щиты из толстых досок. (И где только взяли среди степи — в обозе, что ли, везли?) Вокруг столпилось множество ордынцев, желающих посмотреть, как бьёт доселе невиданное ими оружие.

По команде старшего первые арбалетчики одновременно спустили тетиву, тут же отступив назад, давая место второму ряду. Трен-н-нь! Второй выстрел — и солдаты снова отошли в промежутки между стоящими позади них товарища-

ми, опуская арбалеты дугой вниз, чтобы, вращая двумя вóротами, наподобие колодезных, натянуть тетиву.

Тут я подметил, что их арбалеты по устройству отличаются от литовских. У тех тетива натягивалась с помощью рычага, а у этих — двумя вращающимися рукоятками. Когда последний, пятый, ряд выпустил болты, первый уже натянул тетиву и изготовился для стрельбы. Всё можно было начинать сначала!

Открыв рот, смотрел я на действия арбалетчиков. Похоже, не зря Мамай пригласил их себе в войско. Такие воины могут нанести врагу очень большой урон. Их самих можно поразить только в ближнем бою, а чтобы они причинили меньше вреда, нужна конница, которая опрокинет стройные ряды стрелков и не даст им времени на перезарядку своего смертоносного оружия.

Когда стрельба закончилась, все побежали к щитам. Позади шли невозмутимые арбалетчики. Вспоминая литовских солдат, я-то уже знал, что мы увидим, а для ордынцев это было в диковинку. Они радостно гомонили вокруг щитов, пробитых тяжёлыми болтами насквозь. На таком расстоянии их луки оказались бы бессильными. И ещё, кажется, они были восхищены той ловкостью, с которой арбалетчики перестраивались, обеспечивая непрерывность стрельбы. Надо признать, союзник у них был сильный.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Теперь, когда ордынцы поверили нам полностью, мы могли не только свободно бродить по всей ставке, но и выходить за её пределы. Правда, о бегстве можно было не думать, если, конечно, мы не торопимся на тот свет. Воспользовавшись предоставленной свободой, я два дня ходил по ордынскому стану: мне было интересно всё, что касалось вражеских войск. Да и себя надо чем-то занять, так как делать было совсем нечего.

Ордынские воины, как я заметил, отличаются неприхотливостью. У них только хан, темники и тысячники ночевали в шатрах, остальные же — прямо под открытым небом. Чтобы не замёрзнуть прохладными ночами, они приказывали своим коням лечь на траву, а сами спали, прислонившись боком или спиной к тёплому конскому брюху. Во всём Мамаевом войске из простых воинов лишь арбалетчики имели шатры, которые возвышались над степью, на самом краю ордынской ставки. Всего их было двенадцать, и каждый, по моим подсчётам, вмещал не меньше сотни солдат. Если так, то тысяча двести арбалетчиков, превосходно вооружённых и обученных, могли нанести рати Дмитрия Московского большой урон.

И вот однажды, разгуливая между фряжскими шатрами, я услышал разговор за матерчатой стенкой. В этом, конечно, ничего необычного не было, и я не обратил бы на него внимания, если

бы не разговаривали по-латыни! То есть, как я понимаю, беседующие хотели скрыть смысл сказанного от своих соотечественников — простых солдат, если те вдруг окажутся поблизости. Фряжский язык, конечно, здорово похож на латынь, но всё равно, когда говорят быстро, ничего понять невозможно. А солдаты конечно же латынь не изучали. Я остановился возле шатра и, стараясь сдерживать дыхание, стал вслушиваться в разговор.

— Брат шевалье, солдаты не знают, для чего они здесь. Зреет недовольство.

— Разве этот варвар Мамай мало им обещал?

— Они говорят, что, воюя против Византии или турок, они имели бы больше денег.

— Им обещана большая награда в случае победы.

— Да, но они считают, что этого недостаточно за такой большой риск. Брат шевалье, не забывай, что в наш отряд собрано человеческое отребье со всей Италии. Они готовы покинуть своего сюзерена в любой момент, когда им будет выгодно.

— Они солдаты, им платят за риск.

— Да, но...

— Хорошо! — недовольно перебил собеседника тот, кого называли «брат шевалье». — Скажи им, что в случае победы получают от меня столько же, сколько им обещал Мамай.

— Думаю, они обрадуются, и больше волнений не будет.

— Это всё?

— Всё, что касается солдат.

— Что ещё?

— Брат шевалье, мне тоже неясно, для чего мы здесь. То, что не для денег, — понятно. Иначе ты не платил бы им из своего кармана.

— Сержант, я отвечу только потому, что давно знаю тебя как человека, беззаветно преданного ордену рыцарей Храма Соломонова — ты много раз доказывал это. За день или два до сражения это можно сделать. Видишь ли, Мамай сейчас нуждается в большой поддержке. Многие не признают его за верховного правителя всей Орды. Одержав с нашей помощью победу в жестокой битве, он упрочит своё положение и будет благодарен нам за это.

— Я понимаю, брат шевалье.

— Магометанская вера ещё не укоренилась в этом диком народе, так как была насильно введена меньше семидесяти лет назад. А ранее одни племена кочевников были язычниками, другие — мусульманами, а некоторые — христианами несторианского вероисповедания¹. И память об этом ещё сильна. Мы всего лишь поправим ошибку истории. Воины не так усердны в вере, как

---

¹ Несторианское вероисповедание — одно из направлений христианства. После осуждения его на Третьем Вселенском соборе в 431 г. несторианские проповедники направили свои миссионерские усилия на Кавказ и в Центральную Азию. Одно из монгольских племён — кераиты — приняли несторианство в 1009 г.

муллы. После победы мы постепенно склоним Мамая к принятию нашей веры, говоря, что это всего лишь возврат к старой несторианской религии. Народ примет, а несогласные поплатятся за упорство жизнью. И вот когда это произойдёт, власть ордена в здешних краях станет безграничной. Мы стремимся склонить на нашу сторону не только Мамая, но и этого язычника Ягайло, литовского князя. Сейчас к нему отправился брат шевалье Бонаventura, ты должен его знать.

— Да, я слышал о нём, но лично незнаком. Брат шевалье, самостоятельно нам власть не удержать. На помощь и защиту папского престола можно не рассчитывать, а у нас слишком мало сил, чтобы сохранить завоёванное.

— Власть ордена не будет явной. Для Рима эта земля станет самым восточным диоцезом¹, но на деле всю полноту власти будем осуществлять мы — рыцари Храма Соломонова. Здешние кочевники достаточно воинственны, чтобы обеспечить с нашей помощью надёжную защиту Кресту. Вспомни тех степняков, которые под давлением монголов ушли в Европу и там приняли христианство, став надёжными воинами венгерского короля и византийского императора.

— Но самое главное, согласится ли на это Мамай?

---

¹ Д и о ц е з — административно-церковная единица в католицизме, аналогичная епархии в православии (*лат.*).

— У него крайне ограничен простор для манёвра. В личной беседе он дал понять, что не будет против такого развития событий, предоставив нам свободу действий. Дело за орденом.

— А если он...

— Если он откажется от своего слова, то, потеряв нашу поддержку, скорее всего, будет растерзан другими претендентами на ордынский престол. Но он не откажется. Он умный человек и очень любит власть.

— Это грандиозный план. Но осуществим ли он на деле?

— Во всяком случае, рыцари Храма приложат все усилия, чтобы он воплотился в жизнь. И предстоящая битва — важная веха на пути его осуществления.

Я слушал и не верил своим ушам. Выходит, то, что мы с Варсонофием предполагали в Рязани, — правда. Все кусочки мозаики стали складываться в цельную картину. Выходит, храмовники уже давно обхаживают Мамая, пытаясь заручиться его поддержкой. И не только Мамая, но и Ягайло, стараясь привлечь на свою сторону всех, кого только возможно. Интересно, есть ли их сторонники в Рязани? Тут я почему-то сразу вспомнил Григория Капусту и его помощника Ивана Шаньгу, который явно не по собственной прихоти отправился к Ягайле с доносом.

А разговор в шатре меж тем продолжался.

— Почему бы тебе, брат шевалье, не привлечь под знамёна ордена русских?

— Пытаемся, — в голосе рыцаря явно слышалось сожаление, — но, увы, восточное христианство слишком укоренилось в этом народе, и работа наших эмиссаров сильно затруднена. Все влиятельные люди русских княжеств упорствуют в своём заблуждении, а те, кого нам удалось привлечь на свою сторону, не пользуются большим влиянием и действуют исключительно за деньги, готовые предать нас в любой момент. Это крайне зыбкий и подлый человеческий материал, положиться на который нельзя... Впрочем, сержант, мы слишком много говорим. Нам надо держать язык за зубами.

— Нам нечего опасаться, брат шевалье. Здешние дикари не знают никаких языков, кроме родного. А их пасторы — ещё только арабский. Латынь им неизвестна.

— А эти русские, которых вчера привели наши крымские друзья?

— Вряд ли кто-то из них знает латынь. По их обычаям они скорее выучат греческий, но я сильно сомневаюсь, что эти воины владеют хотя бы греческим. Скорее всего, тоже только родным. Даже если кто-то из них и знает латынь, не думаешь ли ты, что они из всего обширного лагеря выбрали именно этот шатёр и сейчас стоят рядом, подслушивая? Это слишком невероятно.

— Я знаю, что всё невероятное вполне может случиться. Не забывай, это не простые воины, а посланники. Почему бы им знать не только греческий, но и латынь? Поэтому, чтобы сохранить

наши намерения в тайне, лучше предпринять все меры предосторожности. Осмотри всё вокруг.

Я осторожно отступил от шатра и бросился бежать. Рядом с шатрами стоял обоз ордынского войска. Вскоре я затерялся среди нескольких сотен повозок — целого города!

Здесь со всех сторон слышались шорохи, вздохи и чавканье: в ордынском обозе было много баранов и лошадей, мясом и молоком которых воины питались. Считая, что достаточно удалился от стоянки арбалетчиков, я прислонился спиной к дощатой стенке высокой повозки с четырьмя огромными колёсами. Доски доходили до половины её высоты, а верх был затянут плотной тканью, которая хорошо предохраняла от дождя.

Отдышавшись после бегства и волнения, я уже собирался выбираться отсюда к своим, как вдруг неподалёку что-то звякнуло. Я огляделся: звук доносился из повозки. Там явно кто-то был. Интересно, кто? То, что это не воин, было понятно сразу. Матерчатый полог колыхнулся и отошёл в сторону. На землю, звеня длинными цепями, спрыгнул какой-то человек, заросший волосами. Я испуганно отпрянул в сторону.

Борода его доходила почти до пояса, а длинные седеющие космы давно не знали гребня. Цепи тянулись от ног человека внутрь повозки: он был прикован! Широко раскрыв глаза, смотрел я на него. За что ему такое наказание? Как бы ни была велика вина, но такое... Этого я понять не мог.

Человек внимательно глядел на меня, кажется сияясь что-то вспомнить. Затем спокойно произнёс до боли знакомым и родным голосом:

— Ну, здравствуй, сынок! Вот как нам довелось увидеться.

Отец! Теперь я узнал его. Но это же невероятно! Я бросился в его объятия, не замечая, что плачу. Сколько мы так простояли, не знаю. Когда я поднял глаза, то увидел, что отец тоже плачет. Слёзы, стекая по его лицу, оставляли узкие блестящие дорожки.

Но... стоп! Благоразумие, которое все эти годы воспитывал у меня Варсонофий, взяло верх. Сейчас все мы в опасности. А если ордынцы узнают, что их пленник — мой отец, боюсь, что мне придётся разделить его участь. Или, в лучшем случае, к нему приставят сильную охрану, и у нас не будет возможности даже поговорить. А пока они этого не знают, я могу освободить его, когда начнётся битва, и мы сбежим.

— Отец, нам сейчас опасно говорить. Но я сделаю для тебя всё, что смогу, и даже больше. Скажи, как тебя кормят? Тебе надо что-нибудь?

— Спасибо, сынок. Я им всякую железную работу делаю. Поэтому кормят сытно, чтобы не ослабел.

— Можно снять оковы?

— Можно. Их мне в Сарае наложили, да ковал свой человек. Заклёпки слабые, едва держатся. Инструмент в соседней повозке. Нужен молот и шкворень. Пара ударов — и оков как не

бывало. Да только делать этого сейчас не надо: лучше выждать. Во время битвы и сбежим. Ты-то как тут оказался?

— Долго рассказывать, отец. Я могу свободно ходить по ставке. Когда начнётся сражение, я тебя освобожу. Лучше ты сам расскажи, как здесь оказался.

— Помнишь, пять лет назад ордынцы налетели на наше село? Это тот фрязин-толмач их привёл, думал, что они меня ему отдадут. Да только обманули его ордынцы. Как узнали, что я хороший кузнец, решили себе оставить: они тоже мастеров ценят. Хотели, чтобы я им оружие ковал. Да только я отказался, вот и... Пять лет так в цепях и проходил. А как узнал, что Мамай собирается на битву с Дмитрием Московским, сделал вид, что согласился. Они меня с собой и взяли, да только расковырять пока остерегаются. Сейчас одна надежда — на нашу победу.

— Что бы ни случилось, я всё равно тебя освобожу. А пока не надо никому знать, что ты мой отец. Я всё приготавливаю.

— Ступай, сынок. Я буду ждать.

Глава четвёртая

ПОДГОТОВКА К БЕГСТВУ

Когда я рассказал, что встретил отца, Юрка радостно запищал что-то и полез обниматься, Кирилл улыбнулся, а дядя Миша сказал:

— Хорошо, хоть коней нам оставили. Иван — хороший наездник. Помню по прошлым годам. Немало вёрст вместе верхами пройдено.

— Ещё один конь нужен для него.

— Добудем. Как только стемнеет, добудем. Жаль, не знаем, откуда наши подойдут — с полуночи или восхода.

— Дядя Миша, на полночь бежать — самое верное, — вмешался Кирилл. — Тут, кажется, Тула совсем недалеко. Авось да попадём на наших.

— Если б я на авось надеялся, — назидательно сказал дядя Миша, — до своих лет не дожил бы. Хорошо, если получится у ордынцев коня увести, а если нет, кому-то надо будет вдвоём на одного сесть. Вы, Василий с Юркой, самые лёгкие, вы и сядете. Поскачем в сторону от наших.

— Почему? — удивился я.

— Там ордынских разъездов не будет. Отойдём подальше, а потом повернём на полночь. А может, Бог даст, всё и удачно сложится. Тогда наши сами сюда придут.

— Получится ли коня увести? — мрачно спросил Кирилл.

— У ордынцев, по их обычаю, по два-три коня на каждого. А воевать-то они будут на одном. Свободные ходят табуном где-то неподалёку. Там и возьмём. Теперь только остаётся ждать, когда битву объявят. И будем надеяться, что литовцы не успеют подойти.

Нищему собраться — только подпоясаться. Так и нам сейчас. Стреноженные кони пасутся неподалёку — отдохнувшие, сытые. Из имущества — метательные ножи, у Кирилла — лук со стрелами (оружие нам вернули), у Юрки — торба со всякими лекарскими припасами. Мы не стали говорить ордынцам о его талантах — чего доброго, решат, что он должен лечить их воинов, раненных в сражении. Уведут куда-нибудь — ищи его потом.

Ордынцы, конечно, покопались в наших вещах. Один очень важный вельможа залез в Юркину торбу и поинтересовался её содержимым. Тот, не зная их языка, как мог, жестами объяснил, что эту травку заваривают кипятком, настаивают и пьют. При этом он поглаживал рукой живот и закатывал глаза, изображая лицом блаженство. Ордынец протянул: «О-о-о, тцай-е!», понимая, что это закивал и отобрал у него самый большой кисет, покровительственно похлопав по плечу: мол, собирай ещё, я потом зайду.

На следующий день этот ордынец всё время зевал, клевал носом, один раз даже чуть не свалился с коня. Оказывается, отобрал он сбор из страстоцвета, пустырника и травки, имени которой на русском я не знаю, а по-латыни Юрка назвал её *Valeriana*. Сбор этот применяется при

---

¹ Тцай-е — «чай» на одном из китайских диалектов. Ордынский вельможа употребил знакомое ему китайское название напитка. В то время на Руси и в Европе употребление чая ещё не было распространено.

бессоннице. Глупый ордынец напился отвара, а потом целый день ему жутко хотелось спать. Самое смешное, что он так и не понял, что с ним, а Юрка только невинно хлопал глазами: мол, я не я и лошадь не моя. Правда, самые нужные снадобья — кровь останавливать, кости сращивать или ожоги лечить — ордынец не отобрал. И на том спасибо.

На нас никто не обращал внимания. Кирилл куда-то исчез, но к вечеру вернулся, неся три небольших ордынских лука с саадаками, полными стрел. И со словами: «Не будут оружие разбрасывать» — раздал нам. Когда мы стали расспрашивать откуда, лишь улыбался в ответ. Только сказал с сожалением, что мечи достать не удалось, да и без сноровки кривыми ордынскими мечами рубиться трудно. Из нас, пожалуй, только дядя Миша и сможет.

Когда солнце уже клонилось к закату, в ордынской ставке началось оживление. Проскакали к ханскому шатру темники и тысячники, туда же чинно прошествовал начальник арбалетчиков. Простые воины проверяли натяжку луков, некоторые затачивали мечи.

— Кажется, утром начнётся, — заметил дядя Миша, — сейчас нам бы самое время скрыться, чтобы глаза им не мозолить. Не ровён час, вспомнят про нас.

— И что тогда? — спросил Кирилл.

— Олег-то не пришёл, — ответил дядя Миша. — Или заставят с ними в строй встать, или

оставят под охраной до окончания сражения, или...

Он не договорил, чем может обернуться для нас третье «или», но и так было ясно, что оно нас не устраивает, так же как и первые два.

Но скрыться не получилось. Вдруг рядом мягко затопали по земле копыта, и десять конных всадников окружили нас.

— К Мамаю! — приказал сурового вида десятник. Его внимательные глаза смотрели недоверчиво, а рука лежала на рукояти меча.

Это надо же, какой памятный хан оказался! Ему бы войско к битве готовить, а он про нас, своих многострадальных пленников, вспомнил.

Когда нас привели к Мамаю, тот выглядел мрачным и встревоженным.

— Завтра сражение, — обратился он к дяде Мише. — Дмитрий Московский уже перешёл на этот берег Дона, а Олег со своим войском не появился. Что скажешь?

— Я уверен, что он совсем рядом. Олег верен своим обязательствам. Через день или два он будет здесь.

— У меня нет времени, чтобы его ждать. Сражение будет завтра. Нет ни Олега, ни Ягайло.

— Зато у тебя есть арбалетчики. Поверь, это очень сильные воины. Я повидал в жизни много, но таких солдат встречаю впервые.

Хитрил дядя Миша, ой хитрил! Не встречал он воинов лучше, видите ли! Так я ему и поверил. Прекрасно он видел как сильные, так и слабые

стороны фряжских арбалетчиков. Наверняка хотел избавиться от подозрительности Мамай. Да только получится ли?

— У меня нет Ягайло и Олега. И это меня удивляет и огорчает, — повторил Мамай.

— Если ты нам не доверяешь, мы завтра встанем в строй вместе с твоими воинами, — предложил дядя Миша, — и на деле докажем, что Олег — твой союзник.

Мамай задумался. Было видно, что в нём борются сомнения. Наконец он сказал:

— Хорошо. Пусть будет так. Вы вдвоём будете сражаться, а эти, — он указал на нас с Юркой, — пусть сидят в обозе. Завтра к вечеру станет ясно, говорите вы правду или обманываете. И тогда я решу, что с вами делать. А пока отдыхайте, готовьтесь к битве.

Уф! У меня — как гора с плеч. Всё уж в голове перебрал — от немедленной казни до заковывания в цепи, как отца. Но беда пока миновала. Видно, прав был Юрка, когда говорил, что силы небесные нас охраняют. Фатум, чтоб ему ни дна ни покрывки! Скоро ночь, а утром — ищи нас свищи!

После захода солнца сильно похолодало. Утром, наверное, туман будет, нам это на руку. Осень, как-никак, вересень¹ на дворе. Хотя какой тут двор? Степь кругом да дубравы нечастые.

В эту ночь нам точно не спать.

---

¹ В е р е с ё н ь — сентябрь.

Глава пятая

ОСВОБОЖДЕНИЕ

К ночи ставка уgomонилась. Кое-где ещё горели костры, возле которых сидели дозорные. Когда совсем стемнело, мы стали осторожно пробираться к обозу. Это ведь тоже не просто так: встали и пошли. Идти надо медленно, спокойно, не привлекая внимания сторожей. На наше счастье, туман решил не дожидаться утра и начал собираться сразу же после заката. Ставку окутали плотные белёсые клубы, словно это не туман, а дым, какой бывает, если в костёр кинуть свежескошенную траву. Такой густой, что его, кажется, даже руками потрогать можно. Скоро уже за десять сажений ничего не было видно, только молочная мгла вокруг.

Мы осторожно прошли мимо шатров, где спали арбалетчики. Они, дурни, даже охрану не выставили! Или надеются, что в ордынской ставке им ничего не грозит? Вскоре показались повозки ордынского обоза. И только тут я сообразил: а как же мне найти, в какой из них находится отец? Они похожи друг на друга, как близнецы. Не кричать же мне, в самом деле: «Отец, ты где, мы идём тебя освобождать!»?

Та-ак... Спокойно, Вьон, спокойно! Я пришёл со стороны, где стоят шатры. Значит, протиснулся между вот этими двумя кибитками. Затем прошёл мимо длинной крытой повозки. Надеюсь, их за день не переставляли? Я шёл, с трудом находя

путь в тумане. Где же эта повозка, где? Не хватало ещё сейчас, когда всё так удачно складывается, из-за глупой случайности отказаться от побега!

Кажется, я узнаю вот эту повозку — она стояла совсем недалеко от той, к которой прикован отец. Сейчас, сейчас мы освободим его.

— Шайтан!

Восклицание прозвучало так близко и так внезапно, что я оцепенел. Неужто ордынцы нас раскусили и это засада? Но нет, вокруг снова всё тихо. Получается, на ночь к отцу выставляют охрану? Или только сейчас выставили? Скорее всего, именно так, иначе он бы мне сказал. Это сильно осложняет дело. Интересно, сколько охранников? Если один, то дядя Миша и Кирилл легко его снимут, а если больше, то схватки не миновать, а шум нам ни к чему. Как бы отвечая на мой мысленный вопрос, послышался тихий разговор. Значит, сторожей не меньше двух, не будет же один сам с собой разговаривать. Я прислушался.

— Ты что кричишь?

— Да ударился ногой о колесо. Теперь хромоть буду.

— И чего это темнику вздумалось нас в ночь сюда выставить? Завтра сражение, как мы воевать будем невыспавшимися?

— Да помолчи ты! Может, про нас и не вспомнят. Ханское поручение это. Что воевать, что охранять — какая разница? Плата всё равно одна. Уж лучше здесь, чем там.

— Кого охраняем?

— Не знаю. Какая нам разница? Ты, главное, охраняй.

Они замолкли. Так, всё понятно. Освободить отца быстро не получится. Что же делать? Это надо обсудить.

Мы, стараясь не шуметь, отошли от сторожей, чтобы наши голоса не были им слышны.

— Дядя Миша, что же делать? — в отчаянии спросил я.

— Сейчас подумаем, решим.

— Давайте я один с обоими справлюсь, — предложил Кирилл.

— Нет, это не годится. Хотя их всего двое, кто знает, не успеют ли они поднять шум? Тогда точно всё пропало.

— А может... — неуверенно сказал Юрка и замолчал.

— Что, Юрка, что?

Мы с надеждой смотрели на нашего лекаря. Он хотя и безалаберный и к воинской жизни не приспособленный, однако голова у него, когда надо, работает хорошо.

— У меня тот ненормальный не весь сонный сбор отобрал. Осталось ещё немного. На двоих точно хватит.

Кирилл восхищённо посмотрел на Юрку:

— Ну, малец, ты даёшь! Не малец, а молодец!

— Как можно их этим напоить? — спросил дядя Миша.

— Приготовить варево быстро, — ответил Юрка, — нужен только костёр да плошка. Отнесём его им в туеске. У меня есть.

— Возвращаемся к кострам! — приказал дядя Миша.

Приготовить питьё оказалось делом нехитрым. У едва горящего костра сидели двое полусонных сторожей. Один тянул какую-то заунывную песню. Кажется, он был не ордынского рода, потому что я не понял ни слова. Видно, много разных народов собрал Мамай под своими бунчуками.

Дозорные не возражали, чтобы мы подкинули дров и что-то сварили. Юрка, старательно пыхтя, часто окунал в варево палец и облизывал его, пробуя готовность зелья, время от времени подкидывая в плошку разные травки, пока вода не закипела. Наконец он остался доволен и велел мне перелить бурлящее снадобье в туесок, который был сплетён из плотно подогнанных кусков берёсты и не пропускал воду.

— Теперь надо остудить, и всё, — сказал он.

— Долго остужать-то?

— Нет. Так, чтобы было горячее, но пить можно.

— Пока дойдём до обоза, остынет.

— Тогда пошли.

Под каким предлогом заставить сторожей выпить Юркино зелье, я даже не задумывался. Просто подойду и объявлю, что это тысячник велел им передать, чтобы они не замёрзли и не заснули на посту.

Наверное, нам лучше идти вдвоём. У Юрки вид жалкий, пришибленный, такому скорее поверят. Правда, когда я ему об этом сказал, он, кажется, обиделся. Ну ничего, извиняться потом будем, когда приключения закончатся. Так ему и скажу: «Юрка, извини, что я тебя так назвал. На самом деле ты не жалкий, а очень смелый и геройский человек». Но сейчас не время говорить об этом, сейчас надо побыстрее бежать отсюда, пока не рассвело.

Уже стояла глубокая ночь. Вся ордынская ставка, кроме охраны, спала крепким сном. Дядя Миша и Кирилл остались у первых повозок, а мы с Юркой прошли вперёд, негромко окрикивая сторожей. Вернее, окрикивал я, потому что Юрка их языка не знал. Наконец из темноты выступил один из них. Один! Куда же второй-то подевался?

— Вот, тысячник прислал, — сказал я.

Юрка протянул ему туесок.

— Что это? — удивился ордынец.

— Это чтобы вам ночью не было холодно и чтобы не заснули.

— А точно ли тысячник прислал? — недоверчиво спросил он.

— Ты хочешь, чтобы он лично повторил своё распоряжение? Я сейчас схожу за ним.

— Нет-нет! — испуганно вскрикнул сторож и потянулся за туеском.

— Погоди, а где второй? Тут вам на двоих дали.

Он повернулся куда-то в сторону и закричал:

— Эй, сын шайтана, иди сюда!

Эх, что же он так орёт-то? Не дай бог, кто услышит. Но одёргивать его я, конечно, не стал. Ещё заподозрит что-нибудь.

Невдалеке послышалось недовольное бормотание, и из-за ближайшей повозки вышел второй сторож. Он тоже не возражал против того, чтобы погреться горячим питьём нынешней холодной ночью. Туесок они опорожнили, честно поделив содержимое пополам.

Пожелав им не мёрзнуть, мы пошли в сторону шатров, в которых спали арбалетчики. По пути я спросил Юрку:

— Сколько ждать-то, пока эти уснут?

— Да я сильное зелье сварил, — ответил наш лекарь, — быстро должны свалиться.

Пока сон сморит стражников, мы решили дожидаться, не отходя далеко. Прошло совсем немного времени, и они захрапели. Такого смачного, рыкающего и ревущего храпа мне не доводилось слышать ни разу в жизни! Я даже испугался, что они разбудят кого-нибудь из арбалетчиков и наш план сорвётся. Надо было торопиться.

Отец слышал весь наш разговор с его сторожами, потому что спящим лишь притворялся. Когда я подошёл к фургону и окликнул отца, он сразу отозвался громким шёпотом:

— Здесь я, сынок! Инструменты в соседней повозке. Неси молот и шкворень.

Я вспомнил, как когда-то давно, в детстве, не мог кузнечный молот даже оторвать от земли.

Теперь сделать это было проще простого: я мог свободно им махать и, думаю, окажись я на месте отца в кузне, сумел бы ковать самостоятельно.

— Ты чего возишься? — слышался у меня над ухом шёпот Кирилла. — Давай скорее, бежать пора.

Он взял у меня молот со шкворнем и подошёл к отцу, который уже стоял возле своей повозки, поправляя кандалы так, чтобы было удобнее их сбивать. Кирилл встал на одно колено и двумя ловкими ударами сбил оковы сначала с одной ноги, потом с другой. Хорошо ещё, туман сильно приглушает звуки, и, скорее всего, за пределами обоза ничего слышно не было. Во всяком случае, этот звук был гораздо тише, чем раскаты богатырского храпа, раздававшиеся из-за глоток нерадивых сторожей. От этих раскатов, кажется, даже колыхались матерчатые стенки повозок.

Вскоре мы уже пробирались через обоз, ведя коней под уздцы. Дядя Миша ещё с вечера велел отвести их поближе к открытой степи, чтобы сейчас, ночью, меньше бродить по ставке, рискуя вызывать вопросы стражников: чего это нам не спится перед битвой? Жаль только, что нам не известно о конных разъездах, охраняющих ставку ночью. Но тут уж ничего не поделаешь. Остаётся лишь надеяться на то, что силы небесные, или фатум, как говорит Юрка, нас по-прежнему не оставят.

Вскоре последние повозки остались позади. Мы вышли в степь. Туман, по-моему, стал ещё гуще: он напоминал теперь молоко, и мне даже

показалось, что через него приходится продираться, как сквозь воду, — с усилием.

— Отойдём на версту, — негромко сказал дядя Миша, — потом в сёдла.

Мы ступали осторожно, стараясь производить поменьше шума. Знаете, как ходить беззвучно? Для этого надо ставить ногу на пятку, а потом как бы перекачиваться на носок. Это, конечно, не сразу получится, но если освоите бесшумный ход, то можно и в лесу, где на земле полно веток, ходить так, что вас даже звери не услышат. Ну и обувь надо особую. Вот лапоточки мои подходят для этого очень хорошо. А если сапоги, то у них должна быть мягкая, гибкая подошва. Как у Кирилла сейчас.

Так мы шли довольно долго. Наконец дядя Миша сказал:

— Всё, кажется. Дальше пойдём верхами.

Я отдал своего коня отцу, а сам вскочил на Юркиного, сев сзади него. Отметил про себя, что уже в который раз нам приходится в нынешнем путешествии скакать вдвоём на одном коне, как на том злополучном перстне!

— Всем держаться за мной, — произнёс дядя Миша. — Кирилл, ты едешь последним. Иван и мальцы — посередке.

Я даже не стал возражать, что меня называли мальцом. Не до того сейчас.

Кони пошли рысью. Как дядя Миша находил дорогу в таком тумане — ума не приложу! Понятно, почему он велел нам ехать строго один за

другим. Ступая за ним след в след, мы могли не опасаться попасть в овраг или свалиться с речного обрыва. А Кирилл прикрывал со спины — на случай, если нас всё-таки обнаружат.

Воздух уже начал сереть — явный признак, что приближается утро. Внезапно совсем рядом раздался окрик:

— Эй, кто такие? Стоять!

Вопрос был задан по-ордынски.

— Намёт! — крикнул дядя Миша.

Скрываться уже не было необходимости. Сейчас главное — кто в таком густом тумане окажется быстрее в скачке. А это ох как непросто!

Кони пошли намётом. Возле уха вжикнуло. Что это? Неужели стрела? И совсем рядом. Не хватало ещё, проделав такой длинный и опасный путь, погибнуть накануне спасения! Я втянул голову в плечи, стараясь съёжиться даже в мыслях — авось промахнутся!

Бешеная погоня продолжалась недолго. То ли ордынцы потеряли нас в тумане, то ли просто опасались в азарте преследования слишком приблизиться к русскому войску. Некоторое время мы ещё скакали во весь опор, пока не стало окончательно ясно, что за нами больше никто не гонится.

Мы остановились. Сзади, из тумана, медленно подходил конь Кирилла. Тот сидел верхом как-то неестественно, боком, сильно пригнувшись к шее коня, слегка дёргая за поводья.

— Что с ним? — нахмурился дядя Миша.

— Кажется, он ранен, — произнёс отец.

Дядя Миша соскочил на землю:

— Ну-ка, помогите.

Кирилл, будучи среди нас самым рослым, всегда ступал легко, как кошка, и поэтому не казался тяжёлым. А сейчас мы с большим трудом стащили его с коня. Из груди с правой стороны торчал наконечник: стрела, войдя со спины, пронзила тело насквозь.

— Не надо вытаскивать стрелу, — сказал Юрка, ощупав виски. — Отломите наконечник и оперение и положите Кирилла на землю.

Юркины глаза были широко раскрыты, и по ужасу, застывшему в них, я понял: на этот раз его врачебное искусство будет бессильно. Он сдёрнул со спины торбу и стал рыться в ней.

— Ну что? — с надеждой спросил дядя Миша.

— Я сделаю так, чтобы ему не было больно, — ответил Юрка.

Дядя Миша кивнул. Он всё понял: так говорят об умирающих. Сколько раз во время службы у Олега ему приходилось терять товарищей!

Кирилл закрыл глаза, захрипел, стараясь откашляться, но не смог. На губах у него показалась кровавая пена, он выдохнул в последний раз и затих. Юрка заплакал. Всё случилось так быстро, что он даже не успел дать Кириллу обезболивающее зелье.

Наверно, правильно всё-таки говорят, что от судьбы не уйдёшь. Кирилл как будто всё время дразнил смерть. Слишком неосторожно бросался

в самые опасные места, а при отступлении был последним. Сколько я его знал? Да всего ничего: с того летнего дня, когда его переехала повозка. А сейчас начало осени. За это время Юрка дважды выдёргивал Кирилла с того света. На третий раз не получилось. Я вспомнил слова Варсонофия про белый дымок от погасшей свечи, который можно зажечь новым огнём... Но нет, человек — это всё же не свеча. Люди сгорают раз и навсегда.

Юрка, лежа на траве, плакал. Но плакал безмолвно — содрогались только его плечи. Хмурые дядя Миша и отец стояли рядом молча. Я еле сдерживался, чтобы не разрыдаться в полный голос. Но нельзя мне, не должен я ни словом, ни делом, ни движением выдавать своих чувств!

Могилу копали, когда уже рассвело. Ножам — больше нечем. Туман ещё не рассеялся, поэтому мы не опасались, что нас заметят. Да и, скорее всего, мы далеко ушли от ордынской ставки.

Где-то вдалеке ревели трубы.

— Наши перекликаются, — сказал дядя Миша, выгребая руками землю из уже глубокой ямы. — Как только туман рассеется, начнут.

Глава шестая

ВЕЛИКАЯ БИТВА

Туман начал редеть, когда солнце поднялось уже высоко. Мы закидали могилу землёй и стояли немного рядом. Оглядев ещё подёрнутые

лёгкой дымкой окрестности, мы увидели, что, оказывается, похоронили Кирилла на высоком берегу Дона. Дядя Миша, отойдя в сторону, нашёл большой камень, и они вдвоём с отцом подкатали его к могиле.

— Место отметим, а крест потом поставим, — сказал отец.

Чтобы попасть к нашим, надо было пройти мимо ордынского войска. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как сидеть и наблюдать со стороны, как разворачивается сражение.

— Фязи в центр становятся. Тяжело нашим придётся. Тяжело!.. — вздохнул дядя Миша.

С высокого берега нам хорошо было видно построение и русского, и ордынского войска. Основу войска кочевников составляла конница. Часть воинов спешилась и образовала боевой строй справа и слева от арбалетчиков. Позади большого русского полка я заметил несколько тысяч воинов, стоявших чуть в отдалении.

— Запасной полк, — пояснил дядя Миша, — на случай, если ордынцы станут верх брать. Только вот наверняка Мамаю об этом известно и он уже решил, как ему поступить. Неужели Дмитрий не придумал ничего нового? А я ведь его давно знаю как опытного и хитрого воеводу.

Ордынцы выстроились своим обычным порядком — стеной. Необычным было то, что центр войска у них сражался в пешем порядке. Видно, Мамай продумал ход битвы и выбрал этот новый для степняков строй.

От ордынского войска отделился рослый боец и выехал на сотню шагов вперёд. Было видно, как он потрясает копьём и что-то кричит. Слов мы разобрать не могли, так как находился он довольно далеко, да и ветер дул сбоку. Но я и без этого знал, что кричат в таких случаях — оскорбляют противника и вызывают самого опытного воина на бой.

Растолкав первые ряды русских воинов, вперёд вышел, ведя в поводу коня, кто бы вы думали? Монах! Да, самый настоящий монах в чёрном одеянии. Он что, драться собрался? Но им же по уставу монастырскому не положено! Но монах моих сомнений не разделял. Он легко вскочил на коня, ловко и умело поигрывая огромным копьём, — было видно, что воинский опыт у него имеется в избытке. Наверное, это какой-то воин, который решил постричься в чернецы, а при известии о битве не утерпел и отправился с Дмитрием на ордынцев.

Русский и ордынский богатыри поскакали навстречу друг другу, понукая коней. Издалека нам было видно, как они сшиблись. Я заметил только, как русский, покачнувшись в седле, выпустил копье, а ордынец, победно вскинув руки, развернул коня и направился к своим. Он сумел доскакать до первых рядов, но, тоже покачнувшись, медленно сполз на руки подхвативших его воинов. Оба поединщика сложили головы ещё до начала битвы.

Русское войско начало движение первым. Сторожевой полк, состоящий из легковооружённых воинов, оказался как раз напротив строя арбалет-

чиков. Никому на свете не пожелал бы я оказаться на их месте! Фязи обрушили на них целый град тяжёлых арбалетных болтов. Войска ещё не успели сойтись для схватки, а сторожевой полк был уже выкошен почти полностью. Лишь несколько человек успели спастись, отступив вглубь Большого полка. Если так дело пойдёт и дальше, нашим точно несдобровать. Болты легко пробивают кольчугу даже за сто шагов, а за пятьдесят от них не спасут никакие латы. Выход у русского войска был один — подойти к врагу вплотную для боя на мечах. Вот тогда арбалет станет бесполезен.

Дмитрий Московский словно прочёл мои мысли: наши полки двинулись на врага. Да ордынцы и сами не хотели ждать: конные и пешие воины с криками, доносившимися даже до нас, ринулись на русскую рать. Когда первые ряды воинов сошлись в рубке, раздался оглушительный треск от ударов саблями, мечами и кистенями по вражеским щитам. В мгновение ока всё смешалось. Поле битвы напоминало огромный муравейник. Снизу доносился лязг оружия, вопли, конское ржание. Служба арбалетчиков у Мамаю оказалась очень короткой. Первые ряды нашего Большого полка быстро разметали их по полю и по их телам пошли дальше. Будь у ордынцев больше привычки к строгому воинскому строю, всё могло бы повернуться совсем иначе: арбалетчики нанесли бы русскому войску куда больший урон, чем успели. Но, видно, степные боевые навыки оказались сильнее, и ордынцы, кинувшись в бит-

ву раньше времени, сами себя лишили преимущества в сражении.

Теперь не было никакого порядка в том кровавом месиве, которое разворачивалось на поле битвы. Некоторые русские воины оказались вооружены только копьями, а то и просто рогатинами. А в ближнем бою против сабли это слабое оружие. Интересно, здесь ли сейчас Чипига со своими подземными жителями? У них ведь, кажется, кольчуг и лат не было. Хотя кто его знает, что они хранили в своих подземных кладовых?

Только что победивший врага воин вскоре пал, сражённый сбоку или со спины. Мне вспомнился боярин Дмитрий Чевка, который твердил, что ратник в сражении должен видеть не только то, что перед ним, но и то, что справа, и слева, и даже позади. Правильно говорил. То, что происходило внизу, подтверждало правоту его слов.

В один момент натиск ордынцев стал настолько сильным, что центр русского войска прогнулся, вот-вот — и воины побегут. Не знаю, что помогло им выстоять, но какое-то время они держались, а потом подошло несколько сотен из запасного полка, и ордынцев удалось отбросить. Но, отбитые в одном месте, враги тут же пытались пробить стену наших войск в другом. В конце концов огромная лавина конницы, стреляя на скаку из луков, устремилась на полк левой руки.

— Нет, не удержаться нашим, — с сомнением сказал дядя Миша, внимательно наблюдая за ходом сражения. — Сомнут!

Он оказался прав: под страшным натиском ордынской конницы воины сначала дрогнули, потом подались назад и наконец побежали. Не знаю уж, на что они рассчитывали. За спиной у них была Непрядва — река пусть и невеликая, но так вот, с ходу, через неё не переправиться. Хотя какое право я имею их судить? В горячке боя, да ещё под натиском врага, превосходящего числом, как я поступил бы? Хочется верить, что не поддался бы общей панике. А там — кто его знает?

Запасной полк разворачивался влево, готовясь встретить торжествующих ордынцев в мечи, но было видно, что им тоже долго не устоять.

— Неужели всё? — с горечью произнёс дядя Миша. — Нет, не может быть!

Большой полк и полк правой руки ещё держались, но было понятно: как только ордынцы зайдут к ним со спины, сражение будет проиграно. Большая часть ордынского войска уже втянулась в прорыв, прижимая наших воинов к Непрядве. Ещё немного — и бегство обернётся избиением.

— Разве что за той дубравой, — бормотал про себя дядя Миша, — но это было бы слишком хорошо...

Я так и не успел спросить, о чём это он говорит. Неожиданно из-за дубовой рощи, мимо которой ордынцы только что гнали остатки полка левой руки, выскочили наши всадники. Потом ещё и ещё. Целая лавина свежих, до сих пор не участвовавших в битве воинов на отдохнувших конях врезалась в спину врагам. Даже издалека

было видно, насколько ордынцы были ошеломлены. Прежде чем они поняли, что произошло, треть войска была перебита. А остальные, сражённые ужасом, почти не сопротивлялись. Те, кто всё же пытался это делать, тут же погибали. Ход битвы полностью изменился в считанные мгновения.

— Мамай-то! Мамай уходит!

Дядя Миша смотрел в противоположную сторону и указывал рукой на ставку ордынского хана. Там несколько сотен нукеров, окружив своего предводителя, уходили верхами к реке. Вот они достигли берега и вошли в воду. Дон здесь, в верховьях, был нешироким, и вскоре беглецы вышли на противоположную сторону.

При внезапном ударе засадного полка Мамай, как опытный военачальник, сразу понял, что сражение проиграно и он спасётся только в том случае, если, не мешкая, обратится в бегство. На левом берегу хан оглянулся на поле битвы, где русские полки уничтожали остатки его войска, бывшего совсем недавно таким грозным, отвернулся и пошёл налётом в степь. Следом поскакали его верные нукеры.

— Почему он сразу всех воинов в бой бросил? — удивлённо сам себя спросил дядя Миша. — И так на двух наших трое, а то и четверо ордынцев приходилось. Останься у него запасной полк, хоть небольшой, всё по-другому могло выйти.

Но сейчас было не до того, чтобы разбирать промахи Мамай. Оставшиеся в живых ордын-

цы под напором русских полков устремились к Дону. И хуже всего было то, что вся эта нестройная толпа во время бегства могла зацепить и нас. Может, не самый центр бегущего войска, но его левое крыло должно было отхлынуть как раз туда, где мы сейчас стояли. И уберечься от встречи с ордынцами мы не могли никак.

Я только сейчас понял, какая нам угрожает опасность. Обезумевший бегущий воин не видит ничего вокруг. У него только одно желание — поскорее покинуть страшное место, где его могут убить. И когда на нас выскочит хотя бы десяток спасающихся от смерти ордынцев, нам несдобровать. А скорее всего, их будет не десяток и даже не сотня, а гораздо больше. И деваться нам некуда: мы как бы зажаты между Доном и Непрядвой. Может, вплавь попробовать?

— Кричать умеете? — спросил непонятно кого дядя Миша.

— Я умею, — пискнул Юрка.

Мы с отцом промолчали.

— Вот и ладненько. Как дам команду, всем кричать. Да пострашнее. Приготовьте луки. Стрелять тоже по команде. А пока всем лежать.

Мы послушно улеглись в сухую осеннюю траву. Отец проверил, хорошо ли натянута тетива. Он как-никак пять лет оружия не держал — руки отвыкли.

Когда ордынские всадники приблизились шагов на сто пятьдесят шагов, дядя Миша негромко скомандовал:

— А сейчас все разом встаём, кричим погромче и стреляем почаще.

Мы вскочили с земли, одновременно выпустив стрелы в сторону приближающихся ордынцев. Первым закричал Юрка. Он кричал тонко, с повизгиванием. Дядя Миша ревел, как раненый вепрь. Что происходило потом, я помню плохо. Мы выпускали стрелу за стрелой. Не знаю, попал ли я в кого-нибудь или нет, но саадак, где было тридцать стрел, опустел как-то очень быстро, а следить, падал ли кто-то с коня после моего выстрела, времени не было. Думаю, что далеко не все мои стрелы улетели в воздух, ведь последние недели перед посольством я усиленно занимался стрельбой из лука, как будто знал, что пригодится! Помню только резкую боль в ступне, когда Юрка с размаху ударил меня пяткой, вопя, словно его режут:

— Кричать! Кричать!

Спохватившись, я присоединился к общему хору, в котором резко выделялся зычный голос отца. А я и не знал, что он может так громко кричать... Когда ордынцы были совсем близко, дядя Миша обернулся и стал махать рукой, как будто подзывая ещё кого-то на помощь.

Не знаю, что заставило ордынцев повернуть в сторону. Вряд ли наша четвёрка могла напугать их в обычных условиях. Да что там «вряд ли»! Точно не могла! Тут сыграло всё: и внезапность нашего появления на их пути, и истошные крики, и летящие в них стрелы. Думаю, и наивная хи-

тлость дяди Миши, якобы подзывающего кого-то нам на помощь, тоже была не зря. Да я и сам, услышав в ночи Юркин истошный визг, подумал бы, что это какая-то нечисть на болоте вопит, и перепугался бы. Но главное, что помогло нам, это смертельный страх и растерянность ордынцев. Останься среди них хоть пара десятков не потерявших голову людей, нас просто не заметили бы. Конская лава прошла бы по нам, затоптав нас смертью.

Некоторые всадники, повернув в сторону от нас, срывались с крутого обрыва и разбивались, другие находили пологий спуск к воде и пытались перебраться на другой берег. Пешие ордынцы до берега не добрались: все полегли под русскими мечами на поле битвы. Первые из отступающих уже переправились через реку, когда подоспели наши всадники.

Мы уже не стреляли, наблюдая сверху, как русские воины добивают остатки ордынского войска. Засадный полк переправился на левый берег Дона и бросился вдогонку за теми ордынцами, кто успел покинуть поле сражения.

Вскоре на месте кровавой сечи всё затихло. Великая битва закончилась.

Глава седьмая, ПОСЛЕДНЯЯ

Мы вернулись в Рязань.

Как ни старался Олег скрыть свою причастность к битве, это у него не получилось. Да и как

скроешь, если семьдесят рязанских бояр погибло в этом сражении! И одним из них, к великому горю, оказался мой наставник Дмитрий Чевка. Тут оправдывайся не оправдывайся: мол, своевольно ушли бояре в московское войско, — а любому станет понятно, что князь если не прямо приказал, то по меньшей мере сделал вид, что не заметил их ухода.

После битвы всё как-то внезапно и сильно изменилось. Дмитрий Московский и до этого был весьма уважаем и другими князьями, и простыми людьми, а теперь, как победитель Мамай, прославился на всю Русскую землю. И даже разграбление Москвы Тохтамышем два года спустя не смогло поколебать его славы. Несмотря на разгром, приемники Дмитрия Московского продолжили собирание русских земель, начатое ещё его дедом — Иваном Калитой. И так — зёрнышко по зёрнышку — Московское княжество стало набирать всё большую и большую силу.

Ягайло шесть лет спустя всё же принял католичество и заключил союз с единоверной Польшей. А что там у него было дальше с храмовниками, я не знаю. Скорее всего, умный и суровый князь не захотел делиться властью с последователями храмовников и попросту прогнал их из своих владений. Не слышно о них стало и в наших краях. Похоже, сильно они надеялись на Мамай, а тот не оправдал ожиданий. Соваться же к Тохтамышу фрязи побоялись. Новый ордынский хан был известен как истовый магометанин и, за-

метив, что послы юлят, просто велел бы их казнить.

Мы с отцом поселились во владениях Олега Рязанского. Я, как состоящий на княжьей службе, живу в кремле, а отец поставил кузню недалеко от города, в селе Скорнищево. Там и живёт. Служу я уже долго — сначала служил Олегу, теперь его сыну Фёдору.

Младший Олегов сын Родослав долго сидел в Рязани без дела. В конце концов отец доверил ему возглавить рязанскую дружину в походе на литовцев. Я и Варсонофий, тогда уже совсем старенький, возражали, зная о его невысоких ратных знаниях и умениях, но Олег всё же скрепя сердце велел Фёдору отправить своего младшенького добывать славу воинскую. И жестоко просчитался. Родослав и войско погубил, и сам к Ягайле в плен попал. Литовский князь, к тому времени крещённый в католичестве, носил имя Владислав Ягелло.

Пришлось Фёдору выкупать брата из плена за огромные деньги. Олег, узнав об этом, не вынес позора и с горя умер. Он незадолго до этого принял схиму и под монашеским именем Иоаким поселился неподалёку от Рязани, в Солотчинском монастыре, где его и похоронили.

После победы Дмитрия Московского над Мамаем беды рязанские не прекратились. Князья по-прежнему не хотели добровольно объединяться и воевали не только с Ордой, но и друг с другом. Надежда оставалась только на Москву. Именно она, находящаяся в самом сердце рус-

ских земель, могла бы стать той силой, что объединит все русские княжества под одной рукой. Сражение между Доном и Непрядвой показало, что вместе мы одолеем и самого сильного врага. Я всегда буду за объединение, под чьим бы знаменем оно ни состоялось — под рязанским ли, московским или новгородским.

Да, надо не забыть рассказать о том, как сложилась судьба моих товарищей по тому давнему путешествию в Литву. Юрка, вернувшись в Рязань, сделался важным человеком. Мало того, что его тоже при княжьем дворе определили, он ещё и учеников набрал — ненамного младше его самого, а есть такие, что и постарше. Целую дюжину! И обучает их своему лекарскому искусству. Учитель он строгий. Чуть только заметит, что кто-то ленится — выгоняет без жалости. И тогда уж лентяю дома не поздоровится. Всё время придумывает новые лекарства, что-то варит, готовит зелья разные, мази, притирания и пользуется в Рязани большим уважением. Он подросток, но не сильно. А вот растолстел — это да! Но на его мастерстве это никак не сказалось.

К сожалению, его лекарское искусство не помогло дяде Мише, который после одного из походов вернулся весь израненный и через месяц умер. Варсонофий тогда лишь вздохнул и сказал, что настоящие воины никогда от старости не умирают — особенно в такое время беспокойное. Похоронили дядю Мишу недалеко от городской стены.

А ещё через год съездили мы с Юркой на место смерти Кирилла. Могилу его отыскиали быстро. Тот камень, что отец с дядей Мишей прикатали, чтобы отметить место упокоения нашего товарища, лежал на месте. Мы поставили на могиле крест. Один он был на белом свете: все родные его погибли во время ордынского набега, и он с малых лет жил при княжеской дружине. Своей семьи завести так и не успел. Когда я через несколько лет снова побывал на этом месте, то креста уже не обнаружил. Да и местность изменилась: где кусты выросли, где крутой берег осыпался. А сколько таких могил в степи!

Как сложилась судьба Аустей, я так и не узнал. Во владения Великого княжества Литовского дороги у меня теперь нет: память у Ягайла-Владислава крепкая, и, думаю, даже если б я приехал с посольским поручением, ничего хорошего из этого ни для меня, ни для посольства не вышло бы. Надеюсь только, что всё у неё хорошо. Память о нашей встрече тогда, в год великой битвы, осталась у меня на всю жизнь. И когда я вспоминаю о ней, на душе становится так светло, что словами не передать: не придумано ещё таких слов.

Нет, вы как хотите, а я считаю, что всем русским землям надо быть вместе, и никогда не устану это повторять. Всем землям — и отдельным княжествам, и тем, что Литва взяла под себя. И мне радостно оттого, что объединение это происходит у меня на глазах. И пусть не Рязань, а Москва, пусть! Может, когда я стану совсем ста-

реньким, доведётся мне увидеть родную землю, свободную от чужаков. И я приложу все свои силы, все свои знания и умения — словом, всё, чему научили меня дядя Миша, Дмитрий Чевка и дьяк Варсонофий и что я позже постиг сам, чтобы моя Родина процветала и была единой и сильной.

Ну а теперь — до свидания. Посыльный от великого князя пришёл. Фёдор Олегович меня к себе требует...

Михаил Юрьевич Фёдоров родился в 1969 г. Вырос в шахтёрском городке Коркино на Урале. В детстве много читал, любил историю, увлекался музыкой: играл в школьном духовом оркестре, закончил музыкальную школу по классу гитары.

По основному образованию М. Фёдоров — военный. В 80-е гг. прошлого века, когда ещё был жив СССР, участвовал в установлении конституционного порядка в Закавказье и Средней Азии, позже служил в Сарове — городе, где была создана первая советская атомная бомба. Во второй половине 1990-х гг. занялся журналистикой. Работал репортёром, заместителем редактора информационного агентства, редактором газеты.

Давнее увлечение историей не прошло для М. Фёдорова бесследно. Его первая книга «Пиар по-старорусски» написана в жанре историко-юмористического фэнтези и рассчитана на широкий круг читателей.

Вторая книга, историческая повесть «Два всадника на одном коне», адресована детской аудитории. Автор изучил обширный исторический материал, посвящённый русскому и западно-европейскому Средневековью: летописи, сказания, фольклор. Захватывающая интрига повести на умело и красочно выписанном историческом фоне не оставит равнодушным читателя-подростка, пробуждая уважение к национальной истории и её выдающимся деятелям, создававшим Русское государство.

В 2016 г. за повесть «Два всадника на одном коне» М. Фёдоров получил 2-ю премию V Международного конкурса им. Сергея Михалкова.

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ

Алексей Анатольевич Шевченко родился в 1962 г. в городке Чайковский, живописно расположенном на полуострове посреди лесов, на берегу речки Камы (Урал, Пермский край). Выпускник Орловского художественного училища. Живёт и работает в Орле. Член Союза художников России.

«С самого детского сада мне хотелось только книжки иллюстрировать, — вспоминает Алексей Шевченко. — А потом — представляете! — с авторами и художниками, знакомыми по „Мурзилке“, книгам издательства „Малыш“ и „Детская литература“, на которых вырос, довелось столкнуться в редакции!

Сколько себя помню, всегда интересовался историей. Студентом ездил в археологические экспедиции, оттуда много друзей — замечательных историков. Даже самый главный человек в жизни, жена, и та доктор исторических наук, профессор».

А. Шевченко проиллюстрировал множество детских книг. Среди его работ — рисунки к произведениям современных авторов, таких как Э. Успенский, А. Усачёв, Ю. Энтин, Г. Остер и др. Художник участвовал в оформлении школьных учебников в издательствах «Просвещение», «Астрель».

Работы Алексея Шевченко неоднократно экспонировались на различных художественных выставках, а его иллюстрации к либретто оперетты «Последний колдун» (музыка П. Виардо), написанному И. С. Тургеневым, находятся в постоянной экспозиции Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева.

ЛАУРЕАТЫ
I МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА (2008)

• **1-Я ПРЕМИЯ**

Пономарёвы Николай и Светлана. ФОТО НА РАЗВАЛИНАХ (Россия, г. Омск).

• **2-Я ПРЕМИЯ**

Михеева Тамара. ЮРКИНЫ БУМЕРАНГИ (Россия, Челябинская обл., с. Миасское).

• **3-Я ПРЕМИЯ**

Киселёв Геннадий. КУЛИСЫ... ИЛИ ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН! (Россия, г. Москва).

• **Степанова Елена.** ПОД СТЕКЛЯННОЙ КРЫШЕЙ (Россия, г. Москва).

• **Слуцкий Вадим.** МОИ ЗНАКОМЫЕ ЖИВОТНЫЕ (Россия, Карелия).

• **Сухинов Сергей.** ВОЖАК И ЕГО ДРУЗЬЯ (Россия, Московская обл.).

• **Лучинин Максим.** ГИБЕЛЬ БОГОВ (Россия, г. Киров).

• **Бондарева Светлана.** ФЕТКИНО ДЕТСТВО (Россия, г. Москва).

• **Нечипоренко Юрий.** СМЕЯТЬСЯ И СВИСТЕТЬ (Россия, г. Москва).

• **Олифер Станислав.** ПЕМИКАН И КАПАЛЬКА (Россия, г. Приозёрск).

• **Смирнов Виктор.** МОБИ НИК (Россия, г. Москва).

• **Козлова Людмила.** ЗЕМЛЯ — МОЙ ДОМ (Россия, г. Бийск).

• **Абрамов Николай.** НЫКАЛКА, ИЛИ КАК Я БЫЛ МИЛЛИОНЕРОМ (Россия, г. Кондопога).

• **Штанько Виктор.** ТРУДНО БЫТЬ ДРУГОМ (Россия, Московская обл., г. Пушкино).

• **Дунаева Людмила.** ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ БЛАЖЕНСТВА (Россия, г. Москва).

• **Красюк Нинель.** МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ БОЛЬШОГО ГОРОДА (Беларусь, г. Минск).

• **Линькова Вера.** ПИСЬМА В ОБЛАКА (Россия, г. Петрозаводск).

ЛАУРЕАТЫ

**II МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА (2010)**

- **1-Я ПРЕМИЯ НЕ ПРИСУЖДАЛАСЬ.**
- **2-Я ПРЕМИЯ**
Веркин Эдуард. ДРУГ-АПРЕЛЬ (Россия, г. Иваново).
- **3-Я ПРЕМИЯ**
Дегтярёва Ирина. ЦВЕТУЩИЙ РЕПЕЙНИК (Россия, г. Москва).
- **3-Я ПРЕМИЯ**
Никольская-Эксели Анна. КАДЫН — ВЛАДЫЧИЦА ГОР (Россия, г. Барнаул).
- **Ахматов Борис.** ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЛИ НА УНЕ (Россия, г. Москва).
- **Брусникин Виктор.** СОЛО ХОРОМ (Россия, г. Екатеринбург).
- **Каменев Владимир.** СТАРЫЙ ЛИС (Россия, Московская обл., пос. Кратово).
- **Копылова Марина.** ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ РАЗГОВАРИВАЛА С ВЕТРОМ (Россия, г. Йошкар-Ола).
- **Леонтьев Александр.** КРЕПОСТЬ (Украина, г. Одесса).
- **Липатова Елена.** ПЕРВОКУРСНИЦА (США, г. Салем).
- **Малышева Татьяна.** КОГДА ОНИ НЕ ЛЕЖАТ У НАС НА КОЛЕНЯХ (Россия, г. Москва).
- **Михеева Тамара.** ЛЕГКИЕ ГОРЫ (Россия, Челябинская обл., с. Миасское).
- **Тамбовская Александра.** ДАРЮ ТЕБЕ МЕЧ Я И СТРЕМЯ (Россия, г. Липецк).
- **Павлов Игорь.** КАК Я УЧИЛСЯ... ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ИХ МАМ (Беларусь, г. Брест).
- **Столярова Наталья.** ДМИТРИЙ РУССКИЙ (Россия, Пермский край, г. Чайковский).
- **Штанько Виктор.** НИКТО НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ (Россия, Московская обл., г. Пушкино).

ЛАУРЕАТЫ
III МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА (2012)

- **1-Я ПРЕМИЯ НЕ ПРИСУЖДАЛАСЬ.**
- **2-Я ПРЕМИЯ**
Богатырёва Ирина. ЛУНОЛИКОЙ МАТЕРИ ДЕВЫ (Россия, Московская обл., г. Люберцы).
- **3-Я ПРЕМИЯ**
Волкова Наталия. НА БЕЛОМ ЛИСТОЧКЕ (Россия, г. Москва).
- **3-Я ПРЕМИЯ**
Чернакова Анна, Адабашьян Александр. ХРУСТАЛЬНЫЙ КЛЮЧ (Россия, г. Москва).
- **Гаммер Ефим.** ПРИЕМНЫЕ ДЕТИ ВОЙНЫ (Израиль, г. Иерусалим).
- **Евдокимова Наталья.** ЛЕТО ПАХНЕТ СОЛЮЮ (Россия, г. Санкт-Петербург).
- **Жвалевский Андрей, Пастернак Евгения.** Я ХОЧУ В ШКОЛУ! (Беларусь, г. Минск).
- **Каретникова Екатерина.** ГОСТЬ ИЗ БЕЛОГО КАМНЯ (Россия, г. Санкт-Петербург).
- **Корниенко Татьяна.** ESPRESSIVO (Украина, г. Севастополь).
- **Липатова Елена.** ДОЖДЬ СВОИМИ СЛОВАМИ (США, г. Салем).
- **Орлов Иван.** ПРИКОЛЬНЫЕ ИГРЫ НА КРАЮ СВЕТА (Беларусь, г. Брест).
- **Пономарёвы Николай и Светлана.** ВЫ СУЩЕСТВУЕТЕ (Россия, г. Омск).
- **Соловьёв Михаил.** ПЕРЕХОД (Россия, г. Иркутск).
- **Штанько Виктор.** МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В БОЛЬШОМ ДОМЕ (Россия, Московская обл., г. Пушкино).

**ЛАУРЕАТЫ
IV МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА (2014)**

• **1-Я ПРЕМИЯ**

Дегтярёва Ирина. СТЕПНОЙ ВЕТЕР (Россия, г. Москва).

• **2-Я ПРЕМИЯ**

Корниенко Татьяна. ХЕРСОНЕСИТЫ (Россия, г. Севастополь).

• **3-Я ПРЕМИЯ**

Логинов Михаил. КЛЮЧ ОТ ГОРОДА АНТОНОВСКА (Россия, г. Санкт-Петербург).

• **Турханов Александр.** ГРУСТНЫЙ ГНОМ, ВЕСЕЛЫЙ ГНОМ (Россия, г. Москва).

• **Шипошина Татьяна.** АНГЕЛЫ НЕ БРОСАЮТ СВОИХ (Россия, г. Москва).

• **Колпакова Ольга.** ЛУЧ ШИРОКОЙ СТОРОНОЙ (Россия, г. Екатеринбург).

• **Манахова Инна.** ДВЕНАДЦАТЬ ЗРИТЕЛЕЙ (Россия, г. Оренбург).

• **Амраева Аделия.** ГЕРМАНИЯ (Казахстан, пос. Береке).

• **Лабузнова Светлана.** БИЛЕТ ДО ЛУНЫ (Россия, Московская обл., г. Люберцы).

• **Васильева Надежда.** ГАГАРА (Россия, г. Петро-заводск).

• **Клячин Валерий.** СТРАШНАЯ ТАЙНА БРАТЬЕВ КОРАБЛЁВЫХ (Россия, г. Иваново).

• **Кузнецова Юлия.** ФОНАРИК ЛИЛЬКА (Россия, г. Москва).

• **Андрианова Ирина.** СТО ФАКТОВ ОБО МНЕ (Россия, г. Москва).

ЛАУРЕАТЫ
V МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА (2016)

- **1-Я ПРЕМИЯ НЕ ПРИСУЖДАЛАСЬ.**
- **2-Я ПРЕМИЯ**
Фёдоров Михаил. ДВА ВСАДНИКА НА ОДНОМ КОНЕ (Россия, Московская обл.).
- **3-Я ПРЕМИЯ**
Максимов Андрей. СОЛНЦЕ НА ДОРОГЕ (Россия, г. Москва).
- **3-Я ПРЕМИЯ**
Турханов Александр. ЗА ГОРАМИ, ЗА ЛЕСАМИ (Россия, г. Москва).
- **Орлова-Маркграф Нина.** ХОЧЕШЬ ЖИТЬ, ВИКЕНТИЙ? (Россия, г. Москва).
- **Шипошина Татьяна.** ТАЙНА ГОРЫ, ИЛИ ПОРТРЕТ КУЗНЕЧИКА (Россия, г. Москва).
- **Кулешова Сюзанна.** ЛИТЕЙНЫЙ МОСТ (Россия, г. Санкт-Петербург).
- **Ленковская (Крживицкая) Елена.** РЕСТАВРАТОР ПТИЧЬИХ ГНЁЗД (Россия, г. Екатеринбург).
- **Книжник Генрих.** ТЫ ЛЮБИШЬ НАУКУ ИЛИ НЕТ? (Россия, г. Москва).
- **Доцук Дарья.** ПОХОД К ДВУМ ВОДОПАДАМ (Россия, г. Москва).
- **Волкова Светлана.** ДЖЕНТЛЬМЕНЫ И СНЕГОВИКИ (Россия, г. Санкт-Петербург).
- **Зайцева Ольга.** ТРИ ШАГА ИЗ ДЕТСТВА (Россия, г. Санкт-Петербург).
- **Басова Евгения.** ДЕНЬГИ, ДВОРНЯГИ, СЛОВА (Россия, г. Чебоксары).
- **Кудрявцева Татьяна.** СОТВОРЕНИЕ МИРА (Россия, г. Санкт-Петербург).

Для детей старше 12 лет (12+)
(В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ)

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

СЕРИЯ «ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА»

Фёдоров Михаил Юрьевич

Два всадника на одном коне

Историческая повесть

Ответственный редактор

О. Б. Гринцева

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Корректоры

В. В. Борисова, О. И. Голева

Компьютерный дизайн

М. В. Григоренко

Компьютерная верстка

В. И. Тушева

Подписано в печать 24.10.2017. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Myriad. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 8,81. Тираж 3000 экз. Заказ № 612.

Орден Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
АО «Издательство «Детская литература».
119071, Москва, 2-й Донской пр., д. 4.
www.detlit.ru

Отпечатано в АО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57/1.

